Юридическая мысль

2022 1 (125)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787 >

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (MariaKruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА
в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2021»
Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2021 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ruarpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**
Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2021 г.)
Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете:http://lawinst-spb.ru; http://matgip.ru
E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founderand Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3
Юридический институт (Санкт-Петербург)
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 26.03.2022. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 24,24. Усл. п.л. 14,05. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 1 (125), 2022

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2022 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 1 (125)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Агафонов В.А.
Правовое регулирование охраны здоровья и медицинского обслуживания лиц, замещающих муниципальные должности 15

Апольский Е.А., Муцольгов И.А.
Электронное государство и его эффективность в России 25

Битус Д.А.
Влияние процессов информатизации на эффективность организации прокурорского надзора за соблюдением права на жилище 37

Грунин А.Г.
Механизм социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина на примере компенсации морального вреда 45

Куксин И.Н.
Высшее образование и влияние пандемии на его качество 54

Масленников Д.В., Ревнов Б.А.
Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование 69

Маслов И.А.
Государственное принуждение в социально-правовом контексте 81

Ревнов Б.А.
О правомерности использования иностранного водительского удостоверения лицами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации 92

Романенко Н.С.
Понятие и признаки юридической процедуры..... 114

Твердова Т.В., Мухлынина М.М.
Правовое регулирование отношений с применением цифровых технологий в сфере нотариата..... 123

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Авраменко А.О., Веретенников Н.Н.
Кодекс административного судопроизводства
Российской Федерации: проблемы применения 137

Шафигулин К.В.
Вопросы безопасности в стратегиях Российской Федерации 150

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гареев М.Ф.
Контроль и надзор за деструктивными контентами в Интернете
как один из аспектов предупреждения противоправной деятельности..... 163

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Бастрыкин А.И.
Лекция: Некоторые проблемы раскрытия
и расследования преступлений серийных и прошлых лет 177

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Agafonov V.A.
Legal regulation of health protection and medical care
for persons holding municipal positions 20

Apolsky E.A., Mutsogov I.A.
Electronic state and its effectiveness in Russia..... 31

Bitus D.A.
Influence of informatization processes on the effectiveness of the organization
of prosecutorial supervision over the observance of the right to housing 41

Grunin A.G.
The mechanism of social and legal provision of human and civil rights
on the example of compensation for moral damage 49

Kuksin I.N.
Higher education and the impact of the pandemic on its quality 61

Maslennikov D.V., Revnov B.A.
The basic norm of G. Kelsen and its natural-legal justification 75

Maslov I.A.
State coercion in a socio-legal context..... 86

Revnov B.A.
On the legitimacy of using a foreign driver's license by persons permanently residing on the territory of the Russian Federation 103

Romanenko N.S.
The concept and features of legal procedure..... 118

Tverdova T.V., Mukhlynina M.M.
Legal regulation of relations using digital technologies in the field of notaries 130

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Avramenko A.O., Veretennikov N.N.
Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: problems of application 143

Shafigulin K.V.
Security issues in the strategies of the Russian Federation 156

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES

Gareev M.F.
Control and supervision of destructive content on the Internet as one of the aspects of preventing illegal activities 170

TO HELP THE LECTOR

Bastrykin A.I.
Lecture: Some problems of disclosure and investigation of serial and past crimes..... 184

Индексация журнала

ПРИГЛАШЕНИЕ

VII Международная научно-теоретическая конференция

«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития»
(к 30-летнему юбилею Юридического института)

VII International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context of informatization and digitalization of Russian society in the interests of sustainable development”
(for the 30th anniversary of the Law Institute)

10 июня 2022 года (10.00–17.00)
Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3

Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права, редколлегии журналов «Теория государства и права», «Юридическая мысль», «Вестник общей и отраслевой теории права», «Современное российское право», «Вестник Института права Башкирского государственного университета», «Вестник Костромского государственного университета», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета», «Миграционное право», «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика) 30 июня 2022 года (Санкт-Петербург) в очно-заочном формате проводят VII Международную научно-теоретическую конференцию «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития» посвященную 30-летию образования Юридического института (Санкт-Петербург).

К выступлению с докладами приглашаются доктора и кандидаты наук, аспиранты (адъюнкты) и соискатели, студенты, практикующие юристы.

Регистрация 30 июня 2022 года: 9.30–10.30 (московское время), начало работы конференции: 10.30, перерыв: 13.00–14.00, окончание работы конференции: 16.00.

Рабочие языки конференции – русский и английский.

Проезд и проживание иностранными и иногородними участниками оплачиваются и организуются самостоятельно.

Просим Вас подтвердить свое участие в конференции (указав форму участия), пройдя электронную регистрацию до **15 июня 2022 года** по электронной почте: matgip2017@yandex.ru или lawinst-spb@mail.ru

Доклады, статьи, сообщения надо направить до 15 июля 2022 года в электронном виде по адресу: matgip2017@yandex.ru или в печатном виде по адресу: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корпус 1, оф. 12.

Российский индекс научного цитирования

Информация о материалах, опубликованных в журналах по тематике конференции, будет размещена в системе E-library (РИНЦ).

Материалы конференции будут размещены в номере 3 журнала «Теория государства и права» за 2022 год, в других журналах информационных партнеров.

Рассылка журнала и сборника авторам, заказавшим печатный вариант, вместе с сертификатом, будет производиться централизовано, посредством почты России, простой бандеролью после 15 июля 2022 года.

Информационные партнеры

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»

Вестник Костромского государственного университета

Журнал «Вектор науки Тольяттинского государственного университета» Серия: Юридические науки

Журнал «Вестник Института права Башкирского государственного университета»

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

УВЕРЕННОСТЬ В КАЖДОМ РЕШЕНИИ.
ГАРАНТ
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Компания «Гарант»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Оформление материалов

1. Рукопись статьи должна быть отпечатана через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом, страницы пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15];

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 9-е изд. – М.: Изд-во Юрайт, 2019. – 506 с.

2. Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц.

3. Статья(и) аспиранта(ов) должны быть согласованы с их научным руководителем (руководителями).

4. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте.

5. Статьи на русском (английском) языке можно направить также на электронный адрес редакции журнала «Теория государства и права» matgip2017@yandex.ru

6. Фотография автора (5 х 6 см.) – по желанию.

7. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The text of article should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. 9-th ed. – M.: Publishing House "Yurait", 2019. – 506 pp.

2. The paper should not exceed 10 printed pages.

3. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

5. Article sent by E-mail: matgip2017@yandex.ru

6. Photo of author 5 x 6

7. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Стандарты оформления материалов

1. Материал должен быть подготовлен и отправлен на модерацию в формате .doc либо .docx;
2. Языки материала – **русский** либо **английский;**
3. Размер страницы – А4, ориентация – «Книжная»;
4. Поля страницы: Верхнее – 20 мм, Нижнее – 20 мм, Правое – 20 мм, Левое – 30 мм.;
5. Отступ первой строки абзаца слева (красная строка) – 1,25 см;
6. Первый абзац – ФИО авторов (выравнивание по правому краю);
7. Второй абзац – Наименование организации, страна, город, электронный адрес (E-mail) (выравнивание – по правому краю);
8. Третий абзац – Полное название темы статьи (выравнивание по центру, начертание полужирное) на русском и английском языках;
9. Далее аннотация и ключевые слова на русском языке и английском языках; текст статьи (междустрочный интервал – 1,5 строки, выравнивание – по ширине, без переносов);
10. Во всем тексте статьи шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль;
11. Библиографический список используемой литературы: каждый источник должен быть написан с новой строки. Необходимо указать полное наименование источника и авторов.
12. Как только статья будет проверена рецензентами и рекомендована к публикации, автор получит сообщение о принятии материала и стоимости организационного взноса с указанием на порядок и реквизиты оплаты.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

1. **Ревнова Мария Борисовна** – председатель оргкомитета конференции, учредитель Частного орбразовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Юридическая мысль», кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия).
2. **Полищук Николай Иванович** – сопредседатель оргкомитета конференции, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления ФСИН России, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия).
3. **Кари Сюнберг** – сопредседатель оргкомитета конференции, помощник члена парламента Финляндии, Президент географического общества Финляндии, Ph.D.Geography, Dr.h.c. of Law (г. Хельсинки, Финляндия), доктор honoris causa Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург).
4. **Дроздова Александра Михайловна** – сопредседатель оргкомитета конференции, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав че-

ловека Юридического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь), доктор юридических наук, профессор.

5. **Хабибулин Алик Галимзянович** – сопредседатель оргкомитета конференции, заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований ВШГА (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, гл. редактор журнала «Миграционное право», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия).

6. **Груздев Владислав Владимирович** – проректор по науке Костромского государственного университета, гл. редактор журнала «Вестник Костромского государственного университета», доктор юридических наук, профессор (г. Кострома, Россия).

7. **Комаров Владимир Сергеевич** – главный редактор журнала «Теория государства и права», кандидат юридических наук (г. Москва, Россия).

8. **Ирошников Денис Владимирович** – доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

9. **Комарова Татьяна Львовна** – сопредседатель оргкомитета конференции, проректор по науке и инновациям Юридического института (Санкт-Петербург), ответственный секретарь Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, заместитель главного редактора журнала “Law and Power”, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).

10. **Хачатуров Рудольф Левонович** – советник ректората Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия).

11. **Мицкая Елена Владимировна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (г. Шымкент, Республика Казахстан); профессор кафедры конституционного и административного права Частного орбразовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

12. **Сальников Виктор Петрович –** Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

13. **Галиев Фарит Хатипович** – сопредседатель оргкомитета конференции, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», гл. редактор журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета», доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия).

14. **Спирин Михаил Юрьевич –** сопредседатель оргкомитета конференции, доцент кафедры теории и истории государства и права и между-

народного права Юридического института ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», кандидат юридических наук, доцент.

16. **Кузьмин Игорь Александрович** – сопредседатель оргкомитета конференции, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент.

17. **Пузиков Руслан Владимирович** – доцент кафедры гражданского права и процесса Института права ГОУВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент.

Информационные партнеры

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Вестник общей и отраслевой теории права»

Вестник Костромского государственного университета

Журнал «Вектор науки Тольяттинского государственного университета» Серия: Юридические науки

Журнал «Вестник Института права БашГУ»

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

Журнал «Юридическая мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP. 2022.125.1.001

Правовое регулирование охраны здоровья и медицинского обслуживания лиц, замещающих муниципальные должности

В.А. Агафонов*

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям правового обеспечения охраны здоровья и медицинского обслуживания лиц, замещающих муниципальные должности в субъектах Российской Федерации. Специальное внимание уделяется основным факторам риска трудового процесса муниципального служащего, мерам стабилизации его социальной безопасности.

Автор поддерживает идею о том, что лицам, замещающих муниципальные должности и членам их семей гарантируется медицинское обслуживание, в том числе после выхода на пенсию. Данное положение есть форма реализации права российских граждан на охрану здоровья, что в полной мере соответствует положениям Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: муниципальные служащие, муниципальные должности, охрана здоровья, профессионализация деятельности.

В Российской Федерации на сегодняшний день конституционно, а также на федеральном и региональном уровнях находят широкое отражение и закрепление меры социальной защиты самых разных слоев населения. Особую категорию граждан представляют лица, замещающие муниципальные должности, так как они выполняют социально значимую деятельность, требующую высокого уровня профессиональной компетентности и эмоциональной выносливости. Забота со стороны государства о работниках данной сферы проявляется в создании охраны здоровья и медицинского обслуживания.

К лицам, замещающим муниципальные должности, исходя из положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], относятся главы муниципальных образований, а также депутаты,

* *Агафонов Валентин Александрович*, к.ю.н., доцент кафедры трудового и социального права Уральского института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ. E-mail: nastya_alex13@mail.ru

члены выборного органа местного самоуправления, выборные должностные лица местного самоуправления. Исчерпывающие перечни лиц, замещающих муниципальные должности, определяются законами субъектов РФ и уставами муниципальных образований.

В соответствии со статьей 41 Конституцией Российской Федерации [1] и статьи 1 Основ законодательства РФ «Об охране здоровья граждан» [2] государство гарантирует своим гражданам охрану здоровья и предоставление медицинской помощи – бесплатно за счёт средств бюджетов, страховых взносов и пр. Данная гарантия распространяется и на лиц, замещающих муниципальные должности без каких-либо ограничений.

Особого порядка охраны здоровья лиц, замещающих муниципальные должности, не установлено. Между тем, охрана здоровья лиц, замещающих муниципальные должности, является важным фактором в системе социальной защиты.

Так, А.А. Деркач в акмеологическом исследовании рассматривает его в рамках психологии безопасности в управлении – сущности предупредительной безопасности и технологий её обеспечения для личности муниципального служащего при трансформации общественных отношений. Это связано с причинами рисковых состояний здоровья в управлении, психологической и профессиональной трансформацией служащего в сфере управления. Его компетентностью и самооценкой возможностей в формировании психической устойчивости и готовности к работе в новых условиях труда, через понимание управленческих, территориальных, производственных, социальных и психологических аспектов и в приемах управления своим здоровьем [9].

Анализ профессиональной деятельности лиц, замещающих муниципальные должности свидетельствует, что их труд постоянно сопряжен с действием экстремальных факторов, создающих проблемные экстремальные ситуации.

Основными факторами риска трудового процесса муниципального служащего стали конфликтные состояния социально-экономической сферы управления: стратификация населения; деформация социально-профессиональных групп, ценностей труда, престижности профессий; поляризация интересов собственников или администраций предприятий, с одной стороны, и наемных работников – с другой.

Кроме того, управление в условиях гражданского общества требует совершенствования регламентации и коррекции собственной деятельности служащего в отношении оценок социально-политических ориентаций тех, с кем он работает, и мер стабилизации его социальной безопасности и контингента муниципально-социального управления, в который он входит. Его можно разделить по политическим ориентациям: ориентированные на сильную власть, на безальтернативную власть и на людей с пессимистическими установками, считающих, что никакие меры не принесут желаемого улучшения жизни. Надо учитывать, что муниципальный служащий в условиях перехода от прямого управления к администрированию должен учитывать и изменения своих технологий в трудовом процессе, в связи с учетом соответствующих факторов риска для его профессионального здоро-

вья, психологические напряженности и их потенциальные уровни, вызывающие личностные деформации.

Надо признать, что уровень рисков в работе лица, замещающего муниципальную должность пропорционален уровню социальной напряженности, который можно оценивать по политической активности граждан территории в ответ на социальные стрессоры. Здесь раскрывается потенциальный уровень психической напряженности. В нем значение приобретают уровни психического стресса, которые характеризуют состояние человека, переходящего от возбуждения и ненаправленной активности к потере интереса, апатии. Предельный уровень напряжения приводит к диссоциациям, которые направлены на изменение (разрушение и деформацию) личностных структур и социальной структуры жизнедеятельности человека.

Высокий уровень психического стресса становится в определенном смысле фактором деструктивной социальной активности и населения, и самих муниципальных служащих. Для устойчивости последних необходима их подготовка по отношению сохранения психического здоровья с учетом профиля трудового процесса. Необходимо знать и уровень открытой (скрытой) социальной напряженности. Однако в настоящее время нет реальной опасности для возникновения спонтанных, неорганизованных массовых беспорядков, но они являются предметом напряженной работы муниципальных служащих. Им приходится работать с эмоциональными поляризациями настроений людей, обусловленными не только факторами материального благополучия, но и различиями в мировоззренческих и ценностных установках людей, их профессиональной деятельностью и местом в структуре занятости.

Статья 23 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» [5] регламентирует медицинское обслуживание лиц, замещающих муниципальные должности.

Основополагающая роль охраны здоровья как неотъемлемого условия жизни общества признается в преамбуле и ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан [2], а ст. 2 Конституции РФ закрепляет, что охрана здоровья граждан входит в число наиболее важных обязанностей Российского государства [1].

В настоящее время в целях обеспечения конституционных прав россиян на получение бесплатной медицинской помощи Правительством РФ 7 декабря 2019 г. утверждена Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов [6], согласно которой граждане могут бесплатно получать первичную медико-санитарную помощь; неотложную медицинскую помощь; скорую медицинскую помощь, в том числе специализированную (санитарно-авиационную); специализированную медицинскую помощь, в том числе высокотехнологичную; медицинскую помощь в больничных учреждениях и других медицинских организациях или их соответствующих структурных подразделениях в случаях плановой или экстренной госпитализации, требующих применения интенсивных методов диагностики и лечения, круглосуточного медицинского наблюдения и (или) изоляции,

в том числе по эпидемиологическим показаниям: при заболеваниях, в том числе острых, и при обострениях хронических болезней, отравлениях и травмах; при патологии беременности, родах и абортах; в период новорожденности.

Федеральный закон РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» [3], с принятием которого с 1 января 1993 г. была введена система страховой медицины как формы социальной защиты граждан Российской Федерации. Благодаря этому Закону здравоохранение как система получило один из основных источников финансирования (помимо бюджетов всех уровней) – средства обязательного и добровольного медицинского страхования. Он определил правовые, экономические и организационные основы медицинского страхования населения, которое, обязано гарантировать гражданам в случае необходимости получение медицинской помощи, включая и профилактическую, за счет накопленных средств.

Лицам, замещающих муниципальные должности и членам их семей гарантируется медицинское обслуживание, в том числе после выхода на пенсию. Порядок его предоставления определяется нормативными правовыми актами муниципального органа и представляет собой дополнительные услуги к объему бесплатной медицинской помощи, гарантируемому всем гражданам.

Как правило, лица, замещающие муниципальные должности прикрепляются к какому-либо медицинскому центру решением уполномоченного органа. За бывшими лицами, замещающих муниципальные должности и членами их семей сохраняется медицинское и санаторно-курортное обслуживание, которое они имели к моменту выхода на государственную пенсию. Уровень и качество данных услуг зависят, прежде всего, от общего состояния финансирования медицины и организации медицинского обслуживания муниципальных служащих и членов их семей.

Согласно Закону г. Москвы «О гарантиях осуществления полномочий лица, замещающие муниципальные должности в г. Москве» [7] гарантируется: лицу, замещающие муниципальные должности, медицинское обслуживание его и членов его семьи, обязательное государственное страхование на случай причинения вреда жизни, здоровью в связи с осуществлением им своих полномочий, предоставление бесплатной санаторно-курортной путевки с оплатой проезда к месту отдыха и обратно или соответствующей компенсации при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска в порядке, установленном представительным органом.

Так, распоряжением Департамента экономической политики и развития правительства Москвы от 30.09.2009 № 32-Р «Об утверждении стоимости медицинского обслуживания государственных гражданских и муниципальных служащих города Москвы и членов их семей» [8], была введена в действие с 1 января 2010 года стоимость медицинского обслуживания государственных гражданских и муниципальных служащих города Москвы и членов их семей. Например, стоимость комплексного медицинского обслуживания взрослых составляла 63689 рублей на 1 человека в год, а стоимость комплексного медицинского обслуживания детей – 65310 рублей на 1 человека в год.

В целом, содержание данной гарантии не изменилось в сравнении с соответствующей гарантией, предусмотренной ст. 15 ранее действовавшего Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» [5].

В законах субъектов Российской Федерации о муниципальной службе данная гарантия обычно воспроизводится без какой либо детализации. В то же время некоторые субъекты Российской Федерации вносят в ее содержание некоторые особенности.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. Федеральный закон от 22.07.1993 № 5487-1 «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (ред. от 07.12.2011) // www.consultant.ru

3. Закон РФ от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // www.consultant.ru

5. Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» (утратил силу с 1 июня 2007 года) // www.consultant.ru

6. Постановление Правительства РФ от 7 декабря 2019 г. № 1610 (ред. от 05.06.2020) «Программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» // www.consultant.ru

7. Закон г. Москвы от 25.11.2009 N 9 (ред. от 10.03.2021) «О гарантиях осуществления полномочий лица, замещающие муниципальные должности в г. Москве» //Ведомости Московской городской Думы. – 2010. – № 12. – Ст. 338.

8. Распоряжение Департамента экономической политики и развития правительства Москвы от 30.09.2009 № 22-Р «Об утверждении стоимости медицинского обслуживания государственных гражданских и муниципальных служащих города Москвы и членов их семей» (документ опубликован не был). (Утратил силу в связи с изданием распоряжения Департамента экономической политики и развития г. Москвы от 28.08.2006 № 23-Р).

9. См., напр.: *Деркач А.А.* Профессиональная субъектность как психолого-акмеологический феномен //Акмеология. – 2015. – № 2 (54). – С. 8–22.

Для цитирования: *Агафонов В.А.* Правовое регулирование охраны здоровья и медицинского обслуживания лиц, замещающих муниципальные должности: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 15–19.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.001

Legal regulation of health protection and medical care for persons holding municipal positions

V.A. Agafonov*

Annotation. This article is devoted to the peculiarities of the legal support of health protection and medical care for persons holding municipal positions in the constituent entities of the Russian Federation. Special attention is paid to the main risk factors of the labor process of a municipal employee, measures to stabilize his social security.

The author supports the idea that persons holding municipal positions and members of their families are guaranteed medical care, including after retirement. This provision is a form of realization of the right of Russian citizens to health care, which fully complies with the provisions of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: municipal employees, municipal positions, health protection, professionalization of activity.

The Russian Federation today constitutionally, as well as at the federal and regional levels, are widely reflected and consolidated measures of social protection of various segments of the population. A special category of citizens is represented by persons holding municipal positions, as they perform socially significant activities that require a high level of professional competence and emotional endurance. The state's concern for workers in this area is manifested in the creation of health protection and medical care.

Persons holding municipal positions, based on the provisions of the Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation" [4], include the heads of municipalities, as well as deputies, members of the elected local self-government body, elected officials of local self-government. Exhaustive lists of persons holding municipal positions are determined by the laws of the constituent entities of the Russian Federation and the charters of municipalities.

In accordance with Article 41 of the Constitution of the Russian Federation [1] and Article 1 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation "On the protection of the health of citizens" [2], the state guarantees its citizens the protection of health and the provision of medical care – free of charge at the expense of budgets, insurance premiums and etc. This guarantee also applies to persons holding municipal positions without any restrictions.

There is no special procedure for protecting the health of persons holding municipal positions. Meanwhile, the protection of the health of persons holding municipal positions is an important factor in the system of social protection.

So, A.A. Derkach in the acmeological study considers it within the framework of the psychology of security in management – the essence of pre-

* ***Agafonov V.A.***, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Labor and Social Law of the Ural Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: nastya_alex13@mail.ru

ventive security and the technologies for its provision for the personality of a municipal employee during the transformation of public relations. This is due to the causes of risky health conditions in management, psychological and professional transformation of an employee in the field of management. His competence and self-assessment of opportunities in the formation of mental stability and readiness to work in new working conditions, through an understanding of managerial, territorial, industrial, social and psychological aspects and in the methods of managing one's health [9].

An analysis of the professional activity of persons filling municipal positions shows that their work is constantly associated with the action of extreme factors that create problematic extreme situations.

The main risk factors of the labor process of a municipal employee were the conflict states of the socio-economic sphere of management: population stratification; deformation of socio-professional groups, labor values, prestige of professions; polarization of interests of owners or administrations of enterprises, on the one hand, and employees, on the other.

In addition, management in a civil society requires improving the regulation and correction of the employee's own activities in relation to assessments of the socio-political orientations of those with whom he works, and measures to stabilize his social security and the contingent of municipal social management to which he is included. It can be divided according to political orientations: focused on strong power, on uncontested power, and on people with pessimistic attitudes, who believe that no measures will bring the desired improvement in life. It should be borne in mind that a municipal employee in the conditions of transition from direct management to administration must also take into account changes in his technologies in the labor process, in connection with taking into account the relevant risk factors for his professional health, psychological tensions and their potential levels, causing personal deformations.

It must be admitted that the level of risks in the work of a person holding a municipal position is proportional to the level of social tension, which can be assessed by the political activity of citizens of the territory in response to social stressors. Here the potential level of mental tension is revealed. In it, the levels of mental stress acquire significance, which characterize the state of a person, moving from excitement and non-directional activity to loss of interest, apathy. The limiting level of stress leads to dissociations, which are aimed at changing (destruction and deformation) of personal structures and the social structure of human life.

A high level of mental stress becomes, in a certain sense, a factor in the destructive social activity of both the population and the municipal employees themselves. For the sustainability of the latter, they need to be trained in relation to maintaining mental health, taking into account the profile of the labor process. It is also necessary to know the level of open (hidden) social tension. However, at present there is no real danger of spontaneous, unorganized riots, but they are the subject of hard work of municipal employees. They have to work with the emotional polarizations of people's moods, which are caused not only by factors of material well-being, but also by differences in the worldview

and value attitudes of people, their professional activities and place in the employment structure.

Article 23 of the Federal Law "On the Fundamentals of Municipal Service in the Russian Federation" [5] regulates medical care for persons holding municipal positions.

The fundamental role of health care as an essential condition for the life of society is recognized in the preamble and Art. 1 of the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens [2], and art. 2 of the Constitution of the Russian Federation establishes that the protection of the health of citizens is one of the most important duties of the Russian state [1].

Currently, in order to ensure the constitutional rights of Russians to receive free medical care, the Government of the Russian Federation on December 7, 2019 approved the Program of State Guarantees of Free Medical Care for Citizens for 2020 and for the planned period of 2021 and 2022 [6] , according to which citizens can receive primary health care free of charge; emergency medical care; emergency medical care, including specialized (sanitary and aviation); specialized medical care, including high-tech; medical care in hospitals and other medical organizations or their respective structural subdivisions in cases of planned or emergency hospitalization requiring the use of intensive diagnostic and treatment methods, round-the-clock medical supervision and (or) isolation, including for epidemiological indications: diseases, including acute ones, and exacerbations of chronic diseases, poisoning and injuries; with the pathology of pregnancy, childbirth and abortion; during the neonatal period.

Federal Law of the Russian Federation of June 28, 1991 No. 1499-1 “On the health insurance of citizens in the Russian Federation” [3], with the adoption of which, on January 1, 1993, the system of insurance medicine was introduced as a form of social protection for citizens of the Russian Federation. Thanks to this Law, healthcare as a system received one of the main sources of funding (in addition to the budgets of all levels) – compulsory and voluntary medical insurance. He determined the legal, economic and organizational foundations of public health insurance, which is obliged to guarantee citizens, if necessary, the receipt of medical care, including preventive care, at the expense of accumulated funds.

Persons holding municipal positions and members of their families are guaranteed medical care, including after retirement. The procedure for its provision is determined by the regulatory legal acts of the municipal body and represents additional services to the volume of free medical care guaranteed to all citizens.

As a rule, persons filling municipal positions are attached to a medical center by the decision of an authorized body. For former persons holding municipal positions and members of their families, the medical and sanatorium-resort services that they had by the time they retired from the state pension are retained. The level and quality of these services depend, first of all, on the general state of financing of medicine and the organization of medical care for municipal employees and their families.

According to the Law of Moscow “On Guarantees for the Exercise of Powers of Persons Holding Municipal Positions in Moscow” [7], the following is guaranteed: for a person holding municipal positions, medical care for him and his family members, compulsory state insurance in case of harm life, health in connection with the exercise of his powers, the provision of a free sanatorium-resort voucher with payment for travel to and from the place of rest, or appropriate compensation when providing annual paid leave in the manner established by the representative body.

Thus, by order of the Department of Economic Policy and Development of the Government of Moscow dated September 30, 2009 No. 32-R “On approval of the cost of medical care for state civil and municipal employees of the city of Moscow and members of their families” [8], the from January 1, 2010, the cost of medical care for state civil and municipal employees of the city of Moscow and their families. For example, the cost of comprehensive medical care for adults was 63,689 rubles per person per year, and the cost of comprehensive medical care for children was 65,310 rubles per person per year.

In general, the content of this guarantee has not changed in comparison with the corresponding guarantee provided for in Art. 15 of the previously valid Federal Law "On the Fundamentals of Municipal Service in the Russian Federation" [5].

In the laws of the constituent entities of the Russian Federation on municipal service, this guarantee is usually reproduced, without any detail. At the same time, some subjects of the Russian Federation introduce some features into its content.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 333 p. (Series: Professional Comments).

2. Federal Law of July 22, 1993 No. 5487-1 “Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on the protection of the health of citizens” (as amended on December 7, 2011) // www.consultant.ru

3. Law of the Russian Federation of June 28, 1991 No. 1499-1 "On health insurance of citizens in the Russian Federation" // www.consultant.ru

4. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ (as amended on December 30, 2021) “On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation” // www.consultant.ru

5. Federal Law No. 8-FZ of 08.01.1998 “On the Fundamentals of Municipal Service in the Russian Federation” (repealed from June 1, 2007) // www.consultant.ru

6. Decree of the Government of the Russian Federation of December 7, 2019 No. 1610 (as amended on 06/05/2020) “Program of state guarantees of free provision of medical care to citizens for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022” // www. consultant.ru

7. Law of the city of Moscow of November 25, 2009 N 9 (as amended on March 10, 2021) “On guarantees for the exercise of the powers of persons holding municipal positions in Moscow” // Vedomosti of the Moscow City Duma. 2010. No. 12. Art. 338.

8. Decree of the Department for Economic Policy and Development of the Moscow Government dated September 30, 2009 No. 22-R “On approval of the cost of medical care for state civil and municipal employees of the city of Moscow and members of their families” (the document was not published). (No longer valid in connection with the publication of the order of the Department of Economic Policy and Development of Moscow dated August 28, 2006. № 23-P).

9. See, for example: Derkach A.A. Professional subjectivity as a psychological and acmeological phenomenon //Acmeology. 2015. No. 2 (54). Pp. 8–22.

For citation: Agafonov V.A. Legal regulation of health protection and medical care for persons holding municipal positions: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 20–24.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.001

Научная статья

УДК 332.02, 346.52
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.002

Электронное государство и его эффективность в России

Е.А. Апольский*
И.А. Муцольгов**

Аннотация. В статье анализируется проблема реализации принципов электронного государства в систему работы государственного аппарата Российской Федерации, оценивается уровень развития цифровых услуг, раскрываются факторы, определяющие эффективность функционирования электронного государства в России.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая экономика, электронное государство, информационно-цифровые технологии, блокчейн, сервисное государство.

Современные процессы глобализации, информатизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества выдвигают на первый план повестки дня вопрос о создании условий для развития информационно-цифровых технологий функционирования политических и демократических процессов в России. Четвертая промышленная революция требует внедрения цифровых инициатив, в том числе и в государственном управлении, что является одной из ключевых задач государственной политики России, а, следовательно, использование новейших информационно-коммуникационных технологий в органах власти РФ можно считать стратегическим вектором развития государства, о чем уже писалось в юридической литературе [13].

Определенные позитивные результаты в этом направлении вполне видны, и проведшие в сентябре 2021 г. выборы в Парламент Российской Федерации с наглядностью это демонстрируют. Однако сохраняющиеся проблемы и неоднозначная оценка самого подхода к проведению подобных демократических процедур в цифровом формате подталкивает к проведению дальнейших исследований.

На современном этапе в научном сообществе отсутствует единая концепция электронного государства. Различные подходы к понятию «элек-

* *Апольский Евгений Александрович,* заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Ростов-на-Дону, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: apolski@mail.ru

** *Муцольгов Илез Азаматович,* студент 2 курса Ростовского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Ростов-на-Дону.

тронное государство» определили множество мнений. Представляется необходимым выделить несколько современных трактовок электронного государства в целях обоснования его понятия и содержания, опираясь на проведенные ранее научные исследования [16, 11, 12].

Как отмечает А.С. Киселев, электронное государство представляет собой законодательную (электронный парламент), исполнительную (электронное правительство), судебную (электронное правосудие) ветви власти, функционирующие на основе новейших цифровых технологий [15].

По мнению И.В. Понкина, электронное государство – система взаимоотношений всех органов государственной власти с населением, которая на основе информационных технологий связывает обеспечение открытости и доступности государственных услуг, снижение административных барьеров, позволяя в интерактивной форме выстраивать двусторонний диалог [17, с. 53].

Иной точки зрения придерживается И.Ю. Богдановская, понимая под электронным государством полномасштабную цифровую трансформацию всех ветвей государственной власти, которая напрямую не связана с качеством оказанием услуг, но обеспечивает повышение эффективности деятельности правительства и качества принимаемых ими решений за счет использования возможностей современных технологий [19].

Приведенные определения позволяют выделить с различных сторон ключевые особенности электронного государства. По нашему мнению, электронное государство в современных условиях – интегральная деятельность государственных структур и общественных институтов с активным участием населения, построенная на принципах использования цифровых технологий во внешней сфере взаимодействия «власть – общество» и внутренней – между разными ветвями и уровнями власти.

Идея электронного государства возникла по инициативе западных стран в 90-х гг. XX в. и означала массовое внедрение и применение цифровых технологий в сфере государственного управления для улучшения эффективности и прозрачности их деятельности. В английском этот термин более используется как «E-government», то есть «электронное правительство», хотя фактически цифровые технологии использует не только правительство, но и судебная система и законодательные органы власти.

Данная концепция вызвала усиление тенденции перехода к модели «сервисного государства» – были приняты решения о переводе оказания услуг в полностью цифровой формат. Именно это положение было принято в свое время Распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» [7], а также во многих подобных проектах в государствах во всем мире.

Реализация электронного правительства берет начало в нашей стране в 2002 г., одним из стратегических направлений стало утверждение Федеральной целевой программы «Электронная Россия 2002–2010 гг.» [4]; следующим документом стала программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)» [8]. Следует подчеркнуть, что данные документы ставят в качестве одной из важнейших задач внедрения цифровых технологий

взаимодействие государственного управления с гражданами и бизнесом, внедрение автоматизированных систем в деятельность органов власти, предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии.

Электронное государство в РФ не может похвастаться развитой базой для правового регулирования, у нас пока не сложилось комплекса системных норм, которые обеспечивали бы планомерную и системную работу всех элементов электронного государства. В качестве основных профильных нормативно-правовых документов электронного государства следует назвать Концепцию развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р [6]; Системный проект электронного правительства РФ до 2020 г. (Поручение Президента РФ от 25 марта 2013 года № Пр-646) [3]; Стратегию развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. [2]. В то же время государство в лице Правительства и Президента РФ проявляет живой интерес к развитию сквозных технологий. При участии Минкомсвязи разработана Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. (Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р) [5].

Однако, существуют вполне очевидные законодательные пробелы. Так, например, в законодательстве недостаточно четко распределены полномочия и ответственность органов власти разного уровня в вопросах реализации электронного государства, нет законодательного закрепления основных терминов, отсутствует перечень основных направлений деятельности.

Принятие закона «Об электронном правительстве РФ», по примеру США, позволило бы обозначить конкретные контуры электронного государства, привести к системному пониманию целей и задач деятельности, создать единое правовое пространство электронного государства в масштабах страны.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ до 2024 г.» (в редакции от 21.07.2020) [1] сейчас запущена национальная программа «Цифровая экономика РФ», включающая 6 федеральных проектов, в том числе «Цифровое государственное управление» [9].

Проект в качестве целей ставит распространение цифровых технологий и платформенных решений в области государственного управления и предоставления госуслуг. Цифровая трансформация и оптимизация электронных услуг осуществляется двумя путями: системное решение жизненных ситуаций граждан и бизнеса (суперсервисы) и цифровая трансформация основных государственных услуг (моносервисы). В 2019 г. был утвержден перечень из 25 суперсервисов. По оценкам Минкомсвязи России, они охватывают до 90% всех взаимодействий граждан и бизнеса с государством в различных сферах [10].

В проекте «Цифровое государственное управление» указаны перспективные формы трансформации государственного управления: цифровая трансформация массовых госуслуг; единое окно цифровой обратной связи;

новые инфраструктурные решения; роботизация ряда управленческих функций; использование искусственного интеллекта, BitData; использование электронных платформ, расширение круга виртуальных советников, масштабные онлайн опросы, электронные платформы и форумы, иные механизмы online делиберации, новые способы выявления общественной повестки в целях повышения транспорентности и повышения эффективности государственных решений.

Государственный сектор всегда являлся крупнейшим потребителем ИТ, несмотря на то, что уровень информатизации госведомств долгое время оставался неравномерным. Однако, новые условия, вызванные пандемией, стали серьезным драйвером информатизации во всех сферах.

2019–2020 гг. стали временем, когда сквозные технологии, такие как блокчейн и технологии машинного обучения стали более активно использоваться в органах государственной власти для создания различных реестров и баз данных, а также аналитических информационных систем. Например, для создания распределенного реестра прав на объекты интеллектуальной собственности или алгоритмов машинного обучения для анализа фото- и видеоизображений в программно-аппаратных комплексах.

Безусловно, информационные технологии упрощают взаимодействие государства и общества, сокращают время на обмен информацией между государственными органами и населением, снижают нагрузку на специалистов, экономят бюджетные средства. Особенно это становится заметно в период пандемии, который сейчас переживает Россия и весь мир.

По темпам внедрения цифровых услуг Россия вышла на третье место после Австралии и Швеции. С 2016 по 2018 год число пользователей госуслуг в России выросло на 42 процента, тогда как в среднем в мире этот показатель равен 15 процентам. Эксперты выяснили, что средний россиянин использует 9,1 электронной услуги, самым популярным электронным сервисом стала оплата налогов и штрафов [14].

Каждые два года ООН исследует электронное правительство разных стран. Для анализа был разработан специальный «Индекс развития электронного правительства» – EGDI. Он определяет, насколько правительство присутствует в сети, как хорошо развит в стране интернет и какое количество людей участвует в системе электронного государства. В рейтинге 2020 года Россия находилась на 36-м месте – среди государств с высоким индексом развития электронного правительства и электронных госуслуг [18].

В тоже время помимо очевидных и обоснованных преимуществ, электронное государство несет определенные риски цифровизации для российского государства и общества:

– открытые вопросы новейшей революции – опасности нового издания «цифрового неравенства»;

– онлайн-интеграция будет создавать большие риски по утечке информации, при этом возникают и угрозы взлома/кражи цифровой личности. Случаи утраты цифровой идентичности вместе, например, с правом на имущество или пенсионные накопления, могут иметь серьезные социальные последствия;

– издержки усиления тенденций перехода к модели «сервисного государства»;

– повышение закрытости процессов разработки государственной политики;

– расширение технических средств политико-административного контроля за обществом и площадками on line делиберации;

– отсутствие (соответствующих потребностям цифровизации) должных нормативно-юридических регуляторов;

– очевидные пробелы в научно-методологическом обеспечении электронного государства проецируются в сферу его нормативно-правовой регламентации, что обуславливает недостаточную дееспособность механизмов развития цифровых технологий, практикуемых государством.

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что ключевыми факторами, определяющими эффективность функционирования электронного государства в России, следует признать совершенствование нормативной правовой базы; преобразование бизнес-процессов во всех органах власти и правительственных организациях; развитие цифровых компетенций у государственных служащих и формирование цифровой культуры управления; создание межведомственных платформ, инструментов, технологий, процессов. Интенсифицировать же электронного государства возможно при повышении уровня использования гражданами онлайновых сервисов.

Переход электронного государства современной России на инновационный путь развития предполагает, с одной стороны активные меры государственного регулирования в сфере эффективной «цифровой экономики», а с другой стороны, требует изменения стиля мышления граждан и госслужащих в быстро эволюционирующем информационном пространстве. Оба направления в настоящее время активно развиваются в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 20. – Ст. 2817.

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» //www.consultant.ru

3. Поручение Президента РФ от 25 марта 2013 года № Пр-646 «Системный проект электронного правительства Российской Федерации 2020» //www.consultant.ru

4. Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)» (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 403) // www.consultant.ru

5. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» // www.consultant.ru

6. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р «Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // www.consultant.ru

7. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // www.consultant.ru

8. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 г. № 1815-р «Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» // www.consultant.ru.

9. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. № 16) // СПС «КонсультанПлюс».

10. Заседание Правительственной комиссии по цифровому развитию // Портал Правительства России [Электронный ресурс] // URL: http://government.ru/news/36818/ (дата обращения: 27.09.2021).

11. *Апольский Е.А., Кабыш Н.Ф., Устинова Л.Г.* К вопросу о понятии государственной власти // Вестник СевКавГТИ. – 2017. – № 1 (28). – С. 56–58.

12. *Апольский Е.А., Абдулгазиев Р.З.* Электронные ресурсы и технологии – в помощь аспирантам и докторантам / В сборнике: Передовые информационные технологии – новому поколению. Материалы региональной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2010. – С. 88–90.

13. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27; *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37; Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

14. Исследование BCG «Взгляд населения на использование искусственного интеллекта (ИИ) в работе государства: сравнительный анализ цифровых госуслуг» [Электронный ресурс] // URL: https://ict-online.ru/news/n167174/.

15. *Киселев А.С.* Современные теоретические подходы к понятию электронного государства // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6. – С. 32–39.

16. *Мордовцев А.Ю., Апольский Е.А., Поздняков И.П.* Правовой прогресс в сущностном измерении // Право и политика. – 2018. – № 7. – С. 1–10.

17. *Понкин И.В.* Концепт электронного государства в рамках новой системы публичного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 4. – С. 52–58.

18. Рейтинг стран по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/e-government (дата обращения: 25.09.2021).

19. Электронное государство: правовые аспекты / отв. ред. И.Ю. Богдановская. – М.: Юрист, 2012. – 241 с.

Для цитирования: *Апольский Е.А., Муцольгов И.А.* Электронное государство и его эффективность в России: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 25–30.

DOI: 10.47905/ MATGIP. 2022.125.1.002

Electronic state and its effectiveness in Russia

Evgeny A. Apolsky *
Ilez A. Mutsolgov **

Annotation. The article analyzes the problem of implementing the principles of the electronic state in the system of work of the state apparatus of the Russian Federation, assesses the level of development of digital services, and reveals the factors that determine the effectiveness of the functioning of the electronic state in Russia.

Key words: information society, digital economy, electronic state, information and digital technologies, blockchain, service state.

Modern processes of globalization, informatization and digitalization of all spheres of society's life bring to the fore the issue of creating conditions for the development of information and digital technologies for the functioning of political and democratic processes in Russia. The fourth industrial revolution requires the introduction of digital initiatives, including in public administration, which is one of the key tasks of the state policy of Russia, and, therefore, the use of the latest information and communication technologies in the authorities of the Russian Federation can be considered a strategic vector for the development of the state, which has already been written in the legal literature [13].

Certain positive results in this direction are quite visible, and the elections to the Parliament of the Russian Federation held in September 2021 clearly demonstrate this. However, the remaining problems and the ambiguous assessment of the very approach to conducting such democratic procedures in a digital format encourage further research.

At the present stage, there is no single concept of the electronic state in the scientific community. Various approaches to the concept of "electronic state" have determined many opinions. It seems necessary to single out several modern interpretations of the electronic state in order to substantiate its concept and content, based on previous scientific research [16, 11, 12].

As A.S. Kiselev, the electronic state is the legislative (electronic parliament), executive (electronic government), judicial (electronic justice) branches of government, functioning on the basis of the latest digital technologies [15].

According to I.V. Ponkin's e-government is a system of relations between all public authorities and the population, which, based on information technology, links the provision of openness and accessibility of public services, the reduction of administrative barriers, allowing interactively building a two-way dialogue [17, p. 53].

* *Apolsky Evgeny Aleksandrovich,* Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Rostov-on-Don, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: apolski@mail.ru

** *Mutsolgov Ilez Azamatovich*, 2nd year student of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Rostov-on-Don.

I.Yu. Bogdanovskaya holds a different point of view, understanding the electronic state as a full-scale digital transformation of all branches of government, which is not directly related to the quality of services, but ensures an increase in the efficiency of the government and the quality of their decisions through the use of the capabilities of modern technologies [19].

The above definitions make it possible to highlight the key features of the electronic state from various angles. In our opinion, the electronic state in modern conditions is an integral activity of state structures and public institutions with the active participation of the population, built on the principles of using digital technologies in the external sphere of interaction "power – society" and internal – between different branches and levels of government .

The idea of an electronic state arose on the initiative of Western countries in the 90s. 20th century and meant the massive introduction and application of digital technologies in the field of public administration to improve the efficiency and transparency of their activities. In English, this term is more commonly used as "E-government", that is, "electronic government", although in fact digital technologies are used not only by the government, but also by the judiciary and legislative authorities.

This concept caused an increase in the trend of transition to the “service state” model – decisions were made to transfer the provision of services to a fully digital format. It was this provision that was adopted at the time by the Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2008 No. 632-r “On the Concept for the Formation of Electronic Government in the Russian Federation until 2010” [7], as well as in many similar projects in states around the world.

The implementation of e-government begins in our country in 2002, one of the strategic directions was the approval of the Federal Target Program "Electronic Russia 2002–2010." [4]; the next document was the program "Information Society (2011–2020)" [8]. It should be emphasized that these documents set as one of the most important tasks of introducing digital technologies the interaction of public administration with citizens and business, the introduction of automated systems in the activities of government bodies, and enabling citizens to use information technologies.

The electronic state in the Russian Federation cannot boast of a developed base for legal regulation; we have not yet developed a set of systemic norms that would ensure the systematic and systematic work of all elements of the electronic state. The Concept for the Development of Mechanisms for the Provision of State and Municipal Services in Electronic Form, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2013 No. 2516-r, should be called as the main specialized legal documents of the electronic state [6]; System project of the electronic government of the Russian Federation until 2020 (Order of the President of the Russian Federation of March 25, 2013 No. Pr-646) [3]; Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. [2]. At the same time, the state, represented by the Government and the President of the Russian Federation, is showing a keen interest in the development of end-to-end technologies. With the participation of the Ministry of Telecom and Mass Communications, the Concept for the development of regulation of relations in the field

of artificial intelligence technologies and robotics until 2024 was developed (Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 No. 2129-r) [5].

However, there are quite obvious legislative gaps. So, for example, the legislation does not clearly distribute the powers and responsibilities of authorities at various levels in matters of the implementation of the electronic state, there is no legislative consolidation of the main terms, there is no list of the main areas of activity.

The adoption of the law "On the electronic government of the Russian Federation", following the example of the United States, would allow to identify the specific contours of the electronic state, lead to a systematic understanding of the goals and objectives of the activity, create a single legal space of the electronic state on a national scale.

In accordance with the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 "On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024" (as amended on July 21, 2020) [1] the national program "Digital Economy of the Russian Federation" has now been launched, which includes 6 federal projects, including "Digital Public Administration" [9].

The project sets as goals the spread of digital technologies and platform solutions in the field of public administration and the provision of public services. Digital transformation and optimization of electronic services is carried out in two ways: a systematic solution to the life situations of citizens and businesses (super services) and digital transformation of basic public services (mono services). In 2019, a list of 25 super services was approved. According to the Russian Ministry of Communications, they cover up to 90% of all interactions between citizens and business with the state in various fields [10].

The project "Digital Public Administration" indicates promising forms of transformation of public administration: digital transformation of mass public services; single window digital feedback; new infrastructure solutions; robotization of a number of managerial functions; use of artificial intelligence, BitData; the use of electronic platforms, expanding the circle of virtual advisers, large-scale online polls, electronic platforms and forums, other mechanisms of online deliberation, new ways to identify the public agenda in order to increase transparency and increase the effectiveness of government decisions.

The public sector has always been the largest consumer of IT, despite the fact that the level of informatization of state departments has long remained uneven. However, the new conditions caused by the pandemic have become a serious driver of informatization in all areas.

2019–2020 have become a time when end-to-end technologies such as blockchain and machine learning technologies have become more actively used in public authorities to create various registries and databases, as well as analytical information systems. For example, to create a distributed registry of intellectual property rights or machine learning algorithms for analyzing photo and video images in software and hardware systems.

Undoubtedly, information technologies simplify the interaction between the state and society, reduce the time for the exchange of information between

state bodies and the population, reduce the burden on specialists, and save budgetary funds. This becomes especially noticeable during the pandemic, which Russia and the whole world are now experiencing.

In terms of the pace of implementation of digital services, Russia has taken the third place after Australia and Sweden. From 2016 to 2018, the number of public services users in Russia increased by 42 percent, while the global average is 15 percent. The experts found that the average Russian uses 9.1 electronic services; the most popular electronic service was the payment of taxes and fines [14].

Every two years, the UN examines the e-government of different countries. For the analysis, a special “Electronic Government Development Index” – EGDI was developed. It determines how much the government is present in the network, how well the Internet is developed in the country, and how many people participate in the e-government system. In the 2020 ranking, Russia was in 36th place – among states with a high index of development of e-government and e-government services [18].

At the same time, in addition to the obvious and justified advantages, the electronic state carries certain digitalization risks for the Russian state and society:

– open questions of the latest revolution – the dangers of a new edition of the "digital divide";

– online integration will create great risks of information leakage, while there will also be threats of hacking / theft of digital identity. Cases of loss of digital identity, together with, for example, the right to property or pension savings, can have serious social consequences;

– the costs of strengthening the tendencies of transition to the model of the “service state”;

– increasing the transparency of the processes of development of state policy;

– expansion of technical means of political and administrative control over society and platforms for on-line deliberation;

– the absence (corresponding to the needs of digitalization) of proper regulatory and legal regulators;

– obvious gaps in the scientific and methodological support of the electronic state are projected into the sphere of its legal regulation, which leads to insufficient viability of the mechanisms for the development of digital technologies practiced by the state.

Summing up, I would like to note that the key factors determining the effectiveness of the functioning of the electronic state in Russia should be recognized as the improvement of the regulatory legal framework; transformation of business processes in all authorities and government organizations; development of digital competencies among civil servants and the formation of a digital management culture; creation of interdepartmental platforms, tools, technologies, processes. It is possible to intensify the electronic state by increasing the level of use of online services by citizens.

The transition of the electronic state of modern Russia to an innovative development path implies, on the one hand, active measures of state regulation

in the field of an effective "digital economy", and on the other hand, it requires a change in the way of thinking of citizens and civil servants in a rapidly evolving information space. Both directions are currently actively developing in the Russian Federation.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024” (as amended on 07.21.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 20. Art. 2817.

2. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 – 2030"

3. Order of the President of the Russian Federation dated March 25, 2013 No. Pr-646 "System project of the electronic government of the Russian Federation 2020" //www.consultant.ru

4. Decree of the Government of the Russian Federation of January 28, 2002 No. 65 "Federal target program "Electronic Russia (2002 – 2010)" (as amended by the Decree of the Government of the Russian Federation of June 9, 2010 No. 403) // www.consultant.ru

5. Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 No. 2129-r "Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence technologies and robotics until 2024" // www.consultant.ru

6. Decree of the Government of the Russian Federation of December 25, 2013 No. 2516-r “Concept for the development of mechanisms for the provision of state and municipal services in electronic form” // www.consultant.ru

7. Decree of the Government of the Russian Federation of May 6, 2008 No. 632-r “On the Concept for the Formation of Electronic Government in the Russian Federation until 2010” // www.consultant.ru

8. Decree of the Government of the Russian Federation of October 20, 2010 No. 1815-r “State Program of the Russian Federation “Information Society (2011–2020)” // www.consultant.ru.

9. Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects on December 24, 2018 No. 16) // SPS "ConsultanPlus".

10. Meeting of the Government Commission for Digital Development // Portal of the Government of Russia [Electronic resource] // URL: http://government.ru/news/36818/ (date of access: 27.09.2021).

11. Apolsky E.A., Kabysh N.F., Ustinova L.G. To the question of the concept of state power // Bulletin of the SevKavGTI. 2017. No. 1 (28). Pp. 56–58.

12. Apolsky E.A., Abdulgaziev R.Z. Electronic resources and technologies – to help graduate students and doctoral students / In the collection: Advanced information technologies – to the new generation. Materials of the regional scientific-practical conference. Stavropol, 2010. P. 88–90.

13. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the conditions of functioning of the information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis:

article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27; Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37; Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing House MATGiP, 2022.

14. BCG study “People’s view of the use of artificial intelligence (AI) in the work of the state: a comparative analysis of digital public services” [Electronic resource] // URL: https://ict-online.ru/news/n167174/ (date of access: 27.09 .2021).

15. Kiselev A.S. Modern theoretical approaches to the concept of an electronic state // Actual problems of Russian law. 2018. No. 6. P. 32–39.

16. Mordovtsev A.Yu., Apolsky E.A., Pozdnyakov I.P. Legal progress in the essential dimension // Law and Politics. 2018. No. 7. P. 1–10.

17. Ponkin I.V. The concept of an electronic state within the framework of a new system of public administration // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2013. No. 4. P. 52–58.

18. Rating of countries by the level of development of e-government [Electronic resource] // URL: https://nonews.co/directory/lists/countries/e-government (date of access: 25.09.2021).

19. Electronic state: legal aspects / otv. ed. I.Yu. Bogdanovskaya. Moscow: Lawyer, 2012. 241 p.

For citation: Apolsky E.A., Mutsogov I. Electronic state and its effectiveness in Russia: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 31–36.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.002

Научная статья

УДК 34.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.003

Влияние процессов информатизации на эффективность организации прокурорского надзора за соблюдением права на жилище

Д.А. Битус*

Аннотация. В статье автор рассматривает отдельные причины повышения эффективности прокурорского надзора за соблюдением права человека на жилище, главной из которых выступает активное внедрение безбумажного документооборота в надзорную практику прокуроров, автоматизированное составление документов, использование в прокурорской деятельности широких возможностей, представляемых цифровой средой.

Ключевые слова: цифровая трансформация органов прокуратуры, цифровая среда, прокурорский надзор, право на жилище.

Обеспечение органами прокуратуры реализации конституционного права на жилище и гарантии законодательного запрета на произвольное лишение жилища – традиционное направление прокурорской деятельности в рамках такой отрасли как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Отдельное социальное значение имеет эффективность надзорной работы за соблюдением права на жилище отдельных категорий граждан, пользующихся повышенной государственной социальной защитой: участники Великой Отечественной войны и члены их семей; дети-сироты и другие категории граждан, соблюдение прав и законных интересов которых взято под повышенное внимание прокуроров в силу прямого указания, содержащегося в федеральных законах и организационно-распорядительных актах Генерального прокурора Российской Федерации.

Необходимо отметить, что обеспечиваемое право принадлежит к группе социальных и экономических прав человека, что исключает отождествление данного права с наличием гражданства Российской Федерации. Именно на данный аспект направлена реализация новейшего направления надзорной деятельности – обеспечение права на жилище для всех лиц, находящихся на территории нашего государства, в том числе и иностранных граждан, и лиц, вообще не имеющих гражданства. Нетрудно представить, что такое расширение концепции надзорной деятельности привело к бес-

* *Битус Диана Андреевна,* студентка Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет». Россия, г. Ставрополь.

прецедентному увеличению объема надзорной работы, в свете которого создание цифровой среды для прокурорского участия в обеспечении права на жилище выступает единственным спасительным способом обеспечения эффективности такого участия.

Предпримем попытку обосновать данный тезис. Содержащееся в ст. 40 Конституции Российской Федерации [1] право на жилище предполагает, что в Российской Федерации созданы и обеспечиваются аппаратом государственных органов следующие условия:

– каждому человеку гарантируется возможность обеспечить себя жильем;

– жилье не может быть безосновательно отобрано;

– гарантируется и обеспечивается неприкосновенность жилища;

– обеспечивается возможность стабильного пользования имеющимся жилищем;

– проживание в жилище сопровождается обеспечением безопасности среды проживания и безвредными условиями для жизни и здоровья человека;

– существует действенный механизм реализации права на улучшение условий проживания.

Однако, необходимо помнить, что включение Российской Федерации в международное правовое пространство обязывает органы прокуратуры обеспечивать мерами реагирования реализацию положений международных нормативных актов, включенных в объём национального законодательства.

Так, ратификация таких источников как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [2] и Европейская социальная хартия [3] предусматривает обеспечение в Российской Федерации:

– надлежащего правового обеспечения проживания;

– доступности проживания с точки зрения финансовых расходов человека;

– адекватности в точки зрения культуры обстановки нахождения жилища;

– пригодности для проживания с точки зрения местонахождения жилища, возможностей инфраструктуры, возможности получать необходимые услуги по месту проживания.

Как мы видим, надзор за соблюдением данного права прямо обусловливает поддержание в государстве общественной и социальной безопасности, на что справедливо указывает Е.Н. Неганова: «Так как росту экстремизма обычно способствуют социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, то именно социально ориентированная политика государства в сфере права на жилище способна противостоять экстремизму и терроризму» [4, с. 298]. Соответственно, отсутствие должного обеспечения права на жилище, как из-за недостатков жилищного законодательства, так и из-за неисполнения его положений или прямого нарушения нормативных предписаний, ведет к нарастанию социальной напряженности и утрате авторитета государственных институтов в глазах общества.

Полная реализация к 2025 году всех положений Концепции цифровой трансформации системы органов прокуратуры [5] позволит гарантированно обеспечить высокое качество надзорной работы по обеспечению права на жилище. Уже на сегодняшний день функционирование федеральной государственной информационной системы «Единый реестр проверок» (ФГИС ЕРП), которая летом текущего года была преобразована в Единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, а также непосредственно внутренних ведомственных информационных систем органов прокуратуры, Единой системы межведомственного электронного взаимодействия, некоторых других государственных информационных систем позволяет:

во-первых, проводить совместно с иными контролирующими субъектами профилактические мероприятия по предупреждению нарушения права на жилище. Так, например, совместно с отделами муниципального жилищного контроля администраций муниципальных образований проверяются:

– надзорным органом – соблюдение норм федеральных законов о жилищном фонде, требований к жилым помещениям и их содержанию и т.д.;

– контролирующим отделом администрации муниципального образования – законов субъекта РФ в части отношений в сфере жилья и муниципальных правовых актов.

Во-вторых, проводить проверки, в том числе с иными правоохранительными и контролирующими органами исполнительной власти, законности деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в сфере жилищных отношений.

Так, прокуроры субъектов РФ организуют совместные проверки с территориальным органом Следственного комитета РФ и территориальным органом Федеральной службы по финансовому мониторингу в части:

– законного порядка расходования бюджетных средств, выделенных на модернизацию жилищно-коммунальной инфраструктуры;

– соблюдение сроков и иных условий реализации нацпроекта «Жилье и городская среда» [6] в данном субъекте РФ и т.д.

В-третьих, в связи с особой значимостью в силу остроты социальной проблемы осуществлять оперативный и эффективный надзор за законностью установления тарифов в сфере ЖКХ, своевременно реагировать на нарушение прав граждан необоснованными тарифами и в полном объеме их восстанавливать в случае выявленных нарушений. Кроме того, функционирование Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий позволяет для надлежащего обеспечения права граждан на жилище:

– обязать предоставлять гражданам услуги надлежащего качества с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований, предъявляемых к качеству;

– обязать соответствующие органы исполнительной власти содержать инфраструктуру ЖКХ в надлежащем состоянии;

– обязать соответствующие органы исполнительной власти соблюдать сроки проведения ремонта объектов инфраструктуры ЖКХ и т.д.;

В-четвертых, функционирование цифровой среды приема, рассмотрения и принятия решений по поступившим от граждан обращениям и жа-

лобам в связи с нарушением их права на жилище является несомненным прогрессивным началом перехода работы надзорного органа на принципиально иной уровень эффективности деятельности.

Так, в августе текущего года в связи с большим количеством поступивших в органы прокуратуры обращений граждан об ухудшении качества питьевой воды из двух субъектов – Пензенской и Ленинградкой областей, Генеральным прокурором РФ были отдано соответствующее распоряжение о начале надзорно-контрольных мероприятий, организованных по данному предмету проверки.

В том же месяце прокуратурой Саратовской области инициирован ряд проверок в связи с выявленным большим количеством нарушений обеспечения права детей–сирот на жилище – после вмешательства надзорного органа было восстановлено право 1 400 человек. Совместно с органами исполнительной власти в рамках другой проверки надзорным участием прокуроров Саратовской области было расселено 2 833 гражданина из аварийного жилого фонда.

Функционирование Единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий с июля 2021 года, позволило на порядок увеличить число выявляемых нарушений в сфере жилищного законодательства, это подтверждает тезис о том, что создание цифровой среды для прокурорского участия в обеспечении права на жилище выступает единственным спасительным способом обеспечения эффективности защиты права.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978. – Вып. XXXII. – С. 36.

3. Европейская Социальная Хартия ETS № 163 (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. – № 8. – Ст. 781.

4. *Неганова Е.Н.* Прокурорский надзор за реализацией права на жилище как фактор обеспечения социальной безопасности в Российской Федерации // В сб.: Профилактика проявлений экстремизма и терроризма как фактор обеспечения социальной безопасности в современной России / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 296–303.

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // Законность. – 2017. – № 12 (998). – С. 55–56.

6. Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому разви-

тию и национальным проектам (протокол № 16 от 24 декабря 2018 года) //https: // base.garant.ru/72192510

Для цитирования: *Битус Д.А.* Влияние процессов информатизации на эффективность организации прокурорского надзора за соблюдением права на жилище: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 37–41.
DOI: 10.47905/ MATGIP.2022.125.1.003

Influence of informatization processes on the effectiveness of the organization of prosecutorial supervision over the observance of the right to housing

Diana A. Bitus *

Annotation. In the article, the author considers certain reasons for increasing the effectiveness of prosecutorial supervision over the observance of the human right to housing, the main of which is the active introduction of paperless workflow into the supervisory practice of prosecutors, automated drafting of documents, and the use of wide opportunities provided by the digital environment in prosecutorial activities.
Key words: digital transformation of the prosecutor's office, digital environment, prosecutor's supervision, right to housing.

Provision by the prosecutor's office of the implementation of the constitutional right to housing and guarantees of a legislative ban on arbitrary deprivation of housing is a traditional area of prosecutorial activity within the framework of such an industry as supervision over the observance of human and civil rights and freedoms.

Of particular social importance is the effectiveness of supervisory work over the observance of the right to housing for certain categories of citizens enjoying increased state social protection: participants in the Great Patriotic War and members of their families; orphans and other categories of citizens, the observance of whose rights and legitimate interests is taken under the increased attention of prosecutors by virtue of a direct instruction contained in federal laws and organizational and administrative acts of the Prosecutor General of the Russian Federation.

It should be noted that the secured right belongs to the group of social and economic human rights, which excludes the identification of this right with the citizenship of the Russian Federation. It is on this aspect that the implementation of the latest direction of supervisory activity is aimed – ensuring the right to housing for all persons who are on the territory of our state, including foreign citizens, and persons who do not have citizenship at all. It is not difficult to imagine that this expansion of the concept of supervisory activity has

* *Bitus Diana Andreevna*, student of the Law Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “North Caucasus Federal University”. Russia, Stavropol.

led to an unprecedented increase in the volume of supervisory work, in the light of which the creation of a digital environment for prosecutorial participation in ensuring the right to housing is the only saving way to ensure the effectiveness of such participation.

Let's try to substantiate this thesis. Contained in Art. 40 of the Constitution of the Russian Federation [1], the right to housing implies that the following conditions have been created and provided by the apparatus of state bodies in the Russian Federation:

– each person is guaranteed the opportunity to provide himself with housing;

– housing cannot be unreasonably taken away;

–- the inviolability of the home is guaranteed and ensured;

– the possibility of stable use of the existing housing is ensured;

– living in a dwelling is accompanied by ensuring the safety of the living environment and harmless conditions for human life and health;

– there is an effective mechanism for exercising the right to improve living conditions.

However, it must be remembered that the inclusion of the Russian Federation in the international legal space obliges the prosecution authorities to provide response measures for the implementation of the provisions of international regulations included in the scope of national legislation.

Thus, the ratification of such sources as the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights [2] and the European Social Charter [3] provides for ensuring in the Russian Federation:

– proper legal security of residence;

– availability of accommodation in terms of financial costs of a person;

– adequacy in terms of culture of the situation of finding a dwelling;

– suitability for habitation in terms of the location of the dwelling, the possibilities of infrastructure, the ability to receive the necessary services at the place of residence.

As we can see, supervision over the observance of this right directly determines the maintenance of public and social security in the state, as E.N. Neganova: “Since the growth of extremism is usually facilitated by socio-economic crises, a sharp drop in the standard of living of the bulk of the population, it is the socially oriented policy of the state in the field of the right to housing that is able to resist extremism and terrorism” [4, p. 298]. Accordingly, the lack of proper provision of the right to housing, both due to shortcomings of housing legislation, and due to non-fulfillment of its provisions or direct violation of regulatory requirements, leads to an increase in social tension and the loss of authority of state institutions in the eyes of society.

The full implementation by 2025 of all the provisions of the Concept of Digital Transformation of the System of Prosecution Bodies [5] will guarantee the high quality of supervisory work to ensure the right to housing. Already to date, the functioning of the federal state information system "Unified Register of Verifications" (FSIS ERP), which in the summer of this year was transformed into the Unified Register of Control (Supervisory) Measures, as well as directly internal departmental information systems of inspection bodies Prosecutor's

Office, the Unified System of Interdepartmental Electronic Interaction, some other state information systems allows:

firstly, to carry out, together with other controlling entities, preventive measures to prevent violations of the right to housing. So, for example, together with the departments of municipal housing control of the administrations of municipalities, they check: by the supervisory authority – compliance with the norms of federal laws on the housing stock, requirements for residential premises and their maintenance, etc.; the controlling department of the administration of the municipality – the laws of the subject of the Russian Federation in terms of relations in the field of housing and municipal legal acts.

Secondly, to conduct checks, including with other law enforcement and regulatory bodies of executive power, on the legality of the activities of executive bodies and local self-government bodies in the field of housing relations.

Thus, the prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation organize joint inspections with the territorial body of the Investigative Committee of the Russian Federation and the territorial body of the Federal Financial Monitoring Service in terms of: the legal procedure for spending budget funds allocated for the modernization of housing and communal infrastructure; compliance with the deadlines and other conditions for the implementation of the national project "Housing and Urban Environment" [6] in this subject of the Russian Federation, etc.

Thirdly, due to the special significance due to the acuteness of the social problem, to carry out prompt and effective supervision of the legality of setting tariffs in the housing and communal services sector, respond in a timely manner to violations of citizens' rights by unreasonable tariffs and fully restore them in case of violations. In addition, the functioning of the Unified Register of Control (Surveillance) Measures makes it possible to properly ensure the right of citizens to housing: oblige to provide citizens with services of adequate quality in compliance with sanitary and epidemiological requirements for quality; the relevant executive authorities to maintain the housing and communal services infrastructure in proper condition; the relevant executive authorities to comply with the deadlines for the repair of housing and communal infrastructure facilities, etc.

Fourthly, the functioning of the digital environment for receiving, considering and making decisions on applications and complaints received from citizens in connection with the violation of their right to housing is an undoubted progressive beginning of the transition of the work of the supervisory authority to a fundamentally different level of efficiency.

Thus, in August of this year, due to a large number of appeals from citizens received by the prosecutor's office about the deterioration in the quality of drinking water from two subjects – the Penza and Leningrad regions, the Prosecutor General of the Russian Federation issued an appropriate order to start supervisory and control measures organized on this subject of verification.

In the same month, the prosecutor's office of the Saratov region initiated a series of inspections in connection with the revealed large number of violations of the right of orphans to housing – after the intervention of the supervisory authority, the right of 1,400 people was restored. Together with the execu-

tive authorities, as part of another audit, the supervisory participation of the prosecutors of the Saratov region resettled 2,833 citizens from the emergency housing stock.

The functioning of the Unified Register of Control (Supervisory) Measures since July 2021 has made it possible to increase the number of detected violations in the field of housing legislation by an order of magnitude, this confirms the thesis that the creation of a digital environment for prosecutorial participation in ensuring the right to housing is the only saving grace way to ensure the effectiveness of the protection of rights.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 333 p. (Series: Professional Comments).

2. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) / Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states, M., 1978, issue XXXII, p. 36.

3. European Social Charter ETS No. 163 (revised) (Strasbourg, May 3, 1996) // Collected Legislation of the Russian Federation. February 22, 2010 No. 8. Art. 781.

4. Neganova E.N. Prosecutorial supervision over the implementation of the right to housing as a factor in ensuring social security in the Russian Federation // In: Prevention of manifestations of extremism and terrorism as a factor in ensuring social security in modern Russia / Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2017. P. 296–303.

5. Order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of September 14, 2017 No. 627 "On Approval of the Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Office Bodies and Organizations until 2025" // Legality. 2017. No. 12 (998). Pp. 55–56.

6. Passport of the national project "Housing and Urban Environment" (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (No. 16 of December 24, 2018) //https: // base.garant.ru/72192510

For citation: Bitus D.A. Influence of informatization processes on the effectiveness of the organization of prosecutorial supervision over the observance of the right to housing: an article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 41–44.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.003

Научная статья

УДК 34.03 / 342.41
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.004

Механизм социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина на примере компенсации морального вреда

А.Г. Грунин*

«Права человека и интересы государства не всегда совпадают, но стремление их совместить – путь к демократии»

И. Шевелев

Аннотация. В данной статье проводится анализ вопросов взаимодействия функций права, при реализации конкретных задач по обеспечению незыблемости и устойчивости прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, укреплению законности и правопорядка, а также устойчивому развитию гражданского общества, правового и социального государства в Российской Федерации. Затрагивается сущность института компенсации морального вреда и краткая история его становления. Автором так же раскрывается и проводится теоретико-правовой анализ роли компенсации морального вреда в системе права и влияние на нее методов интерпретации данных, через призму обязывающих мер и воспитательного воздействия.

Ключевые слова: государство, функции права, обязывающие меры, воспитательное воздействие, компенсация морального вреда, механизм, социально-юридическое обеспечение.

Введение. Научная статья обусловлена теоретической и практической значимостью рассматриваемой тематики. В научно-теоретическом плане изучение вопросов, связанных с реализацией компенсации морального вреда, представляется необходимым, поскольку на современном этапе осуществляется становление и дальнейшее развитие данного правового института.

Одно из наиболее актуальных и перспективных направлений модернизации компенсационных механизмов не без оснований связано с процессом формирования новой актуализированной системы права, в которой были бы в полной мере учтены положения Конституции РФ, а также гарантированно соблюдение прав и свобод человека и гражданина [1]. В связи с этим, обеспечение прав и свобод – это важнейшая задача, стоящая перед государством, а основной целью является создание достойных условий для

* *Грунин Антон Геннадьевич*, преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: grunin-a-g@yandex.ru // https://orcid.org/0000-0002-3893-615X. Scopus Author ID: 57222610593

жизни, гарантия свободы и неприкосновенности личности. Предпосылками для создания такого законодательства могут стать национальные и международные нормативные правовые акты, посвященные вопросам компенсации вреда жертвам преступлений [4, с. 13].

Кроме того, изучение подобных вопросов приобретает особую значимость в связи с тем, что причинение морального вреда связано исключительно с физическими либо нравственными страданиями. Однако в кодифицированном акте отсутствует определение данных дефиниций, что является существенным пробелом правового регулирования.

Материалы и дискуссии. Порядок и социальная стабильность – основополагающая цель права. Право является противоположностью хаоса и произвола, устанавливает нормы поведения, отражающие интересы большинства. Значимость правовых норм для общества, реализации его функций заключается не только в регулировании основных процессов, но и в охране сложившихся устоев общества [3].

Право представляет собой сложную, высокоорганизованную структуру, которая обладает своими признаками, функциями и назначением, то есть ролью в системе государственной власти и обществе. Таким образом, функции права являются юридической конструкцией, если рассматривать данное понятие в широком смысле. Эта юридическая конструкция включает в себя такие составные элементы, как: основание, содержание и форма реализации [7, с. 83].

Именно вышеуказанные обстоятельства определяют интерес теоретиков права к проблемам, возникающим при применении компенсации морального вреда, как меры ответственности, оказывающей воспитательное воздействие на индивидов.

Кредитором является пострадавший в отношениях субъект – потерпевший – это лицо, которому действиями причинителя вреда нанесен ущерб. Второй стороной деликтного обязательства – должником – является, по общему правилу, тот субъект (физическое или юридическое лицо, а также Российская Федерация, ее муниципальные образования и субъекты), действиями которого причинен вред потерпевшему.

Под пострадавшим от вреда гражданином понимается любое физическое лицо, любой возрастной категории, рода деятельности и т.д. Для признания лица субъектом деликтного обязательства не имеет значения его дееспособность, поскольку вред, причиненный любому субъекту гражданского права, подлежит возмещению причинителем вреда.

Важно обратить внимание, что, в соответствии с законодательством, предусмотренным ГК РФ, обязательство по возмещению нанесенного вреда может возлагаться, в том числе на лицо, которое фактически не является лицом, которым потерпевшему был причинен вред, то есть не является его причинителем [2]. К списку подобных ситуаций относятся случаи, когда в нанесенном вреде виноваты следующие причинители, совершившие незаконные действия:

– убыток причинен государственными органами РФ;

– убыток причинен органами местного самоуправления;

– вред причинен судебными органами РФ;

– вред причинен правоохранительными органами РФ;

– вред причинен должностными лицами перечисленных выше органов.

Сюда же можно отнести вред, причиненный несовершеннолетними детьми в возрасте до 14 и от 14 до 18 лет.

На современном этапе развития юриспруденции существуют некоторые проблемы механизма социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина в сфере компенсационных правоотношений.

Во-первых, в российском законодательстве продолжаются дискуссии при рассмотрении вопроса о субъектах права на компенсацию морального вреда.

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ гражданин признается потерпевшим, в случае, если ущерб нанесен его личности или имуществу, а юридическое лицо – если ущерб нанесён его имуществу [2].

Некоторые ученые-правоведы пришли к мнению, что «юридическое лицо является искусственным образованием, не способным испытывать эмоции или ощущения, поэтому юридическое лицо не может претерпевать моральный вред, и, соответственно, у него не может возникнуть права на компенсацию такого вреда» [6].

На мой взгляд, юридическому лицу все же может быть причинен моральный вред, который заключается в ущербе, причинённом его деловой репутации. Причинение вреда в форме отрицательного воздействия на репутацию юридического лица, может повлечь за собой вредным последствиям неимущественного характера. К таким последствиям можно отнести, к примеру, испытание определенных психологических страданий, физическими лицами, входящих в состав данного предприятия, и впоследствии, понижение их работоспособности. Также, вследствие причинённого вреда, организация может лишиться возможности осуществления своих задач и целей, что приводит также к ухудшению отношений с партнерами организации.

Понятие и способы компенсации морального вреда для юридических лиц отсутствуют в ГК РФ. Вместе с тем, по моему мнению, данная правовая конструкция необходима в гражданском законодательстве России.

Во-вторых, интерес представляет проблема возможности компенсации ребенку, например, того же морального вреда, причиненного жестоким обращением родителей, повлекший причинение вреда жизни и здоровью ребенка.

По общему правилу, размер морального вреда объявляется и мотивируется, как правило, самим потерпевшим. Но ведь ребенок в силу незрелости психики не всегда может сам оценить степень причиненных ему физических и нравственных страданий, и перевести ее в денежное измерение. Поэтому размер компенсации морального вреда, причиненного родителями, должен оцениваться лицами, выступающими в защиту прав несовершеннолетнего (органами опеки и попечительства или назначенным им представителем).

В качестве оснований компенсации морального вреда рядом предлагается предусмотреть в Семейном кодексе РФ возможность его взыскания при удовлетворении иска о лишении родительских прав.

Таким образом, законодательный институт возмещения морального вреда остается вне регулирования, достаточного для полноценной и едино-

образной реализации. Необходимость дальнейшего исследования механизма социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина в сфере компенсационных правоотношений, обусловлена тем, что в современный период развития российского общества особенно остро стоит проблема охраны и защиты прав и законных интересов граждан.

На современном этапе в юридической литературе не содержится исследований, посвященных сущности и содержанию воспитательной функции права: не определено место в иерархии основных направлений воздействия права.

Следует обратить внимание на то, что структурным элементом права выступает норма, содержащая определенные положения, ознакомившись с которыми, индивид выражает собственное психологическое отношение. Именно данное отношение во многом предопределяет реализацию правовых постулатов на практике: требования, получающие негативную оценку, не находят отражения в правосознании. В проиллюстрированном случае воспитательная функция не реализует собственную цель [5, с. 273].

Именно поэтому следующей основной проблемой, требующей рассмотрения, выступает правовой нигилизм. Правовой нигилизм – это форма правового сознания, выражающаяся в отрицательном отношении к правовым нормам, регламентированным внутринациональным законодательством. Различают пассивные и активные формы правового нигилизма. Пассивная форма основана на следующем: индивиды не признают законы основополагающим регулятором общественных отношений. Активная форма характеризуется не только враждебным отношением к положениям нормативных актов, но и пропагандой собственного мировоззрения среди других граждан (анархизм).

Актуальность проблемы ограничения конституционных прав и свобод граждан крайне важна в рамках развития демократии передовых государств современного мира. Эти вопросы гражданское общество, прорабатывает на различных уровнях. Права, и свободы граждан стоят в основе демократического общества, в котором основным законом государства выступает Конституция Российской Федерации [1].

Заключение. Подводя итог, и исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что методы интерпретационных данных, в совокупности с принудительными мерами, закрепленными в действующем законодательстве, оказывают существенное влияние на компенсацию морального вреда, через призму воспитательного воздействия. Как результат налицо более качественное исполнение правонарушителями данных компенсационных мер обеспечивает незыблемость и устойчивость прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, укрепление законности и правопорядка, а также устойчивое развитие гражданского общества, правового и социального государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров

[и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // www.consultant.ru

3. *Воробьев С.М., Грунин А.Г.* Ограничение конституционных прав и свобод граждан, как предпосылка для развития дополнительных юридических функций права // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9 (189). – С. 10.

4. *Воробьев С.М., Грунин А.Г.* Некоторые аспекты реализации компенсационных механизмов в деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 13.

5. *Левина С. В.* Воспитательная функция права и механизм ее реализации // Вестник ТГУ. – Выпуск 9. – 2010. – С. 273.

6. Постатейный научно-практический комментарий части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (с изменениями и дополнениями на 1 мая 2001 г.) / Под общей редакцией А.М. Эрделевского, Агентство (ЗАО) «Библиотечка РГ». – М., 2001.

7. Yunusov E.A., Vorobiev S.M., Akhverdyan A.G., Grunin A.G., Khritin R.D. The role of functions of the law in the performance of human and citizen legal duties // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. Т. 7. № S10. P. 83.

Для цитирования: *Грунин А.Г.* Механизм социально-юридического обеспечения прав человека и гражданина на примере компенсации морального вреда: статья // Юридическая мысль. 2022. – № 1 (125). С. 45–49.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.004

The mechanism of social and legal provision of human and civil rights on the example of compensation for moral damage

Anton G. Grunin*

"Human rights and the interests of the state do not always coincide, but the desire to combine them is the way to democracy"

I. Shevelev

Annotation. This article analyzes the issues of interaction between the functions of law, in the implementation of specific tasks to ensure the inviolability and sustainability of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and a citizen, strengthening the rule of law and the rule of law, as well as the sustainable development of civil society, a legal and social state in the Russian Federation . The essence of the institution of compensation for moral harm and a brief history of its formation are touched upon. The author also reveals and conducts a theoretical and legal analysis of the role of compensation for moral damage in the legal system and the influence of data interpretation methods on it, through the prism of binding measures and educational impact.

* *Grunin Anton Gennadievich*, Lecturer of the Department of Management and Administrative and Legal Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: grunin-a-g@yandex.ru

Keywords: state, functions of law, binding measures, educational impact, compensation for non-pecuniary damage, mechanism, social and legal support.

Introduction. The scientific article is due to the theoretical and practical significance of the subject under consideration. In scientific and theoretical terms, the study of issues related to the implementation of compensation for non-pecuniary damage seems necessary, since at the present stage the formation and further development of this legal institution is underway.

One of the most relevant and promising areas for the modernization of compensation mechanisms, not without reason, is connected with the process of forming a new updated system of law, in which the provisions of the Constitution of the Russian Federation would be fully taken into account, and the observance of the rights and freedoms of man and citizen would be guaranteed. [1]. In this regard, ensuring rights and freedoms is the most important task facing the state, and the main goal is to create decent living conditions, guarantee freedom and inviolability of the individual. The prerequisites for the creation of such legislation may be national and international regulatory legal acts on the issues of compensation for harm to victims of crime [4, p. 13].

In addition, the study of such issues is of particular importance due to the fact that the infliction of moral harm is associated exclusively with physical or moral suffering. However, in the codified act there is no definition of these definitions, which is a significant gap in legal regulation.

Materials and discussions. Order and social stability is the fundamental goal of law. Law is the opposite of chaos and arbitrariness; it establishes norms of behavior that reflect the interests of the majority. The significance of legal norms for society, the implementation of its functions lies not only in the regulation of the main processes, but also in the protection of the established foundations of society [3].

Law is a complex, highly organized structure that has its own characteristics, functions and purpose, that is, a role in the system of state power and society. Thus, the functions of law are a legal construction, if we consider this concept in a broad sense. This legal structure includes such constituent elements as: the basis, content and form of implementation [7, p. 83].

It is the above circumstances that determine the interest of legal theorists in the problems that arise when applying compensation for moral harm as a measure of responsibility that has an educational impact on individuals.

The creditor is the subject affected in the relationship – the victim is the person who was harmed by the actions of the tortfeasor. The second party to a tort obligation – the debtor – is, as a general rule, the subject (an individual or legal entity, as well as the Russian Federation, its municipalities and subjects), whose actions caused harm to the victim.

A harmed citizen means any natural person, of any age category, type of activity, etc. To recognize a person as the subject of a tort obligation, his legal capacity does not matter, since the harm caused to any subject of civil law is subject to compensation by the tortfeasor.

It is important to note that, in accordance with the legislation provided for by the Civil Code of the Russian Federation, the obligation to compensate

for the harm caused may also be imposed on a person who is not actually the person who caused the harm to the victim, that is, is not the tortfeasor [2]. The list of such situations includes cases when the following tortfeasors who committed illegal actions are to blame for the harm caused:

– the loss was caused by state bodies of the Russian Federation;
– loss caused by local governments;
– harm caused by the judicial authorities of the Russian Federation;
– harm caused by law enforcement agencies of the Russian Federation;
– harm caused by officials of the above bodies.

This also includes harm caused by minors under the age of 14 and from 14 to 18 years. At the present stage of development of jurisprudence, there are some problems of the mechanism of social and legal provision of human and civil rights in the field of compensatory legal relations.

Firstly, discussions continue in Russian legislation when considering the issue of subjects of the right to compensation for moral damage.

In accordance with paragraph 1 of Art. 1064 of the Civil Code of the Russian Federation, a citizen is recognized as a victim if damage is caused to his person or property, and a legal entity – if damage is caused to his property [2].

Some legal scholars have come to the conclusion that "a legal entity is an artificial entity that is not capable of experiencing emotions or sensations, therefore a legal entity cannot suffer moral harm, and, accordingly, it cannot have the right to compensation for such harm" [6] .

In my opinion, moral harm can still be caused to a legal entity, which consists in the damage caused to its business reputation. Causing harm in the form of a negative impact on the reputation of a legal entity may entail harmful consequences of a non-property nature. Such consequences include, for example, the experience of certain psychological suffering by individuals who are part of this enterprise, and subsequently, a decrease in their performance. Also, due to the harm caused, the organization may lose the opportunity to implement its tasks and goals, which also leads to deterioration in relations with the partners of the organization.

The concept and methods of compensation for moral harm for legal entities are absent in the Civil Code of the Russian Federation. At the same time, in my opinion, this legal construction is necessary in the civil legislation of Russia.

Secondly, the problem of the possibility of compensating the child, for example, the same moral damage caused by the cruel treatment of the parents, which caused harm to the life and health of the child, is of interest.

As a general rule, the amount of non-pecuniary damage is declared and motivated, as a rule, by the victims themselves. But after all, a child, due to the immaturity of the psyche, cannot always assess the degree of physical and moral suffering inflicted on him, and translate it into a monetary dimension. Therefore, the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by parents should be assessed by persons acting in defense of the rights of a minor (the guardianship and guardianship authorities or a representative appointed by him).

As grounds for compensation for non-pecuniary damage, it is proposed to provide in the Family Code of the Russian Federation for the possibility of its recovery in the satisfaction of a claim for deprivation of parental rights.

Thus, the legislative institution of compensation for moral harm remains outside the regulation sufficient for a full and uniform implementation. The need for further research into the mechanism of social and legal provision of human and civil rights in the field of compensatory legal relations is due to the fact that in the modern period of the development of Russian society, the problem of protecting and protecting the rights and legitimate interests of citizens is especially acute.

At the present stage, the legal literature does not contain studies on the essence and content of the educational function of law: the place in the hierarchy of the main directions of the impact of law is not determined.

It should be noted that the structural element of law is a norm containing certain provisions, having become familiar with which, the individual expresses his own psychological attitude. It is this attitude that largely determines the implementation of legal postulates in practice: requirements that receive a negative assessment are not reflected in legal consciousness. In the illustrated case, the educational function does not realize its own goal [5, p. 273].

That is why the next main problem requiring consideration is legal nihilism. Legal nihilism is a form of legal consciousness, expressed in a negative attitude towards legal norms regulated by domestic legislation. There are passive and active forms of legal nihilism. The passive form is based on the following: individuals do not recognize laws as the fundamental regulator of social relations. The active form is characterized not only by a hostile attitude towards the provisions of normative acts, but also by the propaganda of one's own worldview among other citizens (anarchism).

The relevance of the problem of restricting the constitutional rights and freedoms of citizens is extremely important in the framework of the development of democracy in the advanced states of the modern world. Civil society is working on these issues at various levels. The rights and freedoms of citizens are at the heart of a democratic society, in which the Constitution of the Russian Federation is the fundamental law of the state [1].

Conclusion. Summing up, and based on the foregoing, it can be noted that the methods of interpretive data, in conjunction with the coercive measures enshrined in the current legislation, have a significant impact on compensation for moral harm through the prism of educational impact. As a result, there is a better performance by offenders of these compensatory measures ensures the inviolability and stability of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and citizen, the strengthening of law and order, as well as the sustainable development of civil society, a legal and social state.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020); Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and oth-

ers]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised and additional – Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).

2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021) // www. consultant.ru

3. Vorobyov S.M., Grunin A.G. Restriction of constitutional rights and freedoms of citizens as a prerequisite for the development of additional legal functions of law // Agrarian and land law. 2020. No. 9 (189). P. 10.

4. Vorobyov S.M., Grunin A.G. Some aspects of the implementation of compensation mechanisms in the activities of correctional institutions of the penitentiary system of the Russian Federation // Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 6 (186). P. 13.

5. Levina S. V. Educational function of law and the mechanism of its implementation // Bulletin of TSU. Issue 9. 2010. P. 273.

6. Article-by-article scientific and practical commentary on the second part of the Civil Code of the Russian Federation (with amendments and additions as of May 1, 2001) / Under the general editorship of A.M. Erdelevsky, Agency (CJSC) “Library RG”. Moscow, 2001.

7. Yunusov E.A., Vorobiev S.M., Akhverdyan A.G., Grunin A.G., Khritin R.D. The role of functions of the law in the performance of human and citizen legal duties // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. T. 7. № S10. P. 83.

Please cite this paper as: Grunin A.G. The mechanism of social and legal provision of human and civil rights on the example of compensation for moral damage: article // Legal thought. 2022. No. 1 (125). P. 49–53.

DOI: 10.47905 / MATGIP.2022.125.1.004

Научная статья

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.005

Высшее образование и влияние пандемии на его качество

И.Н. Куксин*

Аннотация: проблема качества высшего образования всегда была в центре внимания как российских, так и зарубежных исследователей. Особенно обострился этот вопрос в условиях коронавирусной инфекции COVID-19. Появились исследовательские группы вузов, которые взяли под пристальное внимание качество учебного процесса, чтобы вырабатывать методические рекомендации для своевременной его корректировки. Если 2020 год был годом экстренного поиска, то на втором году пандемии (2021 г.) было ясно, что вузы должны переходить на дистанционную, а некоторые вузы в дальнейшем и на смешанную модель образования. С учетом этих обстоятельств необходимо было выработать инструментарий, с помощью которого следует осуществлять управление качеством высшего образования. Данная статья посвящена обоснованию тех элементов, которые должны составлять основу управления и внутренней оценки качества образовательных результатов.

Ключевые слова: качество высшего образования, «острое респираторное заболевание CoViD-19 – CoronaVirus Disease-19», образовательные программы, развитие цифровых сервисов, модернизация инфраструктуры, большие данные, управление кадровым потенциалом, этический кодекс.

30 января 2020 года по требованию Генерального директора Всемирной организации здравоохранения д-ра Т. А. Гебрейесуса в Женеве состоялось экстренное заседание профильного Комитета ВОЗ. В связи со вспышкой коронавируса, получившей официальное название «острое респираторное заболевание CoViD-19 – CoronaVirus Disease-19» было принято решение объявить чрезвычайную ситуацию в международном масштабе.

Чтобы понять и оценить всю серьезность данного заболевания многие аналитики, ученые, эксперты сравнивают его по разрушительным последствиям с третьей мировой войной. Число жертв и пострадавших исчисляется десятками миллионов. Глубокий экзистенциальный (лат. existentia – существование) кризис – это не просто нарушение повседневного уклада жизни людей, ритма жизнедеятельности институтов государства. Это нечто большее, ибо он вызывает у людей состояние тревоги, чувство глубокого

* *Куксин Иван Николаевич*, профессор кафедры теории и истории государства и права Московский городской педагогический университет, д.ю.н., профессор. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

психологического дискомфорта подталкивает к тому, что идет переосмысление прошлого. Наступил «новый» мир, который сопровождается ухудшением финансового положения многих семей в виду сокращения заработной платы, рабочих мест и отправки работников в неоплачиваемый отпуск или увольнение. Более того, по мнению многих политологов, экономистов, психологов мир уже не станет прежним.

Не обошел коронавирус стороной и область образования. Его опасность усиливалась не только внезапностью, но и тем, что он своим разрушительным воздействием охватил как школы, так и высшие образовательные учреждения. Первая реакция многих учебных заведений в этот критический момент, когда вирус распространялся в геометрической прогрессии закрыться, что привело на раннем этапе пандемии к срыву учебного процесса. Так, исследование, проведенное Международной ассоциацией университетов (IAU) в начале апреля 2020 г. показало, что 59% вузов вынуждены были полностью закрыться, 30% «частично продолжили работу», остальные столкнулись с «серьезными сбоями» в организации учебного процесса [2, с. 7], так как вынуждены были ввести жесткие ограничительные меры, чтобы не допустить распространения эпидемии.

В один миг был нарушен повседневный быт школьников, студентов и преподавателей: отмена посещений занятий, спортивных и развлекательных мероприятий, введение ограничений прогулок и прочее. Такой резкий переход создал стрессовую ситуацию для всех участников образовательного процесса, включая и руководство общеобразовательных и высших учебных заведений. Единственным выходом из создавшегося положения был массовый переход на обучение с использованием дистанционных образовательных технологий, под которыми понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [1, ст.16 п.1]. Именно поэтому в условиях тотальной самоизоляции в 2020 году форма дистанционного образования получила широкое распространение, которая совершенствуется и в настоящее время.

Специально разработанные такие современные технологии как Zoom, Teams, Skype и другие, которые были разработаны ранее, но в условиях пандемии именно они дали возможность и студентам, и преподавателям не прерывать учебный процесс и не остаться без общения. В таком режиме действуют вузы более двух лет. За указанное время накоплен некоторый опыт организации учебного процесса, что позволяет дать предварительную оценку управлению и качеству образовательных результатов.

Анализ специальной литературы, который был доступен автору, привел к выводу, что не существует универсального ответа как должна выглядеть модель внутренней оценки и обеспечения качества образования в вузах. Изучая опыт отдельных ведущих университетов Европы и США по указанной проблеме, автор пришел к выводу, что каждое высшее учебное заведение опирается на собственные выработанные модели управления качества образования. Например, «Университет Маастрихта в Нидерландах фокусируется на содержании образовательных программ: там регулярно

проводят их внутренний аудит, проверяют, как описаны требования к образовательным результатам. В обсуждении участвуют и студенты. Кроме того, ежегодно исследуют достигнутые студентами за год образовательные результаты. В Йельском университете США система повышения качества образования ориентирована на сбор обратной связи студентов и на их поддержку» [2, с. 20–22].

Что касается российского опыта, то вопрос о качестве образования в вузах звучит сегодня значительно громче, нежели это было прежде [4, с. 75–76]. И это вполне закономерно, так как в корне изменился традиционный формат обучения, который не предполагал столь широкого охвата современных информационных технологий. В силу этого появился целый ряд трудных вопросов, так как многие существующие модели и практики доковидной работы вузов не могли быть сохранены в прежнем формате.

Профессорско-преподавательскому составу пришлось решать поистине масштабные задачи, которые затрагивали систему менеджмента, систему оценки качества знаний студентами, дидактику (закономерности усвоения знаний, умений, навыков и формирования убеждений, определения объёма и структуры содержания образования). По названным проблемам готовых решений не было и каждому вузу (преподавателю) приходилось их решать с учетом предшествующего собственного опыта и управленческой рефлексии (оценивать принятые решения и перспективы).

Двухлетняя практика работы российских вузов в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 показала, что каждое высшее учебное заведение выбирает собственные приоритетные направления на изменения системы управления и обеспечения качества образования. Автор исходит из того постулата, что профессорско-преподавательский состав выступает главным звеном высшего учебного заведения и именно он должен формировать и обеспечивать функционирование механизма повышения качества образовательных результатов. Анализ научных статей, посвященных моделям внутренней оценки и обеспечения качества образования в вузе, позволяет в обобщенном виде предложить следующие ее критерии (элементы).

Сегодня спрос со стороны работодателей на выпускников вузов определяется в основном по таким показателям как: уровень знаний, личные качества (энтузиазм, высокая мобильность, открытость к новым знаниям и идеям), а также репутация вуза, как визитная карточка качества его выпускников.

Исходя из этих факторов ведущим элементом в модели внутренней оценки качества образования должны выступать ***образовательные программы и их содержание.*** Российское образование всегда отличалось своей фундаментальностью. Поэтому обновление действующих программ должно быть сориентировано на широкий спектр знаний на основе которых должны формироваться профессиональные и универсальные компетенции. В новых нестандартных условиях наметился процесс создания гибких образовательных программ [5, с. 79–87], реализация которых более положительно сказывается на повышении качества образования, о чем свидетельствует опыт отдельных московских вузов.

Вторым элементом, входящим в модуль внутренней оценки качества образования, является интенсивное внедрение и развитие ***цифровой инфраструктуры и новых инструментов обучения и оценки (EdTech).***

В рамках указанного элемента ключевыми направлениями являются: развитие цифровых сервисов; модернизация инфраструктуры; управление данными; управление кадровым потенциалом.

Развитие цифровых сервисов. Это направление охватывает персонализацию обучения, которое меняет традиционную организацию образовательного процесса в виду ее малоэффективности, и обеспечивает каждому обучающемуся высокие результаты. Здесь стоит задача вузов и преподавательских коллективов более активного внедрения новых инструментов обучения и оценки знаний (EdTech). В связи с пандемией COVID-19 в России актуальность цифровых сервисов значительно выросла. Например, «только за период 2020–2021 гг. рынок онлайн-образования в России 2020 года вырос на 30–35% в сравнении с доковидным периодом» [9, с. 19].

Модернизация инфраструктуры выступает не только базовым элементом в части управления качеством образования, но и приоритетным направлением цифровой трансформации образования, под которым понимается обновление планируемых образовательных результатов, содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстроразвивающейся цифровой среде для кардинального улучшения образовательных результатов каждого обучающегося.

Пандемия COVID-19 выявила целый ряд проблем в области цифровой образовательной инфраструктуры вузов, которые создают серьезные сложности для реализации электронного обучения и в целом негативно влияют на конкурентоспособность российского образования.

В частности:

недостаточная обеспеченность студентов и научно-педагогических работников индивидуальными устройствами и доступом к сети Интернет;

недостаточная производительность каналов доступа к сети Интернет и неготовность сетевой инфраструктуры вузов к высоким нагрузкам;

нерешенность ряда вопросов в области информационной безопасности;

систематические проблемы с обеспечением информационной безопасности;

неготовность информационных систем управления вузами к возросшей размерности и сложности задач;

бедность и недостаточная развитость рынка системных продуктов и сервисов для управления обучением» [8, с. 68].

В рамках цифровой инфраструктуры важную роль играет поэтапный переход от управления на основе фрагментарной и разрозненной информации к управлению на основе *больших данных* (Big Data). Этот принципиально новый подход позволяет внести существенные коррективы в индивидуально образовательную траекторию обучающегося, выбрать наиболее эффективный способ обучения, а также оценить качество обучения в образовательной организации.

Роль педагога сохранится еще долгое время и никакая информационная система его не заменит. Однако сегодня очевидно, что в области обра-

зования без компьютерных систем не обойтись. Например, в поиске информации работают они лучше, чем педагог. Если традиционно преподавательская методика создаётся на основе персонального опыта, то на основе анализа обработки опыта своих коллег можно получить эффективную методику, которая может стать продуктом массового опыта. Большие данные также помогают персонализировать контент под потребности каждого обучающегося.

Таким образом, внедряя в образовательных процесс «большие данные педагог может создавать методики, адаптированные под большое количество студентов; персонализировать контент; подбирать режим обучения» [3]. Они напрямую работают на качество образования, ибо позволяют сделать обучение студентов более индивидуальным.

Управление кадровым потенциалом. Тотальное внедрение информационных технологий в учебный процесс неизбежно вызывало потребность у профессорско-преподавательского состава восполнять в экспресс-режиме дефицит цифровых компетенций. Многие вузы в режиме онлайн организовали подготовку и переподготовку преподавательского состава в целях качественного использования современных технологий, которые внедряются в учебный процесс.

Так, например, отзываясь на вызов времени, в Московском городском педагогическом университете в марте 2021 года было организовано обучения педагогов в рамках дополнительной профессиональной программы «Использование цифровых ресурсов Microsoft в привязке к Teams в учебном процессе», где каждый участник получил практические навыки ее применения по преподаваемым учебным дисциплинам.

Следует отметить, что со стороны преподавательского состава наблюдается еще пассивное отношение к цифровым инструментам при проведении занятий. Судя по темам опросам, которые опубликованы в научных статьях только «… около 42% преподавателей высших учебных заведений используют цифровые ресурсы для создания учебных материалов или модификации уже имеющихся» [9].

Центральным элементом модуля внутренней оценки качества образования, в том числе и его повышения, является совершенствование ***систем оценки***. Какая новизна наметилась в этой области? Если раньше управление качеством образования, например, в части изменения структуры программ, обновление содержания курсов, анализ и подбор технологий, было приоритетом преподавательского сообщества, то в настоящее время дополнительным субъектом такой оценки становится студент. Этот вывод дает основание утверждать, что в условиях коронавирусной обстановки процесс перехода студента от «потребительской» позиции к позиции активного участника образовательной траектории, в том числе и во вне учебной деятельности за рамками основной программы, будет более активным и продуктивным.

К острым вопросам в системе оценки качества образования относятся вопросы обратной связи (оценка преподавания студентами) и контроль процесса подготовки студента во время сдачи зачетов и экзаменов.

В университетах США, Европы оценка качества образования через оценку труда преподавателя не является чем-то неординарным. Это было

очевидно и доказано еще в начале XX столетия. Впервые анкетирование было применено в Гарвардском университете в 1920 году. С 1950 года оценка труда преподавателей студентами была повсеместно внедрена в практику американских вузов.

В вузах России этот подход получил распространение в начале XXI века. Связано это было с введением в вузах конкуренции по предоставлению обучения на возмездной основе и вхождением Российской Федерации в международное образовательное пространство.

Вместе с тем эта практика требует учета ряда психологических факторов. Доверяя студентам суждение о качестве прочитанного преподавателем курса (полезность, новизна, сложность и др.), следует отказаться от многих сложившихся стереотипов. Например, хватит ли студенческого опыта, чтобы его оценка не была предвзятой или основанной на эмоциях; не станут ли студенты ниже оценивать тех преподавателей, которые ведут более сложные, но совершено необходимые дисциплины; почему преподаватель оценивает студента гласно, а студент преподавателя – анонимно; насколько непредвзятым может быть мнение студента; не будет ли подобная практика подталкивать преподавателей к популизму, выставлению завышенных оценок и, наконец, не помешает ли это требовательности, к объективной оценке студенческих знаний?

Ясно, что в подобной форме задавать вопросы неэтично, да и бесполезно и не они в конечном итоге определяют качество образования. Вопрос не о том, нужны ли нам опросы студентов о качестве преподавания? Для преподавательского коллектива и их руководителей очень важно выявить неординарные подходы в методике чтения лекций, проведении практических и семинарских занятий и распространить такой опыт в рамках кафедр, факультета. Подавляющее число преподавателей заинтересовано в оценке студентами результатов своего кропотливого, сложно интеллектуального труда. Подобные результаты особенно интересны и полезны для начинающих преподавателей, аспирантов, проходящих научную практику на кафедре.

Сложность этого процесса заключается в корректности формулировок вопросов для студентов и грамотное использование их ответов. Известно, что система менеджмента качества требует, чтобы решения принимались на основе фактов, а не мнений. Естественно, мнение двух-трех студентов это не факт, но мнение десятков – это уже статистика и требуется корректировка занятий со стороны преподавателя. Представляется, что каждый преподаватель объективно заинтересован в получении обратной связи от студентов.

В настоящее время многие университеты России успешно реализуют модель студенческой оценки преподавания, где они максимально вовлечены в оценку качества образовательных результатов. Оцениваются как качество самого курса, так и работу конкретного педагога по достижению поставленных образовательных результатов.

В разгар пандемии коронавируса профессорско-преподавательский состав и студенты интуитивно, в процессе взаимодействия обучения формируют *новые правила коммуникации*, включающие в себя нормы поведения на лекциях, семинарах и во время сдачи зачетов и экзаменов. Эти правила охватывают нравственные основы, в частности, этику взаимоот-

ношений студентов и профессорско-преподавательского состава в процессе дистанционного образовательного процесса.

Как показывает двухлетняя практика работы вузов в условиях пандемии острых вопросов при дистанционной форме обучения становится больше, так как этический консенсус между студентами и преподавательским сообществом еще не сложился. Данная проблема требует своего разрешения.

К примеру, как проконтролировать подготовку студента при дистанционной сдаче экзамена? Имеет ли право преподаватель в таких случаях не давать студенту времени на подготовку, а заставить его сразу отвечать на поставленные в билете вопросы? Очевидно, что экзамен для студента, это психологический стресс. Даже выражение лица, положение глаз («глаза отводятся в сторону») приводит преподавателя к мысли о том, что используется «подсобный материал», который ему не виден в виду ограничения монитора. И понять преподавателя можно.

Есть ли его вина в том, что он по объективным причинам в данных условиях не может полностью контролировать весь процесс подготовки студентов к ответу и, соответственно, есть большая вероятность того, что объективно и справедливо оценить уровень знаний отвечающего в таких ситуациях весьма затруднительно.

В ряду этой проблемы стоят и такие вопросы как быть, если у студента во время экзамена пропал интернет, какие санкции грозят студенту, если он выложит фотографии или видео с занятий или экзамена в социальных сетях, если он во время образовательного процесса пьет чай, ест бутерброды?

Автор остановился лишь на нескольких проблемных вопросах при дистанционной форме обучения и их перечень можно продолжать. Чтобы урегулировать подобные проблемы в качестве предложения следует в каждом вузе разработать этический кодекс или его можно назвать кодекс профессионального поведения. Формирование правил, закрепленных в подобных актах, регламентирующих поведение преподавателей и студентов, несомненно, дадут положительные плоды, особенно в воспитании нравственных основ, предотвращении возможных конфликтов и повышении психологического климата в учебном заведении.

Исходя из изложенного следует вывод, что вузы России по-разному подходят к выработке требований по которым оценивается качество образования.

Двухлетний опыт работы вузов России в условиях пандемии показал устойчивую тенденцию вовлечения студентов в систему управления качеством образования за счет повышения возможностей выбора и конструирования ими своих траекторий, развития системы независимой студенческой оценки, расширения объема использования цифровых сервисов и контента для самостоятельной работы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29. 12. 2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // www.pravo.gov.ru.

2. Аналитический доклад. Высшее образование: уроки пандемии //URL: www.tsu.ru pdf (дата обращения 5.01.2022).

3. *Гвозденко Ю.В., Ищенко А.А., Пилипенко А.В.* Большие данные в системе образования // Международный студенческий научный вестник. – 2019. – № 5-1. URL: https://eduherald.ru/ru/article/view?id=1973 (дата обращения 6.01.2022)

4. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад / науч. ред. Е. А. Суханова, И. Д. Фрумин. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. – 46 с.

5. *Кочергин Е.А., Сафин Р.С.* Проектирование гибкого содержания образовательной программы в техническом вузе // Высшее образование в России. – 2017. – № 5 (212). – С. 79–87.

6. *Константинова Д.С., Кудаева М.М.* Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. – 2020. – Т. 7. – № 11. – С. 1055–1072.

7. *Куксин И.Н.* Проблемные аспекты, влияющие на качество современного профессионального юридического образования/ Ценности и смыслы. – 2014. – № 2 (30). – С. 74–77.

8. Реакция систем высшего образования и национальных правительств на вызовы пандемии: Доклад № 64/2020 / [С. Марджинсон; Е.О. Карпинская; К.А. Кузьмина; А.Н. Ларионова; И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2020. – 72 с.

9. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. – М., 2021. – 263 с.

Для цитирования: *Куксин И.Н.* Высшее образование и влияние пандемии на его качество: статья // Юридическая мысль. – 2022. – No. 1 (125). – С. 54–61.
DOI: 10.47905/ MATGIP.2022.125.1.005

Higher education and the impact of the pandemic on its quality

Ivan N. Kuksin *

Annotation. The problem of the quality of higher education has always been in the focus of attention of both Russian and foreign researchers. This issue has become especially acute in the context of the COVID-19 coronavirus infection. Research groups of universities have appeared which have taken the quality of the educational process under close attention in order to develop methodological recommendations for its timely adjustment. If 2020 was the year of emergency search, then in the second year of the pandemic (2021) it was clear that universities should switch to distance education, and some universities in the future to a mixed model of education. Given these circumstances, it was necessary to develop a toolkit with which to manage the quality of higher education. This article is devoted to the substantiation of those elements that should form the basis of management and internal assessment of the quality of educational results.

Key words: quality of higher education, “acute respiratory disease CoViD-19 – CoronaVirus Disease-19”, educational programs, development of digital services, infrastructure modernization, big data, human resource management, code of ethics.

* *Kuksin Ivan Nikolaevich,* Professor, Department of Theory and History of State and Law, Moscow City Pedagogical University, Doctor of Law, Professor. E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

30 January 2020, at the request of the Director-General of the World Health Organization, Dr. T. A. Ghebreyesus, an emergency meeting of the relevant WHO Committee was held in Geneva. In connection with the outbreak of coronavirus, officially called “acute respiratory disease CoViD-19 – CoronaVirus Disease-19”, it was decided to declare an emergency on an international scale.

In order to understand and appreciate the seriousness of this disease, many analysts, scientists, and experts compare its devastating consequences with the third world war. The number of victims and victims is estimated in tens of millions. A deep existential (lat. existentia – existence) crisis is not just a violation of the daily way of life of people, the rhythm of the life of state institutions. This is something more, because it causes a state of anxiety in people; a feeling of deep psychological discomfort pushes them to rethink the past. A “new” world has come, which is accompanied by deterioration in the financial situation of many families in the form of wage cuts, job cuts and sending workers on unpaid leave or dismissal. Moreover, according to many political scientists, economists, psychologists, the world will never be the same again.

The field of education has not bypassed the coronavirus. Its danger was intensified not only by its suddenness, but also by the fact that its destructive impact covered both schools and higher educational institutions. The first reaction of many educational institutions at this critical moment, when the virus was spreading exponentially, was to close, which led to the disruption of the educational process at an early stage of the pandemic. Thus, a study conducted by the International Association of Universities (IAU) at the beginning of April 2020 showed that 59% of universities were forced to close completely, 30% “partially continued to work”, the rest faced “serious failures” in the organization of educational process [2, p. 7], as they were forced to introduce strict restrictive measures to prevent the spread of the epidemic.

In an instant, the daily life of schoolchildren, students and teachers was disrupted: the abolition of attendance at classes, sports and entertainment events, the introduction of restrictions on walking, and so on. Such an abrupt transition created a stressful situation for all participants in the educational process, including the leadership of general education and higher educational institutions. The only way out of this situation was a massive transition to learning using distance learning technologies, which are educational technologies implemented mainly using information and telecommunication networks with indirect (at a distance) interaction between students and pedagogical workers [1, art.16 p.1]. That is why, in the conditions of total self-isolation in 2020, the form of distance education has become widespread, which is being improved at the present time.

Specially developed modern technologies such as Zoom, Teams, Skype and others that were developed earlier, but in the context of a pandemic, it was they who made it possible for both students and teachers not to interrupt the educational process and not be left without communication. Universities have been operating in this mode for more than two years. During the specified time, some experience in organizing the educational process has been accumulated, which allows us to give a preliminary assessment of the management and quality of educational results.

The analysis of the specialized literature, which was available to the author, led to the conclusion that there is no universal answer as to how the model of internal assessment and quality assurance of education in universities should look like. Studying the experience of individual leading universities in Europe and the USA on this issue, the author came to the conclusion that each higher education institution relies on its own developed models of education quality management.

For example, "The University of Maastricht in the Netherlands focuses on the content of educational programs: they regularly conduct their internal audit, check how the requirements for educational results are described. Students also participate in the discussion. In addition, the educational results achieved by students during the year are examined annually. At Yale University in the USA, the system for improving the quality of education is focused on collecting feedback from students and on their support" [2, p. 20–22].

As for the Russian experience, the question of the quality of education in universities sounds much louder today than it was before [4, p. 75–76]. And this is quite natural, since the traditional format of education has changed radically, which did not imply such a wide coverage of modern information technologies. Because of this, a number of difficult questions arose, since many of the existing models and practices of pre-docian work of universities could not be preserved in the previous format.

The teaching staff had to solve truly large-scale tasks that affected the management system, the system for assessing the quality of knowledge by students, didactics (regularities in the assimilation of knowledge, skills, and the formation of beliefs, determining the volume and structure of the content of education). There were no ready-made solutions for these problems, and each university (teacher) had to solve them, taking into account their own previous experience and managerial reflection (to evaluate the decisions and prospects).

The two-year practice of Russian universities in the context of the COVID-19 coronavirus infection has shown that each higher education institution chooses its own priority areas for changing the management system and ensuring the quality of education. The author proceeds from the postulate that the teaching staff is the main element of a higher educational institution and it is he who must form and ensure the functioning of the mechanism for improving the quality of educational results.

The analysis of scientific articles devoted to models of internal evaluation and quality assurance of education at a higher educational institution allows us to propose in a generalized form the following criteria (elements). Today, the demand from employers for university graduates is determined mainly by such indicators as: the level of knowledge, personal qualities (enthusiasm, high mobility, openness to new knowledge and ideas), as well as the reputation of the university, as a hallmark of the quality of its graduates.

Based on these factors, educational programs and their content should be the leading element in the model of internal assessment of the quality of education. Russian education has always been distinguished by its fundamental nature. Therefore, the updating of existing programs should be focused on a wide range of knowledge, on the basis of which professional and universal

competencies should be formed. In new non-standard conditions, the process of creating flexible educational programs has been outlined [5, p. 79–87], the implementation of which has a more positive effect on improving the quality of education, as evidenced by the experience of individual Moscow universities.

The second element included in the internal education quality assessment module is the intensive introduction and development of digital infrastructure and new teaching and assessment tools **(EdTech**). Within the framework of this element, the key areas are: development of digital services; modernization of infrastructure; Data management; human resource management.

Development of digital services. This direction covers the personalization of learning, which changes the traditional organization of the educational process due to its inefficiency, and provides each student with high results. Here the task of universities and teaching staff is to more actively implement new tools for teaching and assessing knowledge (EdTech).

Due to the COVID-19 pandemic in Russia, the relevance of digital services has grown significantly. For example, "only for the period 2020–2021. The online education market in Russia in 2020 grew by 30–35% compared to the pre-Covid period" [9, p. 19].

Infrastructure modernization is not only a basic element in terms of managing the quality of education, but also a priority area for the digital transformation of education, which is understood as updating the planned educational results, the content of education, methods and organizational forms of educational work, as well as evaluating the results achieved in a rapidly developing digital environment to radically improve the educational results of each student.

The COVID-19 pandemic has revealed a number of problems in the digital educational infrastructure of universities, which create serious difficulties for the implementation of e-learning and, in general, negatively affect the competitiveness of Russian education.

In particular:

insufficient provision of students and scientific and pedagogical workers with individual devices and access to the Internet;

insufficient performance of Internet access channels and the unavailability of the network infrastructure of universities for high loads;

unresolved number of issues in the field of information security;

systematic problems with ensuring information security;

the unpreparedness of information systems for managing universities to the increased dimension and complexity of tasks;

poverty and underdevelopment of the market for system products and services for learning management" [8, p. 68].

As part of the digital infrastructure, an important role is played by a phased transition from management based on fragmented and disparate information to management based on Big Data. This fundamentally new approach allows you to make significant adjustments to the individual educational trajectory of the student, choose the most effective way of learning, and also evaluate the quality of learning in an educational organization.

The role of the teacher will remain for a long time and no information system will replace it. However, today it is obvious that in the field of education

one cannot do without computer systems. For example, in the search for information they work better than a teacher. If the traditional teaching methodology is created on the basis of personal experience, then on the basis of the analysis of the processing of the experience of your colleagues, you can get an effective methodology that can become a product of mass experience. Big data also helps to personalize content to the needs of each learner.

Thus, by introducing "big data" into the educational process, a teacher can create methods adapted to a large number of students; personalize content; select the learning mode" [3]. They directly work on the quality of education, because they make it possible to make student learning more individual.

Personnel management. The total introduction of information technologies into the educational process inevitably caused the need for the teaching staff to fill in the express mode the lack of digital competencies. Many universities organized online training and retraining of teaching staff in order to qualitatively use modern technologies that are being introduced into the educational process.

So, for example, responding to the challenge of the times, in March 2021, Moscow City Pedagogical University organized training for teachers as part of an additional professional program "Using Microsoft digital resources in conjunction with Teams in the educational process", where each participant received practical skills its application in the taught academic disciplines.

It should be noted that on the part of the teaching staff there is still a passive attitude towards digital tools during classes. Judging by the topics of surveys that are published in scientific articles, only "... about 42% of teachers of higher educational institutions use digital resources to create educational materials or modify existing ones" [9].

The central element of the module of internal assessment of the quality of education, including its improvement, is the improvement of assessment systems. What is new in this area? If earlier education quality management, for example, in terms of changing the structure of programs, updating the content of courses, analyzing and selecting technologies, was a priority for the teaching community, now the student is becoming an additional subject of such assessment. This conclusion gives grounds to assert that in the context of the coronavirus situation, the process of a student's transition from a "consumer" position to the position of an active participant in the educational trajectory, including in extracurricular activities outside the main program, will be more active and productive.

The critical issues in the system of assessing the quality of education include feedback issues (evaluation of teaching by students) and control of the student's preparation process during the passing of tests and exams.

In the universities of the USA and Europe, the assessment of the quality of education through the assessment of the teacher's work is not something extraordinary. This was obvious and proven as early as the beginning of the 20th century. The survey was first used at Harvard University in 1920. Since 1950, the evaluation of the work of teachers by students has been widely introduced into the practice of American universities.

In Russian universities, this approach became widespread at the beginning of the 21st century. This was due to the introduction of competition in

universities for the provision of education on a reimbursable basis and the entry of the Russian Federation into the international educational space.

However, this practice requires taking into account a number of psychological factors. Trusting students to judge the quality of the course read by the teacher (usefulness, novelty, complexity, etc.), many stereotypes should be abandoned. For example, is the student's experience enough to ensure that his assessment is not biased or based on emotions; whether students will give lower marks to those teachers who teach more complex, but absolutely necessary disciplines; why the teacher evaluates the student publicly, and the teacher's student anonymously; how unbiased a student's opinion can be; Won't such a practice encourage teachers to populism, give inflated marks, and, finally, won't this interfere with exactingness, to an objective assessment of student knowledge?

It is clear that it is unethical to ask questions in this form, and it is useless, and they do not ultimately determine the quality of education. The question is not whether we need student surveys about the quality of teaching? It is very important for the teaching staff and their leaders to identify extraordinary approaches in the method of lecturing, conducting practical and seminar classes and to disseminate such experience within the departments and faculty. The vast majority of teachers are interested in the assessment by students of the results of their painstaking, complex intellectual work. Such results are especially interesting and useful for novice teachers, graduate students undergoing scientific practice at the department.

The complexity of this process lies in the correct wording of questions for students and the competent use of their answers. It is known that the quality management system requires that decisions be made on the basis of facts, not opinions. Naturally, the opinion of two or three students is not a fact, but the opinion of dozens is already statistics and the teacher needs to correct the lessons. It seems that every teacher is objectively interested in receiving feedback from students.

Currently, many Russian universities are successfully implementing the model of student assessment of teaching, where they are maximally involved in assessing the quality of educational results. Both the quality of the course itself and the work of a particular teacher to achieve the set educational results are evaluated.

In the midst of the coronavirus pandemic, faculty and students intuitively, in the process of learning interaction, form new communication rules that include norms of behavior at lectures, seminars, and during tests and exams. These rules cover the moral foundations, in particular, the ethics of the relationship between students and faculty in the process of distance learning.

As the two-year practice of the work of universities in a pandemic shows, there are more acute issues in distance learning, since an ethical consensus between students and the teaching community has not yet been formed. This problem requires its resolution.

For example, how to control the preparation of a student when taking an exam remotely? Does the teacher have the right in such cases not to give the student time to prepare, but to force him to immediately answer the questions posed in the ticket? Obviously, an exam for a student is a psychological stress.

Even the expression on the face, the position of the eyes ("eyes are turned to the side") leads the teacher to the idea that "auxiliary material" is being used, which is not visible to him due to the limitations of the monitor. And you can understand the teacher.

Is it his fault that, for objective reasons, under these conditions, he cannot fully control the entire process of preparing students for an answer and, accordingly, there is a high probability that it is very difficult to objectively and fairly assess the level of knowledge of the respondent in such situations.

Among this problem are such questions as what to do if the student lost the Internet during the exam, what sanctions threaten the student if he posts photos or videos from classes or exams on social networks, if he drinks during the educational process tea, eating sandwiches?

The author dwelled on only a few problematic issues in distance learning, and the list can be continued. To resolve such problems, as a proposal, each university should develop a code of ethics, or it can be called a code of professional conduct. The formation of the rules enshrined in such acts regulating the behavior of teachers and students will undoubtedly give positive results, especially in educating moral foundations, preventing possible conflicts and improving the psychological climate in an educational institution.

Based on the foregoing, it follows that Russian universities have different approaches to developing requirements for assessing the quality of education.

The two-year experience of the work of Russian universities in a pandemic has shown a steady trend of involving students in the education quality management system by increasing the opportunities for them to choose and design their own trajectories, developing an independent student assessment system, and expanding the use of digital services and content for self-study work.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ (as amended on July 31, 2020) "On Education in the Russian Federation" //www.consultant.ru.

2. Analytical report. Higher education: lessons from the pandemic // URL: www.tsu.ru pdf (Accessed 01/05/2022).

3. Gvozdenko Yu.V., Ishchenko A.A., Pilipenko A.V. Big data in the education system // International Student Scientific Bulletin. 2019. No. 5-1 // URL: https:// eduherald.ru/ru/article/view?id=1973 (accessed 01/06/2022)

4. The quality of education in Russian universities: what we understood during the pandemic: Analytical report / scientific. ed. E. A. Sukhanova, I. D. Frumin. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2021. 46 p.

5. Kochergin E.A., Safin R.S. Designing the flexible content of an educational program in a technical university // Higher education in Russia. 2017. No. 5 (212). Pp. 79–87.

6. Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. Digital competencies as a basis for the transformation of vocational education // Labor Economics. 2020. T 7. No. 11. P. 1055–1072.

7. Kuksin I.N. Problematic aspects affecting the quality of modern professional legal education / Values and meanings. 2014. No. 2 (30). Pp. 74–77.

8. The response of higher education systems and national governments to the challenges of the pandemic: Report No. 64/2020 / [C. Marginson; E.O. Karpinskaya; K.A. Kuzmin; A.N. Larionov; I.A. Bocharov]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC, 2020. 72 p.

9. Strategy for digital transformation of science and higher education. Moscow, 2021. 263 p.

For citation: Kuksin I.N. Higher education and the impact of the pandemic on its quality: an article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 61–68.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.005

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.006

Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование

Д.В. Масленников*
Б.А. Ревнов**

Аннотация. В статье анализируется понятие основной нормы, предложенное Г. Кельзеном в рамках учения о чистом праве. Рассматривается её категориальный статус, правовая природа, основные функции и характеристики, связь с действующими правовыми системами. Понятие основной нормы позволяет инкорпорировать неокантианские установки в нормативную теорию права, не разрушая при этом позитивистских оснований всей концептуальной конструкции. В результате открывается возможность апелляции к моральным нормам, ценностям и идеалам в праве.

Ключевые слова: Г. Кельзен, кантианство, нормативизм, основная норма, конституция, нормативные системы.

Учение об основной норме составляет краеугольный камень теории нормативизма крупнейшего европейского правоведа XX века Г. Кельзена, взгляды которого до настоящего времени остаются наиболее авторитетными в правовой мысли Запада. Поэтому любые теоретические и гносеологические вопросы, связанные с данным концептом, определяющим центральное звено правовой теории – учение о системе норм права как абстрактных моделях поведения людей, всегда представляют особый интерес [1, с. 168].

Согласно Г. Кельзену, любое применение права по сути своей является эмпирическим актом, совершение которого напрямую обусловлено рамками, установленными правовой нормой для конкретного правоприменителя. В свою очередь правовая норма, устанавливающая эти рамки, также проистекает из другой, более общей нормы, первичной, по отношению к исследуемой, обладающей большей юридической силой, «более высокой» нормой. Применение права заключается в процессе индивидуализации общей нормы. Оно заключается в констатации названных в общей норме условий для «правового акта» и в совершении этого правового акта [6, с. 82–83].

* *Масленников Дмитрий Владимирович,* проректор по научной работе ЧОУ ВО «Русская христианская гуманитарная академия», доктор философских наук, профессор. E-mail: d.maslennikov@rhga.ru

** *Ревнов Борис Александрович,* доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: Akziz07@yandex.ru

Правовым актом, по Г. Кельзену, может называться только такой акт, который, с одной стороны, представляет собой применение более высокой нормы и, с другой стороны, имеет следствием возникновение более индивидуальной нормы. В рамках такого рода ступенчатой структуры особый статус принимают её «крайние» элементы: применение индивидуальной нормы судебного решения (как «последняя», крайняя ступень) состоит только из фактического исполнения индивидуализированного принудительного акта [6, с. 83], оно более не имеет характера установления нормы, основная норма (как «первая» ступень) только «устанавливается» или «считается условием» для возникновения норм, что не является одновременно применением нормы.

При этом возникает логичный вопрос: если основная норма является некой первоосновой для возникновения норм, имеет ли она позитивное выражение? Какого её значение для правопорядка и нормативной системы?

Через всю эволюцию развития нормативизма Г. Кельзена красной нитью проходит выделение двух категорий реальности: бытия и долженствования. Образуя витиеватые переплетения, и постоянно развиваясь одновременно с теорией нормативизма, общие начала и принципы этих категорий не изменяются: всё, относящееся к сфере права, относится к категории долженствования, всё, относящееся к остальным сферам (естественным законам) – к сфере бытия.

По сути, приравнивая таким образом между собой законы права и законы физики по их онтологическому статусу, Г. Кельзен подспудно признаёт объективное существование первых наравне со вторыми: действенность нормы объективна и ничуть не менее обязательна чем закон всемирного тяготения. Принятые нормы действуют наравне с законами физики и с той же степенью неизбежности причинно-следственных связей.

«Объективность» означает не только категориальное насыщение решения (суждения), корректность его формы, но одновременно и то обстоятельство, что решение «действует» независимо от любого произвольного, субъективного определения содержания и является общепринятым.

Вообще отношения понятий «должен», «действенность» и «объективность» в описании Г. Кельзена чрезвычайно сложны. В период расцвета трансцендентальной фазы развития своей теории он склонялся к тому, чтобы рассматривать их эквивалентами друг друга. Долженствование нормативного решения есть его действенность, отсюда действенность решения, в свою очередь, есть ничто иное, как его объективность, его специфическое существование. На первый взгляд может показаться, будто эта игра слов основывается только на упомянутом предположении Г. Кельзена о том, что объективность решения дана уже в осуществлении категориального синтеза. Как только посредством категории долженствования синтезируется нормативное решение (суждение), оно действует, т.е. объективно.

Однако в свете этого возникает другая проблема: если основная норма не является применением нормы, каков её статус в рамках категории долженствования?

Хотя функции основной нормы (обоснование действенности, единства, идентичности) Г. Кельзеном четко названы, их статус все же остается

двойственным. Она меняется между «нормой» и так называемым «условием познания». Это объясняется амбивалентной точкой зрения Г. Кельзена на процесс выведения нормы, которая рассматривается то, как чистый процесс познания, в котором каждая более высокая норма по отношению к более низкой играет роль нормативной схемы познания то, как процесс правопроизводства, в котором более высокая норма уполномочивает орган, а тот в свою очередь устанавливает более низкую норму. Кроме того это объясняется своеобразным положением основной нормы в системе права: с одной стороны, основная норма сама как член цепочки выведения является нормой, с другой стороны, она представляет собой «точку укрепления» этой цепочки, т.е. невыводимую далее предпосылку нормативной системы.

Если вслед за Г. Кельзеном рассматривать основную норму именно в качестве нормы, в соответствии с ее сущностью, то получается следующее: основная норма стоит в начале системы нормовыведения, а поскольку нормы должны выводиться из норм, то и основная норма должна быть нормой [5, с. 25]. Как высшая правовая норма, как «основное правовое положение», она демонстрирует типичную структуру правового положения. Она имеет конкретное нормативное выражение, которое может быть сформулировано следующим образом: «Принуждение должно быть установлено таким образом, как это определено тем, кто подготовил конституцию (авторы конституции), или теми инстанциями, кому он это делегировал» [6, с. 65]. Она работает в правовой системе с самостоятельной нормативной функцией, устанавливая в качестве высшей нормы уполномочивания высшие государственные органы [5, с. 97]. Описание Г. Кельзена иногда даже создает впечатление, будто авторы конституции осознанным применением основной нормы устанавливают право [3, с. 249].

Однако в других объяснениях Г. Кельзена основная норма теряет свой понятный образ нормы. Она не является правовой нормой, потому что она не «позитивна». Никто не был «уполномочен» для ее установления и вообще она не была «установлена», более того, она мысленно была предпослана тем, кто понимает право нормативно, при том, что не играет роли, осознанно или не осознанно возникает эта предпосылка [6, с. 66]. Она является не объектом, а условием нормативного правового познания. Если использовать терминологию И.Канта, основная норма может быть понята как «трансцендентальное условие» правового познания [6, с. 67] – с оговоркой, что ее принятие лишь тогда является необходимым, *когда* право рассматривается нормативно [6, с. 66].

Далее, она существует не «сама по себе», а всегда во взаимосвязи с ее субстратом (основой), который Г. Кельзен толкует по-разному: как волеизъявление или как субъективные содержания долженствования. При этом она *a priori* бессодержательна. Наконец, она не определяет, что должно считаться высшей нормой правовой системы, а ориентируется в своей формулировке на эту норму, субъективную претензию которой на долженствование она лишь делает объективной, т.е. обуславливает ее существование как нормы. В этом статусе она выполняет свои функции не столько в сфере объекта, как подлежащая познанию исходная точка позитивной правовой системы, сколько как схема толкования для заданного материа-

ла, как условие познания. Тем самым ее статус намного неопределеннее, чем если понимать ее как норму. Г. Кельзен, соответственно, склонен к тому, чтобы перегружать основную норму в ее качестве «трансцендентального» условия, локализуя в ней все предпосылки правового познания, как, например, принципы, которые управляют правовой конструкцией, а также постулат о том, что только эффективный правопорядок может рассматриваться как действенный.

Г. Кельзен процесс выведения, сути и места основной нормы отражает в обозначениях, использованных в больших количествах для характеристики основной нормы. Понятия «основной нормы» и «исходной нормы» [5, с. 33] указывают на их место в цепочке выведения. Как «высшая причина действенности» она встречается в версии выведения нормы как познавательного процесса. А обозначение как «высшее правило производства» [5, с. 97], напротив, указывает на версию выведения как на процесс правопроизводства. Как «гипотетическое основное правовое положение» или «исходное правовое положение» [5, с. 25] она является составляющей правопорядка. Как «необходимое (вспомогательное) средство для осмысления» или как «необходимая мысленная гипотеза каждой правовой системы» [5, с. 33] она стоит, напротив, за пределами правопорядка. Понятие «конституции в логико-правовом смысле» [3, с. 26, 33] указывает одновременно на ее место в цепочке выведения нормы, а – противопоставленная «конституции в позитивно-правовом смысле» – на ее сущность вне права. Как «юридическая гипотеза» [5, с. 93], «основополагающая предпосылка права» [5, с. 96], «относительное *a priori* системы» [6, с. 67] и «трансцендентально-логическое условие» она, скорее, предстает в качестве ограничивающего условия познания права [2, с. 90–93].

Г. Кельзену не понадобилось бы вводить произвольное ограничение ряда норм посредством чисто субъективного постулирования основной нормы, если бы он не настаивал на том, что этот ряд должна замыкать непременно норма. В таком случае можно было бы сделать отсылку к трансцендентному содержанию правовой материи, которая диалектически содержала бы в себе дискурсивность нормы и континуальность естественного закона. Или же к высшему абсолютному основанию права и нравственности, при условии спекулятивного понимания которого можно было бы надеяться на дедукцию из него как нормативной формы для права, так и формы созерцания для справедливости.

Вообще, следовало иметь в виду то положение, что высшее основание всегда находится за пределами обоснованного и имеет иную природу, а переход от основания к ряду обоснованного всегда предстает как своего рода диалектический скачок. Но, разумеется, если ученый хочет оставаться в пределах позитивизма, то он не может позволить себе такой методологический подход. В итоге основная норма трактуется как элемент системы позитивного права, но будучи чисто субъективным полаганием, она лишь создает иллюзию обоснования норм права и их «действительности».

Включая основную норму в систему позитивного права, Г. Кельзен все же не считает ее позитивной нормой. Он рассуждает следующим образом. Так как основная норма также не может быть «волевым актом челове-

ческого или сверхчеловеческого авторитета», то она может возникнуть только из «акта мышления» [7, с. 206]. Основная норма – это «задуманная норма», норма, «лишь предполагаемая в юридическом мышлении». Свойство основной нормы как «трансцендентально-логического условия нормативной трактовки» – это причина того, что она обладает только «познавательно-теоретической», но не «этико-политической» функцией [7, с. 225]. Сама она остаётся «необоснованной и недоступной обоснованиям в пределах сферы позитивного права» и вследствие того, что она является «предполагаемой нормой», не относится к позитивному праву, а представляет собой «норму совершенно другого склада», с «естественно-правовой основой» [7, с. 252].

Здесь Г. Кельзен правильно указывает на сверхпозитивную природу высшего основания права, однако, связывая его с нормативной формой позитивного права, они и не может выйти за пределы последнего. Ведь лишь с признанием нормативной природы высшего основания самого ряда юридических норм «юридическое рассуждение» остаётся «чистым» в том смысле, который этому понятию приписывает нормативизм. Т.е. не выходит за пределы собственной правовой материи. Эта высшая норма, собственно, и является «основной нормой», необходимой «правовой гипотезой» [4, с. 129] в качестве причины существования системы юридических норм. Однако своего позитивного содержания, имеющего диалектическую природу, она в теории Г. Кельзен вовсе не раскрывает.

Поэтому в учении Г. Кельзена об основной норме мы находим чисто кантианский подход, когда цепь обоснований (в данном случае обоснований системы правовых норм) замыкается на базисное положение, которое субъективно постулируется как должное. Отсюда, кстати, следует и требование Г. Кельзеном самоочевидности основной нормы. Это, также, чисто кантианский и посткантианский результат, когда невозможность данности высшего основания в опыте и одновременно признание лишь за опытом возможности быть формой познания, на чем настаивал И. Кант, приводила у И. Фихте к требованию самоочевидности этого высшего основания.

Г. Кельзен вполне последователен, когда утверждает, что основная норма возможна лишь тогда, «когда её содержание считается непосредственно очевидным» [7, с. 198]. Это означает, что основная норма задана «в рассудке и вместе с рассудком». «Непосредственно очевидная норма предполагает понятие практического рассудка, который превосходит рассудок, устанавливающий нормы» [7, с. 198]. Но так как функцией рассудка является только «познание, но не воля», а нормирование, напротив, представляет собой волевой акт, то понятие практического рассудка становится таким же неустойчивым, как и понятие «непосредственно очевидной нормы» [4, с. 199].

Существенно, что в теории Г. Кельзена основная норма является не просто основанием ряда норм, но их своего рода порождающей моделью, т.е. ее понятие несет в себе как общетеоретическое, таки методологическое содержание. Основная норма даёт «полномочия» устанавливать нормы и определяет, как должны продуцироваться нормы правового порядка, который на ней основывается [4, с. 99]. Любая частная норма только тогда относится к единому нормативному порядку, если она была создана так, как предусматривает основная норма.

Центральную роль здесь, в полном соответствии с принципами неокантианства, играет субъективно постулируемый способ создания, то есть форма. Каким содержанием обладает норма позитивного права, вообще не интересует Г. Кельзена. Если основная норма – не более чем правило создания, то норма получает своё содержание благодаря акту уполномоченного авторитета, который устанавливает «позитивные нормы этой системы». Этот акт уполномоченного авторитета, безусловно, представляет собой нормативистский аналог кантовского абсолютного единства самосознания.

Предложенная Г. Кельзеном модель основной нормы, не должна, по его мысли, трактоваться ни как продукт «свободного изобретения», ни как результат произвола ввиду возможности выбора между несколькими, «различными между собой основными нормами». Если речь идёт о действительности какой-то определённой конституции, то можно предполагать только одну единственную основную норму. Через предполагаемую основную норму «субъективный смысл конституционного акта» получает также объективный статус. Поэтому, с отсылкой на И. Канта и на его теорию познания, Г. Кельзен называет описанную свою основную норму «трансцендентально-логическим условием толкования субъекта как правового объекта [7, с. 204].

В конечном итоге Г. Кельзен приходит к вполне последовательной позитивистской системе права, которое трактуется как функция государственной власти, а ее неокантианское обоснование оказывается не более чем чисто внешним добавлением этой системы.

И все же, несмотря на амбивалентную природу и различные возможности в трактовке основной нормы в теории нормативизма Г.Кельзена, её значение для интерпретации сущности правопорядка и для нормативной системы сложно переоценить. Можно спорить о её конкретном выражении, статусе, характеристиках, но неизменным остаётся аксиоматическое признание её объективности и перманентной действенности как при разработке и дальнейшем внесении поправок в конституцию или при принятии решений органом конституционного контроля, так и при создании крайней, индивидуальной нормы конкретным правоприменителем, разрешающим частный единичный спор.

Она является основным, базовым принципом, делающим правовую (нормативную) систему целостной, логичной, единой. Её действенность – тот показатель, который сохраняет единство правовой системы даже при изменении конституции. Её объективность может рассматриваться как основание и как предпосылка, пусть и не всегда осознанная, создания специального органа конституционного контроля. Полагаем, что именно отсутствие позитивного выражения основной нормы, вытекающее из ее всеобщего характера, придаёт ей статус высшей, надконституционной правовой надстройки, из которой появляются уже взращенные людьми переплетения правовых систем.

Библиографический список

1. *Фролова Е.А.* Рациональные основания права: классика и современность. – М.: Проспект, 2020.

2. Heidemann C. Die Norm als Tatsache: Zur normentheorie Hans Kelsen/ Aulf. Baden-Baden: Nomos Verl. – Ges. 1997.
3. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre, Berlin: Springer, 1925.
4. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Wien: Österreichische Staatsdruckerei, 1993.
5. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts, Tübingen: Mohr. 1920.
6. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig und Vienna, Deuticke, 1934.
7. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. 2 vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Wien: Franz Deuticke, 1960.

Для цитирования: *Масленников Д.В., Ревнов Б.А.* Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование: статья // Юридическая мысль. – 2022. – No. 1 (125). – P. 69–75.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.006

The basic norm of G. Kelsen and its natural-legal justification

Dmitry V. Maslennikov *
Boris A. Revnov **

Annotation. The article analyzes the concept of the basic norm proposed by G. Kelsen within the framework of the doctrine of pure law. Its categorical status, legal nature, main functions and characteristics, connection with the current legal systems are considered. The concept of the basic norm makes it possible to incorporate neo-Kantian attitudes into the normative theory of law without destroying the positivist foundations of the entire conceptual structure. As a result, the possibility of appealing to moral norms, values and ideals in law opens up.
Key words: G. Kelsen, Kantianism, normativism, basic norm, constitution, normative systems.

The doctrine of the basic norm is the cornerstone of the theory of normativism by the largest European jurist of the twentieth century, G. Kelsen, whose views remain the most authoritative in the legal thought of the West to this day. Therefore, any theoretical and epistemological issues related to this concept, which determines the central link of legal theory – the doctrine of the system of legal norms as abstract models of people's behavior, are always of particular interest [1, p. 168].

According to G. Kelsen, any application of law is essentially an empirical act, the commission of which is directly conditioned by the framework established by the legal norm for a particular law enforcer. In turn, the legal norm that establishes this framework also stems from another, more general norm,

* *Maslennikov Dmitry Vladimirovich,* Vice-Rector for Research, PEI HE "Russian Christian Academy for the Humanities", Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: d.maslennikov@rhga.ru
** *Revnov Boris Alexandrovich,* Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: Akziz07@yandex.ru

primary, in relation to the investigated, having greater legal force, a “higher” norm. The application of law consists in the process of individualization of the general norm. It consists in ascertaining the conditions for the “legal act” named in the general norm and in the commission of this legal act [6, p. 82–83].

According to G. Kelsen, only such an act can be called a legal act, which, on the one hand, is the application of a higher norm and, on the other hand, results in the emergence of a more individual norm. Within the framework of this kind of stepped structure, its “extreme” elements take on a special status: the application of an individual norm of a court decision (as the “last”, extreme step) consists only of the actual execution of an individualized coercive act [6, p. 83], it no longer has the character of establishing a norm, the main norm (as the “first” step) is only “established” or “considered a condition” for the emergence of norms, which is not at the same time the application of the norm.

This raises a logical question: if the basic norm is a kind of fundamental basis for the emergence of norms, does it have a positive expression? What is its significance for the rule of law, the regulatory system?

Through the entire evolution of the development of G. Kelsen's normativism, the allocation of two categories of reality runs like a red thread: being and should-stvovanie. Forming ornate weaves, and constantly developing simultaneously with the theory of normativism, the general principles and principles of these categories do not change: everything related to the field of law belongs to the category of obligation, everything related to other areas (natural laws) – to the realm of life.

In fact, equating the laws of law and the laws of physics in this way according to their ontological status, G. Kelsen implicitly recognizes the objective existence of the former along with the latter: the effectiveness of the norm is objective and no less obligatory than the law of universal gravitation. The accepted norms operate on a par with the laws of physics and with the same degree of inevitability of cause-and-effect relationships.

“Objectivity” means not only the categorical saturation of the decision (judgment), the correctness of its form, but at the same time the fact that the decision “acts” regardless of any arbitrary, subjective definition of the content and is generally accepted.

In general, the relationship between the concepts “should”, “effectiveness” and “objectivity” in the description of G. Kelsen is extremely complex. During the heyday of the transcendental phase of the development of his theory, he tended to regard them as equivalents to each other. The duty of a normative decision is its effectiveness; hence the effectiveness of the decision, in turn, is nothing but its objectivity, its specific existence. At first glance, it may seem that this play on words is based only on the above-mentioned assumption of G. Kelsen that the objectivity of the decision is already given in the implementation of the categorical synthesis. As soon as a normative decision (judgment) is synthesized by means of the category of obligation, it acts, i.e. objectively.

However, in light of this, another problem arises: if the basic norm is not the application of the norm, what is its status within the category of obligation?

Although the functions of the basic norm (justification of effectiveness, unity, identity) are clearly named by G. Kelsen, their status still remains ambi-

valent. It changes between the “norm” and the so-called “condition of knowledge”. This is explained by G. Kelsen's ambivalent point of view on the process of deriving a norm, which is considered as a pure process of cognition, in which each higher norm in relation to a lower one plays the role of a normative scheme of cognition, then as a process of legal production, in which a higher norm empowers authority, which in turn sets a lower rate. In addition, this is explained by the peculiar position of the main norm in the system of law: on the one hand, the main norm itself, as a member of the chain of derivation, is a norm; on the other hand, it is a “strengthening point” of this chain, i.e. the non-derivable premise of the normative system.

If, following G. Kelsen, we consider the basic norm precisely as a norm, in accordance with its essence, then we get the following: the basic norm is at the beginning of the system of norm derivation, and since norms must be derived from norms, then the basic norm must be a norm [5, with. 25]. As the highest legal norm, as a “basic legal provision”, it demonstrates the typical structure of a legal provision. It has a specific normative expression, which can be formulated as follows: “Coercion must be established in such a way as determined by the one who prepared the constitution (the authors of the constitution), or those instances to whom he delegated it” [6, p. 65]. It works in the legal system with an independent normative function, establishing the highest state bodies as the highest norm of authorization [5, p. 97]. G. Kelsen's description sometimes even creates the impression that the authors of the constitution establish the law by the conscious application of the basic norm [3, p. 249].

However, in other explanations of G. Kelsen, the basic norm loses its intelligible image of the norm. It is not a legal norm because it is not “positive”. No one was “authorized” to establish it, and in general it was not “established”, moreover, it was mentally presupposed by those who understand law normatively, despite the fact that this premise does not play a role, whether consciously or unconsciously this premise arises [6, with. 66]. It is not an object, but a condition of normative legal knowledge. Using the terminology of I. Kant, the basic norm can be understood as a “transcendental condition” of legal knowledge [6, p. 67] – with the proviso that its adoption is only necessary when the law is considered normatively [6, p. 66].

Further, it does not exist “on its own”, but always in interconnection with its substrate (basis), which G. Kelsen interprets in different ways: as an expression of will or as subjective content of obligation. At the same time, it is a priori meaningless. Finally, it does not determine what should be considered the highest norm of the legal system, but is guided in its formulation by this norm, the subjective claim of which it must be objective, i.e. determines its existence as a norm. In this status, it performs its functions not so much in the sphere of the object, as the starting point of a positive legal system subject to cognition, but as a scheme of interpretation for a given material, as a condition for cognition. Thus, its status is much more uncertain than if it is understood as a norm. G. Kelsen, accordingly, is inclined to overload the basic norm in its capacity as a “transcendental” condition, localizing in it all the premises of legal knowledge, such as, for example, the principles that govern the legal construction, as well as the postulate that only effective the rule of law can be regarded as effective.

G. Kelsen reflects the process of derivation, the essence and place of the basic norm in the designations used in large quantities to characterize the basic norm. The concepts of “basic norm” and “initial norm” [5, p. 33] indicate their place in the breeding chain. As the "highest cause of effectiveness" it is found in the version of the derivation of the norm as a cognitive process. And the designation as “the highest rule of production” [5, p. 97], on the contrary, points to the version of derivation as a process of legal proceedings. As a “hypothetical basic legal provision” or “initial legal provision” [5, p. 25] it is a component of the rule of law. As “a necessary (auxiliary) means for understanding” or as “a necessary mental hypothesis of every legal system” [5, p. 33] it stands, on the contrary, outside the rule of law. The concept of “constitution in the logical and legal sense” [3, p. 26, 33] points at the same time to its place in the chain of derivation of the norm, and – opposed to the "constitution in the positive legal sense" – to its essence outside the law. As a “legal hypothesis” [5, p. 93], “the fundamental premise of law” [5, p. 96], “relative a priori of the system” [6, p. 67] and “transcendental-logical condition”, it rather appears as a limiting condition for the knowledge of law [2, p. 90–93].

G. Kelsen would not have needed to introduce an arbitrary limitation of a number of norms by means of a purely subjective postulation of the basic norm, if he had not insisted that this series must necessarily be closed by a norm. In this case, one could make a reference to the transcendent content of legal matter, which would dialectically contain the discursiveness of the norm and the continuity of the natural law. Or to the highest absolute foundation of law and morality, under the condition of a speculative understanding of which one could hope to deduce from it both a normative form for law and a form of contemplation for justice.

In general, one should keep in mind the position that the highest foundation is always outside the justified and has a different nature, and the transition from the foundation to the justified series always appears as a kind of dialectical leap. But, of course, if a scientist wants to remain within the limits of positivism, then he cannot afford such a methodological approach. As a result, the main norm is interpreted as an element of the system of positive law, but being a purely subjective assumption, it only creates the illusion of substantiating the norms of law and their “validity”.

Including the basic norm in the system of positive law, G. Kelsen still does not consider it a positive norm. He argues as follows. Since the basic norm also cannot be “a volitional act of human or superhuman authority,” it can only arise from an “act of thinking” [7, p. 206]. The basic norm is a “conceived norm”, a norm “only assumed in legal thinking”. The property of the main norm as a “transcendental-logical condition of normative interpretation” is the reason that it has only a “cognitive-theoretical”, but not an “ethico-political” function [7, p. 225]. It itself remains “unfounded and inaccessible to justification within the sphere of positive law” and, due to the fact that it is a “supposed norm”, does not belong to positive law, but is a “rule of a completely different warehouse”, with a “natural legal basis” [7, p. 252].

Here G. Kelsen correctly points to the super-positive nature of the highest foundation of law, however, linking it with the normative form of positive law;

they cannot go beyond the latter. Indeed, only with the recognition of the normative nature of the highest foundation of the very series of legal norms, “legal reasoning” remains “pure” in the sense that normativism ascribes to this concept. That does not go beyond its own legal matter. This highest norm, in fact, is the “basic norm”, the necessary “legal hypothesis” [4, p. 129] as the reason for the existence of a system of legal norms. However, G. Kelsen does not reveal its positive content, which has a dialectical nature, in G. Kelsen's theory.

Therefore, in G. Kelsen's doctrine of the basic norm, we find a purely Kantian approach, when the chain of justifications (in this case, the justifications of the system of legal norms) closes on a basic position, which is subjectively postulated for granted. From this, by the way, follows G. Kelsen's demand that the basic norm be self-evident. This is also a purely Kantian and post-Kantian result, when the impossibility of a higher ground being given in experience and at the same time the recognition of the possibility of being a form of cognition only behind experience, as I. Kant insisted, led I. Fichte to demand the self-evidence of this higher ground.

G. Kelsen is quite consistent when he claims that the basic norm is possible only when “when its content is considered immediately obvious” [7, p. 198]. This means that the basic norm is set "in the mind and together with the mind. “The immediately obvious norm presupposes the concept of practical reason, which surpasses the reason that establishes the norms” [7, p. 198]. But since the function of reason is only “knowledge, but not will”, and regulation, on the contrary, is an act of will, the concept of practical reason becomes as unstable as the concept of “immediately obvious norm” [4, p. 199].

It is significant that in G. Kelsen's theory the basic norm is not just the basis of a number of norms, but their kind of generating model, i.e. its concept carries both general theoretical and methodological content. The basic norm gives “authority” to establish norms and determines how the norms of the legal order, which is based on it, should be produced [4, p. 99]. Any private norm only then refers to a single normative order if it was created in the way that the main norm provides.

The central role here, in full accordance with the principles of neo-Kantianism, is played by the subjectively postulated mode of creation, that is, the form. What content the norm of positive law has, in general, does not interest G. Kelsen. If the basic norm is nothing more than a rule of creation, then the norm receives its content through an act of authorized authority, which establishes the “positive norms of this system”. This act of authorized authority is, of course, the normative analogue of Kant's absolute unity of self-consciousness.

The model of the basic norm proposed by G. Kelsen should not, in his opinion, be interpreted either as a product of “free invention” or as a result of arbitrariness in view of the possibility of choosing between several “different fundamental norms”. If we are talking about the validity of a particular constitution, then we can assume only one single basic norm. Through the proposed basic norm, the “subjective meaning of a constitutional act” also receives an objective status. Therefore, with a reference to I. Kant and his theory of knowledge, G. Kelsen calls the described basic norm “a transcendental-logical condition for interpreting the subject as a legal object” [7, p. 204].

Ultimately, G. Kelsen comes to a completely consistent positivist system of law, which is interpreted as a function of state power, and its neo-Kantian justification turns out to be nothing more than a purely external addition to this system.

And yet, despite the ambivalent nature and various possibilities in the interpretation of the basic norm in G. Kelsen's theory of normativism, its importance for interpreting the essence of the rule of law and for the normative system is difficult to overestimate. One can argue about its specific expression, status, characteristics, but the axiomatic recognition of its objectivity and permanent effectiveness remains unchanged both in the development and further amendment of the constitution or in the adoption of decisions by the body of constitutional control, and in the creation of an extreme, individual norm. a specific law enforcer resolving a private single dispute.

It is the main, basic principle that makes the legal (normative) system integral, logical, unified. Its effectiveness is the indicator that preserves the unity of the legal system even when the constitution is changed. Its objectivity can be considered as a basis and as a prerequisite, albeit not always conscious, for the creation of a special body of constitutional control. We believe that it is precisely the absence of a positive expression of the basic norm, arising from its universal nature, that gives it the status of a higher, supra-constitutional legal superstructure, from which the interweaving of legal systems already nurtured by people emerge.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Frolova E.A. Rational Foundations of Law: Classics and Modernity. M.: Prospekt, 2020.

2. Heidemann C. Die Norm als Tatsache: Zur normentheorie Hans Kelsen/ Aulf. Baden-Baden: Nomos Verl. – Ges. 1997.

3. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre, Berlin: Springer, 1925.

4. Kelsen H. Allgemeine Staatslehre. Wien: Österreichische Staatsdruckerei, 1993.

5. Kelsen H. Das Problem der Souveränität und die Theorie des Völkerrechts, Tübingen: Mohr. 1920.

6. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig und Vienna, Deuticke, 1934.

7. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. 2 vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Wien: Franz Deuticke, 1960.

For citation: Maslennikov D.V., Revnov B.A. The basic norm of G. Kelsen and its natural-legal justification: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 75–80.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.006

Научная статья

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007

Государственное принуждение в социально-правовом контексте

И.А. Маслов*

Аннотация. В статье анализируется государственно-правовое принуждение в широком социальном контексте. Во-первых, оно затрагивает основные права граждан, а соответственно и интересы всего общества. Во-вторых, современные науки об обществе рассматривают принуждение как особый метод воздействия на поведение людей, позволяющий ограничить или направить свободную волю объекта воздействия (индивида, гражданина) в интересах (целях) субъекта, использующего методы принуждения.

Специально исследуется идея о том, что всякая легитимная государственная власть не просто вправе, а обязана в интересах защиты общества, поддержания его стабильного существования, использовать законные меры принуждения в установленной процедуре.

Ключевые слова: принуждение, государственное принуждение, государственно-правовое принуждение, экономическое принуждение, права, свободы, насилие.

Государственное или государственно-правовое принуждение традиционно находятся в центре внимания отечественного государственного (полицейского), затем конституционного права, наук уголовного и административного права, считаясь чисто юридическими категориями. Такое понимание, очевидно, вступает в противоречие с самой же конституционно-правой доктриной, базирующейся на конституционных положениях о приоритете прав и свобод граждан.

В этой связи государственное принуждение не может рассматриваться узко, как только доктринальная юридическая категория, а комплексно, как значимый и остро актуальный для научного междисциплинарного анализа, социально-правовой феномен.

Мы исходим из того, что государственно-правовое принуждение объективно может быть изучено лишь в широком социальном контексте. Современные науки об обществе, так или иначе, рассматривают принуждение, исходя из того, что это особый метод воздействия на поведение людей, позволяющий ограничить или направить свободную волю объекта воздей-

* *Маслов Игорь Александрович,* аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического Института г. Санкт-Петербург. E-mail: Maghak@mail.ru

ствия (индивида, гражданина) в интересах (целях) субъекта, использующего методы принуждения. Таким образом, принуждение – есть подчинение для последующего использования индивида (группы, класса, народа) [16, с. 121] или «использование физической или психической силы (её угрозы) для достижения цели [9, с. 81]. В этом смысле в современной социологии доминирует позиция, согласно которой принуждение есть не что иное, как насилие над волей индивида (социальной группы) под угрозой санкций [11, с. 249].

Принуждение неотъемлемая часть жизни индивида, его воспитания в детстве, когда формируется система ценностей, воспринимаемая затем как норма поведения и общежития. Понимая, что никакое общество не существовало без принуждения, а идеальные общества (коммунизм и другие утопические идеи) не состоялись, следует считать принуждение обязательным, имманентным состоянием всякого организованного общества, о чём в свое время, много писал М. Вебер. Основоположник современной научной социологии, указывал на то, что принуждение это базис любой социальной общности.

Действительно, человек, живя в любом государстве, всегда «обязан» принимать ценности именно этого сообщества, участвовать в его деятельности (охранять, платить налоги и т.п.). Таким образом, любое сообщество требует от своих членов поведения, заданного определенным социальным порядком, за нарушение которого всякое государство предусматривает меры принуждения [8, с. 536]. Этот институт исторически базируется на господстве одной социальной группы над другой, опирающейся на принуждение. Так работает схема осмысленного приказа и соответствующего действия («послушания») [8, с. 526].

Было бы слишком большим упрощением вести речь о том, что государство построено (возникло) исключительно благодаря принуждению. Ещё М. Вебер указывал на то, что повинующиеся подчиняются, как говорилось в русском законе: «не токмо за страх, но и за совесть» [2], т.е. не только, а желательно, и не столько из «страха» санкций, сколько из понимания обязанности и даже пользы подчинения. Вебер указал на феномен общественного согласия, «молчаливой договоренности» о порядке такого подчинения в виде социального взаимодействия, передаваемого с воспитанием из поколения в поколение.

Это положение необходимо уточнить, так как в России это согласие не было «по умолчанию», а оформлялось присягой на верность Государю Императору всеми подданными. При этом подданные клялись подчиняться «предпоставленным надо мною начальником», но только лишь «*во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять*» [1]. Таким образом, клятва подразумевала (хотя прямо на это не указывала), что русские подданные были обязаны выполнить исключительно *законные* требования «предпоставленных начальников», не имея до начала XX в. влиять на их назначение.

В 2017 г. был принят текст новой Присяги, приносимой при вступлении в российское гражданство. Он предусматривает принятие на себя обязанности соблюдать Конституцию и российские законы, права и свободы

граждан, исполнять обязанности гражданина РФ, защищать свободу и независимость России, быть верным своей стране, уважать ее культуру, историю и традиции [3]. Эти требования объективны, «жить в обществе и быть свободным от общества – нельзя» [12, с. 101], писал В.И. Ленин и с этим сложно не согласиться.

Отметим определенный субъективизм в понимании принуждения. То к чему принуждают, может изначально оцениваться индивидом как навязываемое извне. С течением времени и приобретением социального опыта, принуждение воспринимается как неотъемлемая часть долженствования, собственных правил поведения.

В цифровую эпоху важно учитывать, что социальное принуждение может осуществляться определенной социальной группой в манипулятивных целях навязывания обществу своих ценностей и реализации своих целей. Э. Дюркгейм описывал как такого рода энтузиазм (например, революционный, реформаторский, антикоррупционный и т.п.) приходя извне способен увлечь индивида, который будет чувствовать себя комфортно до тех пор, пока не пойдет «против течения» [10, с. 414]. В этот момент сработает принцип «кто не с нами, тот против нас» и социальное принуждение примет новую форму, преодолевая сопротивление, оказываемое индивидом. Массовое идейное воздействие социального (а особенно, протестного) движения принуждает индивида, входящего в «коллективную душу», приводя его в состояние необходимости следовать за толпой.

Анонсировав в начале статьи комплексный анализ феномена принуждения, мы не можем обойти вниманием *экономическое принуждение* как средство поддержания отношений власти/ подчинения в производственных отношениях. Уже при капитализме работник стал лично не зависим от работодателя, но зависим экономически, в чём К. Маркс усматривал признаки эксплуатации [14, с. 100]. Здесь следует указать на сохраняющуюся востребованность положений марксистской теории, школ советской юридической науки в вопросах анализа принуждения, чью роль, как справедливо отмечала Э.А. Сатина, нельзя некорректно приуменьшать [15, с. 12].

Предотвращая деструктивное воздействие на общество, все государства применяли меры принуждения, защищая свою политическую систему. В связи с этим, *теории принуждения как меры защиты общества* характерны, прежде всего, для теории уголовного права, где мы наблюдаем широкий диапазон оценок юридической природы принуждения, многообразие попыток исследование юридических концепций, определяющих юридическую и социальную природу исследуемого института.

Акцентируя внимание на комплексном понимании принуждения, нельзя не упомянуть об анализе *теорий отрицания государственно-правового принуждения,* которые, базируясь на синтезе религиозных догм и естественно-правовых теорий, существовали со времен социалистов-утопистов, но системно были изложены лишь во второй половине XIX – начале XX веков. Н.А. Бердяев, вслед за Р. Оуэном оспаривал правомочие государства использовать принуждение, исходя из абсолютизации прав человека, полученных естественным путем, т.е. от Бога и, соответственно, независимых от человека, а тем более, от государства.

Исходя из концепции гуманизма, Н.А. Бердяев обосновывал «взаимоотношение между благодатью, свободой и необходимостью», называя символом «мирового процесса» «Человека, не с маленькой буквы, а с большой» [5, с. 49]. В этой связи он придавал интересам личности высшую ценность, приоритет над интересами государства, считая власть греховной и не правомочной подавлять прав и свободы индивида. Абсолютизация личности выражалась им в положении, согласно которому «нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос» всё было вторичным, второстепенным, а то и «призрачным и злым» в сравнении «с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности» [6, с. 321–322]. Отсюда, повторим, государство не имело морального права принуждать, а тем более человека, для чего существовала надгосударственная религиозная сила [7, с. 121–122].

Изложенные философские взгляды не были правовыми, но соответствовали либеральным правовым теориям середины XIX в., отрицавшим право государства на принуждение и наказание. Адепты этой теории исходили из того, что карательные меры государства не основаны на разумном основании и противоречат природе человека. Следует уточнить, что речь шла не о безнаказанности и всепрощении, а в большей степени о превенции преступности.

Изложенные положения обосновано критиковались русскими криминологами и специалистами уголовного права. Н.С. Таганцев парировал доводы изложенной концепции единственным вопросом о том, как в таком случае, т.е. без принуждения и наказания, государство должно охранять общество и себя от противоправного поведения [17, с. 22–23]. Классик уголовного права говорил о том, что ещё не построено общество, которое могло бы обойтись без принуждения. Соответственно и современное право, как аксиому отмечает Н.В. Макарейко, сегодня не может «освободиться» от государственного принуждения [13, с. 330].

Российское государство ставит задачу экономии принудительного ресурса, акцентируя внимание на том, что его чрезмерное применение ведет, как свидетельствует исторический опыт, к социальным издержкам и потрясениям в результате которых, опять же, как показывает опыт, право дискредитируется как социальная ценность. Таким образом, собственная ценность права состоит в выражении правом социальной свободы и активности людей на базе и в пределах организованных, упорядоченных отношений, основанных на нравственности и справедливости [14, с. 128].

По сути, речь идет о необходимости завершения перехода от права силы к силе права, чтобы во имя даже самой «благой» цели не использовать противоправные средства [19, с. 1]. В этой связи соотношение права и принуждения характеризует опосредованием принуждения правом. Государственное принуждение может быть исключительно легитимным и применяться легитимной властью, выражающей правильность, оправданность, целесообразность и законность, т.е. полное соответствие государственной власти, ожиданиям гражданского общества [18, с. 6].

Мы исходим из того, что чем прочнее легитимность государственной власти, тем шире возможности регулирования общественных отношений

и управления развитием общества. Таким образом, минимизируются «силовые» издержки, экономится «энергия» государственного репрессивного аппарата, тогда как саморегуляция общественных процессов, наоборот стимулируется.

В то же время всякая легитимная государственная власть не просто вправе, а обязана в интересах защиты общества, поддержания его стабильного существования, использовать законные меры принуждения в установленной процедуре, когда другими способами пресечь антиобщественные действия невозможно.

Комплексное понимание принуждения исключает узкое его понимание лишь как акта насилия над волей, а предполагает многоаспектное понимание, состоящее в побуждении граждан к позитивным, общественно-полезным действиям через воздействие на их эмоционально-волевую сферу. Такого рода принуждение направлено не только против правонарушителей, а может реализовываться гражданским обществом. Науки об обществе традиционно рассматривают принуждение как определенное насилие над волей индивида, но в то же время признают, что никакое общество до сих пор не обходилось без принуждения.

В условиях информационных войн, «цветных» революций, деструктивного воздействия посредством информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей возникла новая разновидность *принуждения социального течения*, существовавшая и ранее (в теории коллективного разума Г. Лебога, З. Фрейда), но сегодня перешедшей в иную, сложно контролируемую государством, виртуальную форму. Массовое идейное воздействие социального (а особенно, протестного) движения принуждает индивида, входящего в «коллективную душу» следовать за толпой. В этом смысле государственное принуждение, основанное на праве, должно эффективно противостоять опасным для общества проявлениям экстремизма, не нарушая при этом прав граждан.

Библиографический список

1. Воинская присяга Российской империи/ http://www.gumer.info/ bibliotek_ Buks/History/Article/voinpris.php

2. Статья 1 Основных государственных законов Российской империи: «Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться его власти *не токмо за страх, но и за совесть* сам Бог повелевает» (с 1906 г. то же – ст. 4). Заимствовано из Послания к Римлянам [13; 3, 5].

3. Федеральный закон от 29.07.2017 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31. – Ч. I. – Ст. 4792.

4. *Алексеев С.С.* Теория права. – М., 1994. – 224 с.

5. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.

6. *Бердяев Н.А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: Канон +, 1991. – 448 с.

7. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. – М., 1999. – С. 121–122.

8. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии. «Согласие» // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 536.

9. *Джерри Д.* Большой толковый социологический словарь: в 2 т. – М.: Вече, 2001. – Т. 2.

10. *Дюркгейм Э.* Правила социологического метода. – М., 1996. – С. 414.

11. *Лоусон Т., Гэррод Дж.* Социология. А-Я: Словарь-справочник. – М.: Фаир-Пресс, 2000.

12. *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12.

13. *Макарейко Н.В.* Право и принуждение: к вопросу о взаимосвязи: Власть и право // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7). – С. 329–337.

14. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Госполитиздат, 1960.

15. *Сатина Э.А.* Основные аспекты правового санкционирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Тамбов, 2001.

16. Социальное управление: словарь/ Под ред. В.И. Добренькова, И.М. Слепенкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994.

17. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. – М.: Наука, 1994. – Т. 2. – С. 20–23.

18. *Чиркин В.Е.* Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8.

19. *Яковлев А.* От права силы к силе права // Наше наследие. – 1990. – № IV.

Для цитирования: *Маслов И.А.* Государственное принуждение в социально-правовом контексте: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 81–86.

DOI: 10.47905/ MATGIP.2022.125.1.007

State coercion in a socio-legal context

Igor A. Maslov *

Annotation. The article analyzes state-legal coercion in a broad social context. Firstly, it affects the basic rights of citizens, and, accordingly, the interests of the whole society. Secondly, modern social sciences consider coercion as a special method of influencing people's behavior, allowing to limit or direct the free will of the object of influence (individual, citizen) in the interests (goals) of the subject using methods of coercion.

The idea that any legitimate state power is not just entitled, but obliged, in the interests of protecting society, maintaining its stable existence, to use legal coercive measures in the established procedure is specially investigated.

Keywords: coercion, state coercion, state-legal coercion, economic coercion, rights, freedoms, violence.

State or state-legal coercion has traditionally been the focus of attention of the domestic state (police), then constitutional law, the sciences of criminal and administrative law, being considered purely legal categories. Such an under-

* *Maslov Igor Aleksandrovich,* graduate student of the Department of Theory of State and Law, Law Institute in the city of Saint-Petersburg. E-mail: Maghak@mail.ru

standing obviously contradicts the very same constitutional-right doctrine based on constitutional provisions on the priority of citizens' rights and freedoms.

In this regard, state coercion cannot be considered narrowly, as only a doctrinal legal category, but comprehensively, as a significant and acutely relevant for scientific interdisciplinary analysis, socio-legal phenomenon.

We proceed from the fact that state-legal coercion can be objectively studied only in a broad social context. Modern social sciences, one way or another, consider coercion, proceeding from the fact that it is a special method of influencing people's behavior, allowing limiting or directing the free will of the object of influence (individual, citizen) in the interests (goals) of the subject using methods of coercion.

Thus, coercion is subordination for the subsequent use of an individual (group, class, people) [16, p. 121] or "the use of physical or mental force (its threat) to achieve a goal" [9, p. 81]. In this sense, modern sociology is dominated by the position that coercion is nothing but violence against the will of an individual (social group) under the threat of sanctions [11, p. 249].

Coercion is an integral part of an individual's life, his upbringing in childhood, when a system of values is formed, which is then perceived as the norm of behavior and community. Realizing that no society existed without coercion, and ideal societies (communism and other utopian ideas) did not take place, coercion should be considered an obligatory, immanent state of any organized society, as M. Weber wrote a lot about at the time. The founder of modern scientific sociology, pointed out that coercion is the basis of any social community.

Indeed, a person living in any state is always "obliged" to accept the values of this particular community, to participate in its activities (to protect, pay taxes, etc.). Thus, any community requires its members to behave according to a certain social order, for violation of which every state provides for coercive measures [8, c. 536]. This institution is historically based on the domination of one social group over another, based on coercion. This is how the scheme of a meaningful order and the corresponding action ("obedience") works [8, p. 526].

It would be too big a simplification to talk about the fact that the state was built (arose) solely through coercion. Another M. Weber pointed out that those who obey, as stated in the Russian law: "not only for fear, but also for conscience" [2], i.e. not only, but preferably, and not so much out of "fear" of sanctions, as out of an understanding of the duty and even the benefits of submission. Weber pointed out the phenomenon of social consent, a "tacit agreement" on the order of such subordination in the form of social interaction transmitted with upbringing from generation to generation.

This provision needs to be clarified, since in Russia this consent was not "by default", but was formalized by an oath of allegiance to the Sovereign Emperor by all subjects. At the same time, the subjects swore to obey "the superior placed over me", but only "in everything that will concern the benefit and service of the state, to properly repair obedience and correct everything according to their conscience" [1]. Thus, the oath implied (although it did not directly indicate this) that Russian subjects were obliged to fulfill exclusively the legitimate requirements of "pre-appointed superiors", not having until the beginning of the XX century influences their purpose.

In 2017, the text of the new Oath taken upon entry into Russian citizenship was adopted. It provides for the assumption of the obligation to observe the Constitution and Russian laws, the rights and freedoms of citizens, to fulfill the duties of a citizen of the Russian Federation, to protect the freedom and independence of Russia, to be faithful to his country, to respect its culture, history and traditions [3]. These requirements are objective, "it is impossible to live in society and be free from society" [12, p. 101], V.I. Lenin wrote, and it is difficult not to agree with this.

We note a certain subjectivism in the understanding of coercion. What is being forced can be initially assessed by an individual as imposed from the outside. With the passage of time and the acquisition of social experience, coercion is perceived as an integral part of one's duty, one's own rules of behavior.

In the digital age, it is important to take into account that social coercion can be carried out by a certain social group for manipulative purposes of imposing their values on society and realizing their goals. E. Durkheim described how this kind of enthusiasm (for example, revolutionary, reformist, anti-corruption, etc.) coming from outside is able to captivate an individual who will feel comfortable until it will not go "against the current" [10, p. 414].

At this moment, the principle of "who is not with us is against us" will work and social coercion will take a new form, overcoming the resistance provided by the individual. The mass ideological impact of the social (and especially protest) movement compels the individual entering the "collective soul", leading him to a state of necessity to follow the crowd.

Having announced at the beginning of the article a comprehensive analysis of the phenomenon of coercion, we cannot ignore economic coercion as a means of maintaining power/subordination relations in industrial relations. Already under capitalism, the employee became personally independent of the employer, but economically dependent, in which K. Marx saw signs of exploitation [14, p. 100]. Here it is necessary to point out the continuing relevance of the provisions of Marxist theory, the schools of Soviet legal science in the analysis of coercion, whose role, as E.A. Satin rightly noted, it is impossible to underestimate incorrectly [15, p. 12].

Preventing destructive impact on society, all States used coercive measures to protect their political system. In this regard, the theories of coercion as a measure of protection of society are characteristic, first of all, for the theory of criminal law, where we observe a wide range of assessments of the legal nature of coercion, a variety of attempts to study legal concepts that determine the legal and social nature of the institution under study.

Focusing on the complex understanding of coercion, it is impossible not to mention the analysis of the theories of denial of state-legal coercion, which, based on the synthesis of religious dogmas and natural-legal theories, have existed since the time of the utopian socialists, but were systematically stated only in the second half of the XIX – early XX centuries. N.A. Berdyaev, after for R. Owen, he challenged the authority of the state to use coercion, based on the absolutization of human rights obtained naturally, i.e. from God and, accordingly, independent of man, and even more so, from the state.

Proceeding from the concept of humanism, N.A. Berdyaev justified "the relationship between grace, freedom and necessity", calling the symbol of the

"world process" "A person, not with a small letter, but with a large one" [5, p. 49]. In this regard, he gave the interests of the individual the highest value, priority over the interests of the state, considering the power sinful and not competent to suppress the rights and freedoms of the individual. The absolutization of personality was expressed by him in the position according to which "the nation, the state, the family, the external church, the public, the social collective, the cosmos" everything was secondary, secondary, or even "ghostly and evil" in comparison "with the unique individual fate of the human personality" [6, pp.321–322]. Hence, we repeat, the state had no moral right to compel, much less a person, for which there was a supranational religious force [7, p. 121–122].

The stated philosophical views were not legal, but corresponded to the liberal legal theories of the mid-19th century, which denied the right of the state to coercion and punishment. The adherents of this theory proceeded from the fact that the punitive measures of the state are not based on a reasonable basis and contradict human nature. It should be clarified that it was not about impunity and forgiveness, but more about the prevention of crime.

The stated provisions were reasonably criticized by Russian criminologists and criminal law specialists. N.S. Tagantsev countered the arguments of the stated concept with the only question of how in this case, i.e. without coercion and punishment; the state should protect society and itself from illegal behavior [17, p. 22–23]. The classic of criminal law said that a society has not yet been built that could do without coercion. Accordingly, modern law, as N.V. Makareiko notes axiom, today cannot "free itself" from state coercion [13, p. 330].

The Russian state sets the task of saving the forced resource, focusing on the fact that its excessive use leads, as historical experience shows, to social costs and shocks, as a result of which, again, as experience shows, the right is discredited as a social value. Thus, the intrinsic value of law consists in the expression by law of social freedom and activity of people on the basis and within the framework of organized, orderly relations based on morality and justice [14, p. 128].

In fact, we are talking about the need to complete the transition from the law of force to the force of law, so that in the name of even the most "good" goal, illegal means should not be used [19, p. 1]. In this regard, the relationship between law and coercion is characterized by the mediation of coercion by law. State coercion can be exclusively legitimate and applied by a legitimate authority expressing correctness, justification, expediency and legality, i.e. full compliance of state power with the expectations of civil society [18, p. 6].

We proceed from the fact that the stronger the legitimacy of state power, the wider the possibilities of regulating public relations and managing the development of society. Thus, the "power" costs are minimized, the "energy" of the state repressive apparatus is saved, while the self-regulation of social processes, on the contrary, is stimulated.

At the same time, any legitimate state authority is not just entitled, but obliged, in the interests of protecting society, maintaining its stable existence, to use legal coercive measures in the established procedure, when it is impossible to stop anti-social actions by other means.

A comprehensive understanding of coercion excludes its narrow understanding only as an act of violence against the will, and assumes a multidimensional understanding consisting in encouraging citizens to positive, socially useful actions through influencing their emotional and volitional sphere. This kind of coercion is directed not only against offenders, but can be implemented by civil society. The sciences of society traditionally consider coercion as certain violence against the will of an individual, but at the same time recognize that no society has ever been without coercion.

In the conditions of information wars, "color" revolutions, destructive influence through information and communication technologies and social networks, a new kind of coercion of the social current has emerged, which existed earlier (in the theory of collective intelligence by G. Lebog, Z. Freud), but today has passed into a different, difficult to control by the state, virtual form.

The mass ideological impact of the social (and especially protest) movement forces the individual who enters the "collective soul" to follow the crowd. In this sense, State coercion based on law should effectively counter the manifestations of extremism that are dangerous to society, without violating the rights of citizens.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Military oath of the Russian Empire/ http://www.gumer.info / bibliotek_Buks/History/Article/voinpris.php

2. Article 1 of the Basic State Laws of the Russian Empire: "The All-Russian Emperor is an autocratic and unlimited monarch. To obey his authority is not only for fear, but also for conscience, God himself commands" (since 1906 the same – v. 4). Borrowed from the Epistle to the Romans [13; 3, 5].

3. Federal Law No. 243-FZ of 29.07.2017 "On Amendments to the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" and Articles 8 and 14 of the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation"// Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. N 31. Ch. I. St. 4792.

4. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow, 1994. 224 p.

5. Berdyaev N.A. The meaning of history. Moscow: Thought, 1990. 176 p.

6. Berdyaev N.A. Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography). Moscow: Canon +, 1991. 448 p.

7. Berdyaev N.A. New religious consciousness and the public. Moscow, 1999. Pp. 121–122.

8. Weber M. About some categories of understanding sociology. "Consent" // Selected works. Moscow: Progress, 1990. P. 536.

9. Jerry D. A large explanatory sociological dictionary: in 2 volumes. Moscow: Veche, 2001. Vol. 2.

10. Durkheim E. Rules of the sociological method. Moscow, 1996. P. 414.

11. Lawson T., Garrod J. Sociology. A-Z: Dictionary-reference. Moscow: Fair-Press, 2000.

12. Lenin V.I. Party organization and party literature// Complete collection of Op. Vol. 12.

13. Makareiko N.V. Law and coercion: on the question of the relationship: Power and law // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Power and law. 2003, Issue 2 (7). Pp. 329–337.

14. Marx K. Economic manuscripts of 1857–1859 // Marx K., Engels F. Op. Vol. 46 Ch. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1960.

15. Satina E.A. The main aspects of legal authorization: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.01. Tambov, 2001.

16. Social management: dictionary/ Edited by V.I. Dobrenkov, I.M. Slepenkova. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1994.

17. Tagantsev N.S. Russian criminal law: lectures. General part: in 2 volumes. Moscow: Nauka 1994. Vol. 2. 17. Pp. 20–23.

18. Chirkin V.E. Legalization and legitimation of state power // State and law. 1995. No. 8.

19. Yakovlev A. From the right of force to the power of law // Our heritage. 1990. No. IV.

For citation: Maslov I.A. State coercion in a socio-legal context: Article // Legal Thought. 2022. № 1 (125). Pp. 86–91.

DOI: 10.47905/ MATGIP.2022.125.1.007

Научная статья

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.008

О правомерности использования иностранного водительского удостоверения лицами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации

Б.А. Ревнов*

Аннотация. В статье анализируется нормативное регулирование возможности управлять транспортным средством в Российской Федерации лицами, постоянно в ней проживающими, на основании иностранного водительского удостоверения. Приводится анализ судебной практики и различные толкования данного вопроса органами государственной власти Российской Федерации и должностными лицами. Рассматриваются наиболее характерные ситуации. Подсвечиваются некоторые проблемы толкования в этой сфере и предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: водительское удостоверение, иностранное водительское удостоверение, право управления транспортным средством, национальное водительское удостоверение, обмен водительского удостоверения.

Вопросы возможности использования гражданами Российской Федерации и иностранцами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации иностранного водительского удостоверения имеют неоднозначное нормативное регулирование, что приводит к разночтениям как в теоретическом его понимании, так и в правоприменительной практике.

Базовым документом, регулирующим правоотношения в этой сфере, является Конвенция о дорожном движении, участником которой является и Российская Федерация. Названная Конвенция среди прочего устанавливает требования о контроле наличия у водителя необходимых знаний и навыков, как необходимую предпосылку для выдачи водительского удостоверения [1, ст. 41]. В частности, данная конвенция закрепляет [1, п. 2 ст. 41], что Договаривающиеся Стороны признают любое национальное водительское удостоверение, соответствующее требованиям [1, Приложения № 6 и № 7] названной Конвенции.

В целях приведения национального законодательства Российской Федерации в соответствие с требованиями названной Конвенции был принят Федеральный закон [5, ст. 1], который среди прочего дополнил статью 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» пунктом 12,

* *Ревнов Борис Александрович,* доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@yandex.ru.

в соответствии с которым по общему правилу лица, постоянно или временно проживающие либо пребывающие на территории Российской Федерации, допускаются к управлению транспортными средствами на основании российских национальных водительских удостоверений, а при отсутствии таковых – на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений, не устанавливает разделения лиц для допуска к управлению транспортными средствами на граждан России, иностранных граждан или лиц без гражданства [4, п.12 ст. 25], что позволяет, на первый взгляд, применяя буквальное толкование, сделать вывод о наличии общей возможности управлять транспортными средствами в Российской Федерации как иностранцам, постоянно в ней проживающим, так и гражданам Российской Федерации на основании иностранного водительского удостоверения. Исключения из этого общего правила связаны с осуществлением физическими лицами трудовой и предпринимательской деятельности, непосредственно связанной с необходимостью управлением транспортным средством на территории Российской Федерации [4, п. 13 ст. 25]: в этих случая необходимо получение водительского удостоверения российского национального образца.

Данное толкование также находит подтверждение и в судебной практике. Так Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2017 года прекращено производство по делу об административном правонарушении, состав которого заключается в управлении транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством [3, ч. 1 ст. 12.7], в отношении иностранного гражданина, имеющего вид на жительство в Российской Федерации и управляющего транспортным средством на основании водительского удостоверения, выданного в Республике Армения.

Как указал суд, совокупное толкование пункта 1 статьи 41 Конвенции о дорожном движении, пунктов 12 и 13 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» и пункта 2.1.1 Правил дорожного движения (обязывающий среди прочего иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им, для проверки водительское удостоверение или временное разрешение на право управления транспортным средством соответствующей категории или подкатегории) [7, п. 2.1.1.] позволяет сделать вывод о том, что на территории Российской Федерации допускаются к управлению транспортными средствами лица на основании национальных или международных водительских удостоверений, за исключением тех случаев, когда управление транспортными средствами происходит на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности [10].

Аналогичные выводы содержатся и в Бюллетене судебной практики по административным делам Свердловского областного суда [23, пример № 2 подр. 1 раздела III] за четвертый квартал 2019 года, где отдельно подчеркивается, что толкование пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» путем распространения действия данной нормы только на иностранных граждан и лиц без гражданства яв-

ляется ошибочным. Из буквального содержания приведенной нормы следует, что она регулирует допуск к управлению транспортными средствами граждан любых категорий, независимо от их гражданства. Также акцентируется внимание на том, что обязанность обмена водительского удостоверения при изменении гражданства действующим законодательством не предусмотрена.

При этом в качестве примера приводится конкретное судебное дело, входе которого суд общей юрисдикции, основываясь на изложенном толковании, пришел к выводу о признании в Российской Федерации национального водительского удостоверения Украины, выданного заявительнице по делу, являющейся гражданкой Российской Федерации, до переноса ею своего обычного места жительства на территорию Российской Федерации [19].

Также подобное толкование встречается в документах, разъяснениях и ответах на вопросы и других органов власти, таких как Уполномоченный по правам человека в Крыму [25, абз. 9 гл. 8], Генеральная прокуратура (правда, с акцентом на противоречивость судебной практики и констатацией необходимости обратиться за разъяснениями в Министерство юстиции Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации) [24], органы Министерства внутренних дел Российской Федерации [26, вопрос № 3; 27, вопрос № 10].

Вместе с тем весомая часть правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации в этом вопросе с 2014 года основывалась на ином толковании названных положений Конвенции о дорожном движении и Федерального закона «О безопасности дорожного движения».

Так, в частности, Постановлением от 10 октября 2014 года Верховный Суд Российской Федерации отказал лицу, признанному виновным в совершении на территории Ленинградской области административного правонарушения в удовлетворении его требования об отмене актов о привлечении к ответственности по части 1 статьи 12.7 КоАП Российской Федерации, поскольку он является постоянно проживающим (на основании вида на жительство) в Российской Федерации иностранным гражданином, положения правовых норм, позволяющие управлять в Российской Федерации транспортным средством на основании иностранного национального водительского удостоверения, выданного на территории Украины, в отношении него неприменимы, так как распространяются на временно пребывающих в Российской Федерации иностранных граждан [11].

В указанном постановлении Верховный Суд Российской Федерации также сослался на пункт 7 статьи 41 Конвенция о дорожном движении, которым предусмотрено, что Договаривающиеся Стороны не обязаны признавать действительными национальные или международные водительские удостоверения, выданные на территории другой Договаривающейся Стороны лицам, которые имели на их территории обычное местожительство в момент выдачи этого водительского удостоверения или которые перенесли свое обычное местожительство на их территорию после выдачи этого удостоверения (подпункт а); признавать действительность вышеуказанных водительских удостоверений, выданных водителям, обычное местожительство которых в момент выдачи удостоверений находилось не на террито-

рии, где были выданы удостоверения, или которые перенесли свое местожительство после выдачи удостоверений на другую территорию (подпункт b). Если упрощенно, названные, процитированные нормы не запрещают, но и не обязывают Договаривающиеся Стороны признавать выданные национальные удостоверения на своей территории, оставляя этот вопрос со всеми возможными особенностями и оговорками на откуп национальному законодательству.

Позднее, Постановлением от 27 декабря 2018 года № 38-АД18-8 Верховный Суд Российской Федерации также отказал уже другому заявителю в удовлетворении его требования также об отмене актов о привлечении к ответственности, за управление транспортным водителем в Тульской области, не имеющим права управления транспортным средством [3, ч.1 ст. 12.7]. Как указал суд, гражданин, привлеченный к административной ответственности, которому 13 марта 2015 года был выдан уполномоченным органом паспорт Российской Федерации, не имел право управлять транспортным средством на основании имеющегося у него водительского удостоверения, выданное в Республике Узбекистан, так как положения подпункта «b» пункта 2 статьи 41 Конвенции о дорожном движении и пунктов 12, 13 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» позволяющие управлять в Российской Федерации транспортным средством на основании иностранного национального водительского удостоверения, распространяются на временно пребывающих в Российской Федерации иностранных граждан [9].

При этом, в решении Тульского областного суда (оставленном без изменения названным выше постановлением Верховного Суда Российской Федерации) по этому же делу отдельно подчеркивается, что, так как заявитель является гражданином Российской Федерации, не является лицом постоянно или временно проживающим либо временно пребывающим на территории Российской Федерации, государством национальной (гражданской) принадлежности его является Российская Федерация, следовательно, национальными документами для него являются документы, выданные компетентными органами Российской Федерации для использования на территории Российской Федерации, а все иные документы, выданные ему на территориях других государств и являющиеся для них национальными, являются иностранными документами и подлежат использованию на территориях этих государств [18]. В этом посыле важно принципиально иное понимание судом термина «лица постоянно проживающего на территории Российской Федерации», согласно которому как само собой разумеющийся, не требующий доказательств устанавливается тезис о том, что такие лица и граждане Российской Федерации не одно и тоже.

Ещё одна ситуация, когда даже при отсутствии единства правоприменительной практики в итоге главенствующим стало то толкование законодательства, согласно которому все же установлен запрет на использование иностранных прав гражданам Российской Федерации: постановлением уполномоченного должностного лица гражданин привлечен к административной ответственности за все то же управление на территории Чувашской Республики транспортным средством водителем, не имеющим права управ-

ления транспортным средством [3, ч. 1 ст. 12.7], и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в максимальном, предусмотренном законом размере (15 000 руб.), затем решением районного суда общей юрисдикции [22], оставленного без изменения судом субъекта [20], указанное постановление должностного лица изменено, размер административного штрафа снижен до 6 000 руб. (в связи с отсутствием отягчающих обстоятельств), после чего суд кассационной инстанции по итогам обжалования вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении и решения по результатам рассмотрения жалобы, удовлетворяет [16] жалобу заявителя и прекращает производство по делу об административном правонарушении в связи с отсутствием состава административного правонарушения [3, п. 2 ч. 1 ст. 24.5].

Постановлением от 9 декабря 2020 года № 31-АД20-6 Верховный Суд Российской Федерации, хотя и отказал в удовлетворении требований об отмене постановления о прекращении производства по делу о привлечении к ответственности ввиду истечения срока давности привлечения к административной ответственности, однако указал на судебную ошибку в постановлении нижестоящего суда, вызванную неверным толкованием права, вновь подчеркнув допустимость управление в Российской Федерации транспортными средствами при наличии иностранного национального водительского удостоверения только для лиц, временно пребывающих на ее территории, к которым лицо, в отношении которого было возбуждено дело об административном правонарушении, являющееся гражданином Российской Федерации с 28 апреля 2015 года не относится, а потому не в праве использовать на территории Российской Федерации водительское удостоверение, выданное на территории Украины.

Аналогичным образом в схожих ситуациях, с небольшими вариациями в фабулах дел, осуществляется толкование названного регулирования и в других решениях кассационных судов общей юрисдикции, которые не были предметом обжалования в Верховном Суде Российской Федерации.

Так, к примеру, Первый кассационный суд общей юрисдикции своим постановлением [12] отказал в требованиях об отмене постановления о привлечении к ответственности по части 1 статьи 12.7 КоАП Российской Федерации [3, ч. 1 ст. 12.7] заявителю, имеющему как гражданство Российской Федерации, так и гражданство Республики Таджикистан, управлявшему транспортным средством в городе Калуга на основании национального водительского удостоверения Республики Таджикистан. Второй кассационный суд общей юрисдикции при разрешении дела с аналогичными обстоятельствами также отказал [13] заявителю, имевшему как гражданство Российской Федерации, так и гражданство иностранного государства, в требованиях об отмене постановления о привлечении к ответственности за управление транспортным средством в Ярославской области на основании национального водительского удостоверения Украины. К тем же выводам в той же ситуации пришли Пятый и Восьмой кассационные суды общей юрисдикции, рассматривая дела о привлечении к административной ответственности гражданина Российской Федерации управлявшего транспортным средством в Ставропольском крае на основании национального

водительского удостоверения, выданного в Республике Туркменистан [15] и иностранной гражданки, имевшей вид на жительство в Российской Федерации управлявшей транспортным средством в Кемеровской области на основании иностранного водительского удостоверения [17].

Таким образом, практика толкования одних и тех же норм различными субъектами противоречива, однако, подавляющее большинство судебных решений используют толкование, запрещающее гражданам Российской Федерации управлять на территории Российской Федерации транспортным средством на основании иностранного водительского удостоверения, вне зависимости от их фактического места жительства, либо одновременного наличия гражданства иного государства. Такой же запрет распространяется и на иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации.

Эту и без того непростую картину дополняет ситуация, сложившаяся для жителей Республики Крым и города федерального значения Севастополь, нормативное регулирование для которых вопросов действия водительских удостоверений, выданных на Украине, равно как и вопросов обмена водительских удостоверений, выданных на Украине, на водительские удостоверения российского образца имеет определенные особенности.

По общему правилу, установленному статьей 12 Федерального конституционного «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [2, ст. 12] на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя действуют документы, выданные государственными и иными официальными органами Украины, государственными и иными официальными органами Автономной Республики Крым, государственными и иными официальными органами города Севастополя, без ограничения срока их действия и какого-либо подтверждения со стороны государственных органов Российской Федерации, государственных органов Республики Крым или государственных органов города федерального значения Севастополя. Данное регулирование распространяется среди прочего и на водительские удостоверения.

С учетом изложенного, используя буквальное толкование положений названного Федерального конституционного закона, водительские удостоверения украинского образца являются бессрочными (очевидно, если срок действия удостоверения не указан на самих документах) и действительными как минимум на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя, при этом, если использовать буквальное толкование пункта 12 статьи 25 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» (см. выше), – то и на всей территории Российской Федерации. Более того, каких-либо сроков обязательной замены украинских водительских удостоверений на российские [27, вопрос № 10], либо обязанности заменить украинское водительское удостоверение на российское, действующее законодательство по общему правилу [4, п. 13 ст. 25] не предусматривает.

Однако встречаются судебные решения, прямо идущие вразрез даже с изложенным, буквальным толкованием названного Федерального конституционного закона. Так, в частности, Постановлением [14] Четвертого кас-

сационного суда общей юрисдикции от 11 сентября 2020 года оставлены без удовлетворения требования заявителя – гражданина Российской Федерации об отмене постановления о привлечении к ответственности за управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством [3, ч. 1 ст. 12.7], хотя гражданин в Республике Крым управлял транспортным средством на основании водительского удостоверения, выданного на территории Украины. Суд в данном деле в точности повторил «мейнстримовую» логику толкования законодательства, без какого-либо упоминания положений Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [2, ст.12].

Вместе с тем в 2014 году резко обострился вопрос необходимости оперативной замены украинских водительских прав граждан Российской Федерации, проживающим на территориях Республики Крым и города Севастополя, приобретшим гражданство Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» на российские, особенно с учетом запрета управления транспортными средствами на основании иностранных национальных или международных водительских удостоверений при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности, непосредственно связанной с управлением транспортными средствами [4, п. 13 ст. 25].

В частности, потребность в особом регулировании замены украинских водительских прав на российские для указанной категории граждан также очевидно связана с тем, что все водители – сотрудники крымских специальных служб (полиция, в том числе ГИБДД, МЧС, скорая помощь) вынуждены были бы пересдавать экзамены для получения российского водительского удостоверения, а без него они фактически не могли бы работать легально.

Для решения этой проблемы Правительство Российской Федерации приняло соответствующее постановление, в соответствии с которым предусматривалась замена украинских водительских прав на российские без сдачи экзаменов. Для замены требовалось предоставить паспорт гражданина Российской Федерации, содержащего сведения о регистрации по месту жительства на территориях Республики Крым или города Севастополя, водительское удостоверение, выданное на Украине, либо документы, подтверждающие его получение (при отсутствии самого удостоверения), документ, выданный в соответствии с законодательством Украины до 18 марта 2014 года и подтверждающий отсутствие медицинских противопоказаний к управлению транспортными средствами, срок действия которого не истек [6, пп. «б» п.1]. То есть для замены в установленном «упрощенном» порядке не требовалось обязательно представить украинское водительское удостоверение.

При этом срок действия данного постановления Правительства Российской Федерации был ограничен. Оно действовало с 17 сентября по 31 декабря

2014 года – до окончания переходного периода [2, ст. 6]. Министерство внутренних дел РФ разработало проект [28], которым предлагалось сделать действие этого постановления Правительства Российской Федерации бессрочным, однако этот проект принят не был.

После 1 января 2015 года замена украинских водительских прав на российские должна была осуществляться только после сдачи теоретического и практического экзаменов. Однако и после 1 января 2015 года, насколько позволяет судить доступная практика, в Республике Крым продолжалась замена украинских водительских прав на российские в упрощенном порядке [21]. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в своем определении указал, что «упрощенный» (без сдачи экзаменов) порядок обмена водительских удостоверений, выданных органами государственной автомобильной инспекции Украины, предусмотрен указанием Главного управления обеспечения безопасности дорожного движения МВД России от 25 февраля 2015 года № 13/4-1268. Сам текст этого указания в открытом доступе обнаружить не удалось и, соответственно, как-либо более предметно анализировать его содержание затруднительно. Возможно, что до сих пор упрощенный порядок замены крымчанами украинских водительских прав на российские на практике сохраняется, хотя нормативной базы для этого и нет.

Косвенно неопределенность в вопросе урегулированности некоего «упрощенного» порядка замены украинских водительских прав на российские подтверждает и ситуация, описанная в Определении Верховного суда Республики Крым от 31 октября 2019 года по делу № 2-2004/2019: гражданин Российской Федерации, проживающий на территории Республики Крым, обратился за заменой украинских водительских прав на российские, а Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Крым, выдав ему в упрощенном порядке (без экзаменов) российские права, изъяло украинские, а также украинское свидетельство о регистрации транспортного средства.

Гражданин обратился в суд, требуя вернуть украинские документы, но отказал в удовлетворении его требований, сославшись на то, что таков упрощенный порядок замены водительских удостоверений [21], при этом суд отметил, что для сохранения запрашиваемых документов, гражданин должен был пользоваться не «упрощенным» порядком, а «общим», предусмотренным главой IV Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений (предусматривающий сдачу как теоретического, так и практического экзаменов) [8, гл. IV].

Упрощенный же порядок, как следует из данного судебного решения, сводится к тому, что в соответствии все с тем же неопубликованным, названным выше указанием Главного управления обеспечения безопасности дорожного движения МВД России от 25 февраля 2015 года № 13/4-1268 для граждан, приобретшим гражданство Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Республики и образовании в составе Российской Федера-

ции новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» обмен водительских удостоверений, выданных органами Государственной автомобильной инспекцией Украины осуществляется на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя в порядке, который установлен для выдачи российского национального водительского удостоверения взамен ранее выданного российского национального водительского удостоверения, т.е. без сдачи экзаменов.

Изложенное выше, позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, правоприменительное толкование действующего законодательства судами позволяет с уверенностью сделать вывод о фактическом наличии запрета на управление транспортными средствами лицами (как гражданами Российской Федерации, так и иностранцами), имеющими официальное право на постоянное проживание в Российской Федерации.

Во-вторых, названный выше фактический запрет явствует только после детального анализа сложившейся практики применения действующего законодательного регулирования, входе которого явственно проявляется несовпадение буквального толкования действующих законоположений и того толкования, которое придается тем же нормам правоприменительная практика. При этом, хотя несовпадение смыслов буквального и правоприменительного толкования одних и тех же норм очевидно, вопросы о причинах, допустимости и целесообразности подобного явления требуют отдельного исследования.

В-третьих, не касаясь вопросов какой-либо допустимости подобного законодательного регулирования, также, с очевидностью, возможно, сделать вывод о неисчерпанности модернизационного потенциала исследуемых законоположений, в первую очередь – в сторону упрощения. Так, в частности, представляется, что у федерального законодателя есть все возможности просто и понятно прописать запрет на управление транспортными средствами на основании иностранного водительского удостоверения лицам, имеющим право на постоянное проживание в Российской Федерации. Все-таки, если физическое лицо намерено постоянно проживать на территории Российской Федерации, представляется логичным и правильным возложить контроль знаний такими лицами правил дорожного движения Российской Федерации на соответствующий уполномоченный орган Российской Федерации.

При этом представляется, что в вопросы о введении какого-либо исключения из данного правила, в том числе в виде установления переходных периодов, либо выделения отдельной категории лиц, для которой был бы применим иной, но четкий и понятный правовой режим, относятся к дискреции федерального законодателя.

Библиографический список

1. Конвенция о дорожном движении (Заключена в г. Вене 8 ноября 1968 года) / Treaty Series. Volume 1732. – New York: United Nations, 1999, P. 522 – 587 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

2. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» / Российская газета, № 66, 24 марта 2014 года.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации, 1 января 2002 года, № 1 (ч. 1), ст. 1.

4. Федеральный закон от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» / Собрание законодательства Российской Федерации, 11 декабря 1995 года, № 50, ст. 4873.

5. Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 92-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях / Собрание законодательства Российской Федерации, 13 мая 2013 года, № 19, ст. 2319.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2014 года № 897 «Об особенностях регистрации автомототранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и выдачи водительских удостоверений на территориях Республики Крым и города Севастополя» / «Собрание законодательства РФ», 15 сентября 2014 года, № 37, ст. 4955.

7. Правила дорожного движения (утверждены Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 года № 1090) / Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 22 ноября 1993 года, № 47, ст. 4531.

8. Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2014 года № 1097 «О допуске к управлению транспортными средствами») / Российская газета, № 250, 31 октября 2014 года.

9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2018 года № 38-АД18-8 официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

10. Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2017 года № 19-АД17-19 / официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

11. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2014 года № 33-АД14-5 / официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

12. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 декабря 2021 года № 16-7813/2021 / официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

13. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 мая 2020 года № 16-4242/2020 / официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции // https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] (дата обращения 22 февраля 2022 года).

14. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11 сентября 2020 года по делу № 16-2863/2020 / официальный сайт Четверто-

го кассационного суда общей юрисдикции https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name= sdp2_cases [Электронный ресурс] дата обращения 22 февраля 2022 года.

15. Постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2020 года № 16-1040/2020 / официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 22 февраля 2022 года.

16. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2020 года № 16-3082/2020 /официальный сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

17. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 января 2021 года № 16-133/2021 / официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 22 февраля 2022 года.

18. Решение Тульского областного суда от 21 мая 2018 года по делу № 21-124/2018 / официальный сайт Тульского областного суда https://oblsud--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

19. Решение судьи Свердловского областного суда от 2 октября 2019 года, дело № 72-1172/2019 / официальный сайт Свердловского областного суда https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

20. Решение Верховного суда Чувашской Республики от 19 декабря 2019 года по делу № 21-805/2019 / официальный сайт Верховного суда Чувашской Республики https://vs--chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

21. Определение Верховного суда Республики Крым от 31 октября 2019 года по делу № 2-2004/2019 / Официальный сайт Верховного суда республики Крым https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

22. Решение Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 27 ноября 2019 года № 12-275/2019 / официальный сайт Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики http://novocheboksarsky.chv.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases [Электронный ресурс] дата обращения 21 февраля 2022 года.

23. Бюллетень судебной практики по административным делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2019 г.) (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 29 января 2020 года)/ официальный сайт Свердловского областного суда http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=317 [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

24. Письмо начальника Главного управления по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации №74/2-361-2019 от 14 октября 2019 года в ответ на обращение заместителя начальника Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения № 13/15-9725 от 19 сентября 2019 года по вопросу управления транспортными средствами на основании иностранных национальных водительских удостоверений водителями, приобретшими российское гражданство / официально документ опубликован не был, фотография документа опубликована https://pddmaster.ru/vu/inostrannie-prok.html [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

25. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Крым «О соблюдении прав и свобод человека и гражданина в Республике Крым в 2016 году» /

«Крымские известия», № 66(6215), 20 апреля 2017 года (начало), «Крымские известия», № 67(6216), 21 апреля 2017 года (окончание).

26. Официальный сайт Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Республике Крым /https://82.мвд.рф/для-граждан/госуслуги/угибдд-мвд/выдача-и-замена-водительских-удостоверений /вопрос-ответ (вопрос № 3).

27. Официальный сайт Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Севастополю / https://92.мвд.рф/citizens/ Gosudarstvennie_ uslugi/ Podrazdeleniyami_ po_ obespecheniyu_ bezopa/ Priem_ ekzamenov/ часто-задаваемые-вопросы (вопрос № 10).

28. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2014 года № 897» / Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://regulation.gov.ru/ по состоянию на 22 января 2015 года // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] дата обращения 18 февраля 2022 года.

Для цитирования: *Ревнов Б.А.* О правомерности использования иностранного водительского удостоверения лицами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации: статья // Юридическая мысль. – 2022. – No. 1 (125). – С. 92–103.

DOI: 10.47905 / MATGIP.2022.125.1.008

On the legitimacy of using a foreign driver's license by persons permanently residing on the territory of the Russian Federation

Boris A. Revnov*

Annotation. The article analyzes the regulatory regulation of the ability to drive a vehicle in the Russian Federation by persons permanently residing in it on the basis of a foreign driver's license. The analysis of judicial practice and various interpretations of this issue by the state authorities of the Russian Federation and officials is given. The most typical situations are considered. Some problems of interpretation in this area are highlighted and ways to resolve them are proposed.

Keywords: driver's license, foreign driver's license, right to drive a vehicle, national driver's license, driver's license exchange.

The issues of the possibility of using a foreign driver's license by citizens of the Russian Federation and foreigners permanently residing in the territory of the Russian Federation have ambiguous regulatory regulation, which leads to discrepancies both in its theoretical understanding and in law enforcement practice.

The basic document regulating legal relations in this area is the Convention on Road Traffic, to which the Russian Federation is also a party. This Convention, among other things, establishes requirements for monitoring the availability of the necessary knowledge and skills of the driver as a necessary

* *Revnov Boris Alexandrovich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg), Candidate of Law. E-mail: akziz07@yandex.ru.

prerequisite for issuing a driver's license [1, Article 41]. In particular, this Convention stipulates [1, paragraph 2 of Article 41] that the Contracting Parties recognize any national driver's license that meets the requirements of [1, Annexes No. 6 and No. 7] of the said Convention.

In order to bring the national legislation of the Russian Federation in line with the requirements of the said Convention, a Federal Law was adopted [5, Article 1], which, among other things, supplemented Article 25 of the Federal Law "On Road Safety" with paragraph 12, according to which, as a general rule, persons permanently or temporarily residing or staying in the territory of the Russian Federation, are allowed to drive vehicles on the basis of Russian national driving licenses, and in the absence of such – on the basis of foreign national or international driver's licenses, it does not establish the division of persons for admission to driving vehicles into Russian citizens, foreign citizens or stateless persons [4, paragraph 12 of Article 25], which allows, at first glance, applying a literal interpretation, to conclude that there is a general ability to drive vehicles in the Russian Federation Both foreigners permanently residing in the Russian Federation and citizens of the Russian Federation on the basis of a foreign driver's license. Exceptions to this general rule are related to the implementation by individuals of labor and entrepreneurial activities directly related to the need to drive a vehicle on the territory of the Russian Federation [4, paragraph 13 of Article 25]: in these cases, it is necessary to obtain a driver's license of the Russian national sample.

This interpretation is also confirmed in judicial practice. Thus, by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of December 6, 2017, proceedings were terminated on an administrative offense, the composition of which consists in driving a vehicle by a driver who does not have the right to drive a vehicle [3, part 1 of Article 12.7], in respect of a foreign citizen who has a residence permit in the Russian Federation and drives a vehicle on based on a driver's license issued in the Republic of Armenia. As the court pointed out, the combined interpretation of paragraph 1 of Article 41 of the Convention on Road Traffic, paragraphs 12 and 13 of Article 25 of the Federal Law "On Road Safety" and paragraph 2.1.1 of the Rules of the Road (obliging, among other things, to have with you and at the request of police officers to hand over to them, for verification, a driver's license or a temporary driving permit a vehicle of the corresponding category or subcategory) [7, paragraph 2.1.1.] allows us to conclude that, that persons on the basis of national or international driving licenses are allowed to drive vehicles on the territory of the Russian Federation, except for those cases when driving vehicles occurs on the basis of foreign national or international driving licenses when carrying out entrepreneurial and labor activities [10].

Similar conclusions are contained in the Bulletin of Judicial Practice on Administrative Cases of the Sverdlovsk Regional Court [23, Example No. 2 of sub-section 1 of Section III] for the fourth quarter of 2019, which separately emphasizes that the interpretation of paragraph 12 of Article 25 of the Federal Law "On Road Safety" by extending the validity of this norm only to foreign citizens and stateless persons is erroneous. From the literal content of the above norm, it follows that it regulates the admission to driving vehicles of citizens of

any categories, regardless of their citizenship. Attention is also focused on the fact that the obligation to exchange a driver's license when changing citizenship is not provided for by the current legislation. At the same time, a specific court case is given as an example, in which the court of general jurisdiction, based on the above interpretation, concluded that the national driver's license of Ukraine issued to the applicant in the case, who is a citizen of the Russian Federation, was recognized in the Russian Federation before she transferred her usual place of residence to the territory of the Russian Federation [19].

A similar interpretation is also found in documents, explanations and answers to questions from other authorities, such as the Commissioner for Human Rights in Crimea [25, paragraph 9, Chapter 8], the Prosecutor General's Office (although with an emphasis on the inconsistency of judicial practice and stating the need to seek clarification from the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Supreme Court Of the Russian Federation) [24], bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [26, question No. 3; 27, question No. 10].

At the same time, a significant part of the law enforcement practices of the Supreme Court of the Russian Federation in this matter since 2014 has been based on a different interpretation of the aforementioned provisions of the Convention on Road Traffic and the Federal Law “On Road Safety”.

So, in particular, by a Resolution of October 10, 2014, the Supreme Court of the Russian Federation refused to satisfy a person found guilty of committing an administrative offense in the Leningrad Region of his claim to cancel the acts of bringing to responsibility under part 1 of Article 12.7 of the Administrative Code of the Russian Federation, since he is a permanent resident (on the basis of a residence permit) in the Russian Federation by a foreign citizen, the provisions of legal norms, allowing driving a vehicle in the Russian Federation on the basis of a foreign national driver's license issued on the territory of Ukraine is not applicable to it, since they apply to foreign citizens temporarily staying in the Russian Federation [11].

In this decision, the Supreme Court of the Russian Federation also referred to paragraph 7 of Article 41 of the Convention on Road Traffic, which provides that the Contracting Parties are not obliged to recognize as valid national or international driving permits issued in the territory of another Contracting Party to persons who had their usual residence in their territory at the time of issuance of this driver's license or who have transferred their habitual residence on their territory after the issuance of this certificate (subparagraph a); recognize the validity of the above-mentioned driver's licenses issued to drivers whose usual place of residence at the time of issuing the certificates was not in the territory where the certificates were issued, or who moved their place of residence after issuing the certificates to another territory (subparagraph b). To put it simply, the above-mentioned, quoted norms do not prohibit, but also do not oblige the Contracting Parties to recognize the issued national certificates on their territory, leaving this issue with all possible features and reservations at the mercy of national legislation.

Later, by Resolution No. 38-AD18-8 of December 27, 2018, the Supreme Court of the Russian Federation also refused to satisfy another applicant's

claim also to cancel the acts on bringing to responsibility for driving a transport driver in the Tula region that does not have the right to drive a vehicle [3, part 1 of Article 12.7]. As the court pointed out, a citizen brought to administrative responsibility, to whom a passport of the Russian Federation was issued by the authorized body on March 13, 2015, did not have the right to drive a vehicle on the basis of a driver's license issued in the Republic of Uzbekistan, since the provisions of subparagraph “b” of paragraph 2 of article 41 of the Convention on Road Traffic and paragraphs twelve, 13 Articles 25 of the Federal Law “On Road Safety”, which allow driving a vehicle in the Russian Federation on the basis of a foreign national driver's license, apply to foreign citizens temporarily staying in the Russian Federation [9].

At the same time, the decision of the Tula Regional Court (left unchanged by the above-mentioned resolution of the Supreme Court of the Russian Federation) in the same case separately emphasizes that, since the applicant is a citizen of the Russian Federation, is not a person permanently or temporarily residing or temporarily staying on the territory of the Russian Federation, the state of his national (civil) affiliation is The Russian Federation, therefore, the national documents for it are the documents, issued by the competent authorities of the Russian Federation for use on the territory of the Russian Federation, and all other documents issued to him on the territories of other states and are national for them are foreign documents and are subject to use on the territories of these states [18]. In this message, a fundamentally different understanding of the term “persons permanently residing in the territory of the Russian Federation” is important, according to which, as a matter of course, not requiring evidence, the thesis is established that such persons and citizens of the Russian Federation are not the same.

Another situation is when, even in the absence of unity of law enforcement practice, the interpretation of the legislation, according to which a ban on the use of foreign rights to citizens of the Russian Federation is still established, became dominant in the end: by the decree of an authorized official, a citizen is brought to administrative responsibility for all the same driving on the territory of the Chuvash Republic by a driver who does not have the right to drive a vehicle by means of [3, part 1 art. 12.7], and he was given an administrative penalty in the form of an administrative fine in the maximum amount provided for by law (15,000 rubles), then by the decision of the district court of general jurisdiction [22], left unchanged by the court of the subject [20], the said decision of the official was changed, the amount of the administrative fine was reduced to 6,000 rubles. (due to the absence of aggravating circumstances), after which the court of cassation instance, based on the results of the appeal, the decisions on the case of an administrative offense that have entered into force and the decisions on the results of consideration of the complaint, satisfies [16] the applicant's complaint and terminates the proceedings on the case of an administrative offense due to the absence of the composition of an administrative offense [3, paragraph 2 part 1 of Article 24.5].

By Resolution No. 31-AD20-6 of December 9, 2020, the Supreme Court of the Russian Federation, although it refused to satisfy the requirements for the cancellation of the decision to terminate proceedings in the case of bringing

to responsibility due to the expiration of the statute of limitations for bringing to administrative responsibility, however, pointed to a judicial error in the lower court's decision caused by an incorrect interpretation of the law, again emphasizing the permissibility of driving vehicles in the Russian Federation in the presence of a foreign national driver's license only for persons, temporarily staying on its territory, to which the person against whom an administrative offense case was initiated, who has been a citizen of the Russian Federation since April 28, 2015, does not apply, and therefore does not have the right to use a driver's license issued on the territory of Ukraine on the territory of the Russian Federation.

Similarly, in similar situations, with slight variations in the plots of cases, the interpretation of this regulation is carried out in other decisions of the cassation courts of general jurisdiction, which were not the subject of appeal to the Supreme Court of the Russian Federation.

So, for example, the First Court of Cassation of General Jurisdiction, by its decision [12], refused the demands for the cancellation of the decision on bringing to responsibility under part 1 of Article 12.7 of the Administrative Code of the Russian Federation [3, part 1 of Article 12.7] to the applicant, who has both the citizenship of the Russian Federation and the citizenship of the Republic of Tajikistan, driving a vehicle in the city Kaluga on the basis of the national driver's license of the Republic of Tajikistan. The Second Cassation court of general jurisdiction, when resolving a case with similar circumstances, also refused [13] to the applicant, who had both the citizenship of the Russian Federation and the citizenship of a foreign state, the requirements for the cancellation of the decision to bring to responsibility for driving a vehicle in the Yaroslavl region on the basis of the national driver's license of Ukraine. The Fifth and Eighth Cassation courts of general jurisdiction came to the same conclusions in the same situation, considering cases on bringing to administrative responsibility a citizen of the Russian Federation driving a vehicle in the Stavropol Territory on the basis of a national driver's license issued in the Republic of Turkmenistan [15] and a foreign citizen who had a residence permit in the Russian Federation driving a vehicle in the Kemerovo region on the basis of a foreign driver's license [17].

Thus, the practice of interpreting the same norms by different subjects is contradictory, however, the vast majority of court decisions use an interpretation prohibiting citizens of the Russian Federation from driving a vehicle on the territory of the Russian Federation on the basis of a foreign driver's license, regardless of their actual place of residence, or the simultaneous presence of citizenship of another state. The same prohibition applies to foreign citizens permanently residing in the Russian Federation.

This already difficult picture is complemented by the situation that has developed for residents of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, the regulatory regulation for which issues of validity of driver's licenses issued in Ukraine, as well as issues of exchanging driver's licenses issued in Ukraine for Russian-style driver's licenses has certain features.

According to the general rule established by Article 12 of the Federal Constitutional Law “On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian

Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol" [2, art. 12] in the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, documents issued by state and other official bodies of Ukraine, state and other official bodies of the Autonomous Republic of Crimea, state and other official bodies of the city of Sevastopol are valid, without limitation of their validity and any confirmation by state bodies of the Russian Federation, state bodies of the Republic of Crimea or state bodies of the federal city of Sevastopol. This regulation applies, among other things, to driver's licenses.

Taking into account the above, using a literal interpretation of the provisions of the named Federal Constitutional Law, Ukrainian-style driver's licenses are indefinite (obviously, if the validity period of the certificate is not indicated on the documents themselves) and valid at least on the territory of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol, while using a literal interpretation of paragraph 12 of Article 25 of the Federal Law "On road safety" (see above), and then on the entire territory of the Russian Federation. Moreover, there are no deadlines for the mandatory replacement of Ukrainian driver's licenses with Russian ones [27, question No. 10], or the obligation to replace a Ukrainian driver's license with a Russian one, the current legislation does not provide for a general rule [4, paragraph 13 of Article 25].

However, there are court decisions that directly contradict even the stated, literal interpretation of the named Federal Constitutional Law. So, in particular, by the Decision [14] of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of September 11, 2020, the claims of the applicant, a citizen of the Russian Federation, to cancel the decision on bringing to responsibility for driving a vehicle by a driver who does not have the right to drive a vehicle [3, part 1 of art. 12.7], although a citizen in the Republic of Crimea was driving a vehicle on the basis of a driver's license issued on the territory of Ukraine. The court in this case exactly repeated the "mainstream" logic of the interpretation of legislation, without any mention of the provisions of the Federal Constitutional Law "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of new subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal city of Sevastopol" [2, Article 12].

At the same time, in 2014, the issue of the need for prompt replacement of Ukrainian driver's licenses of citizens of the Russian Federation residing in the territories of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, who acquired citizenship of the Russian Federation in accordance with the Federal Constitutional Law "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation – The Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol" to Russian ones, especially taking into account the prohibition of driving vehicles on the basis of foreign national or international driver's licenses when carrying out entrepreneurial and labor activities directly related to driving vehicles [4, paragraph 13 of Article 25]. In particular, the need for special regulation of the replacement of Ukrainian driver's licenses with Russian ones for this category of citizens is also obviously related to the fact that all drivers – employees of the Crimean special services (police, including traffic police, Ministry of Emergency Situa-

tions, ambulance) would have to retake exams to obtain a Russian driver's license, and without it they actually couldn't work legally.

To solve this problem, the Government of the Russian Federation adopted a corresponding resolution, according to which it was envisaged to replace Ukrainian driver's licenses with Russian ones without passing exams. To replace it, it was required to provide a passport of a citizen of the Russian Federation containing information about registration at the place of residence in the territories of the Republic of Crimea or the city of Sevastopol, a driver's license issued in Ukraine, or documents confirming its receipt (in the absence of the certificate itself), a document issued in accordance with the legislation of Ukraine before March 18, 2014 and confirming the absence of medical contraindications to driving vehicles, the validity of which has not expired [6, paragraph "b" of paragraph 1]. That is, in order to replace it in the established "simplified" procedure, it was not necessary to present a Ukrainian driver's license.

At the same time, the validity period of this decree of the Government of the Russian Federation was limited. It was valid from September 17 to December 31, 2014 – until the end of the transition period [2, Article 6]. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation has developed a draft [28], which proposed to make this decree of the Government of the Russian Federation indefinite, but this draft was not adopted.

After January 1, 2015, the replacement of Ukrainian driver's licenses with Russian ones was to be carried out only after passing theoretical and practical exams. However, even after January 1, 2015, as far as available practice allows, the replacement of Ukrainian driver's licenses with Russian ones in a simplified manner continued in the Republic of Crimea [21]. The Fourth Cassation Court of General Jurisdiction in its ruling indicated that the "simplified" (without passing exams) procedure for exchanging driver's licenses issued by the state Automobile Inspection bodies of Ukraine is provided for by the instruction of the Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 25, 2015 No. 13/4-1268. The text of this instruction itself could not be found in the public domain and, accordingly, it is difficult to analyze its content in any more substantive way. It is possible that until now the simplified procedure for the replacement of Ukrainian driver's licenses by Crimeans with Russian ones remains in practice, although there is no regulatory framework for this.

Indirectly, the uncertainty regarding the settlement of a certain "simplified" procedure for replacing Ukrainian driver's licenses with Russian ones is confirmed by the situation described in the Ruling of the Supreme Court of the Republic of Crimea dated October 31, 2019 in case No. 2-2004/2019: a citizen of the Russian Federation residing in the territory of the Republic of Crimea applied for the replacement of Ukrainian driver's licenses with Russian ones, and the Management State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Republic of Crimea, having given him a simplified procedure (without exams) Russian license, seized Ukrainian, as well as Ukrainian certificate of registration of the vehicle. The citizen appealed to the court, demanding the return of Ukrainian documents, but refused to satisfy his demands, referring to the fact that this is the simplified procedure for replacing driver's licenses [21], while the court noted that in order to preserve

the requested documents, the citizen had to use not the “simplified” procedure, but the “general” one provided by the chapter IV Rules for conducting examinations for the right to drive vehicles and issuing driver's licenses (providing for the passing of theoretical and practical exams) [8, Chapter IV].

The simplified procedure, as follows from this court decision, boils down to the fact that, in accordance with the same unpublished, above-mentioned instruction of the Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated February 25, 2015 No. 13/4-1268 for citizens who acquired citizenship of the Russian Federation in accordance with the Federal Constitutional Law “On the Adoption of to the Russian Federation of the Republic and the formation of new subjects within the Russian Federation – The Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol” the exchange of driver's licenses issued by the State Automobile Inspectorate of Ukraine is carried out on the territories of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol in the manner prescribed for the issuance of a Russian national driver's license to replace the previously issued Russian national driver's license, i.e. without passing exams.

The above allows us to draw several conclusions.

Firstly, the law enforcement interpretation of the current legislation by the courts allows us to conclude with confidence that there is an actual ban on driving vehicles by persons (both citizens of the Russian Federation and foreigners) who have an official right to permanent residence in the Russian Federation.

Secondly, the above-mentioned actual prohibition appears only after a detailed analysis of the current practice of applying the current legislative regulation, the entry of which clearly shows a discrepancy between the literal interpretation of the current legal provisions and the interpretation given to the same norms by law enforcement practice. At the same time, although the discrepancy between the meanings of the literal and law-enforcement interpretation of the same norms is obvious, questions about the causes, permissibility and expediency of such a phenomenon require a separate study.

Thirdly, without touching on the issues of any permissibility of such legislative regulation, it is also obviously possible to conclude that the modernization potential of the studied legal provisions is inexhaustible, primarily in the direction of simplification. So, in particular, it seems that the federal legislator has every opportunity to simply and clearly prescribe a ban on driving vehicles on the basis of a foreign driver's license to persons who have the right to permanent residence in the Russian Federation. Still, if an individual intends to permanently reside on the territory of the Russian Federation, it seems logical and correct to assign control over the knowledge of such persons of the rules of the road of the Russian Federation to the relevant authorized body of the Russian Federation. At the same time, it seems that questions about the introduction of any exception to this rule, including in the form of establishing transitional periods, or the allocation of a separate category of persons for whom a different, but clear and understandable legal regime would be applicable, belong to the discretion of the federal legislator.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Convention on Road Traffic (Concluded in Vienna on November 8, 1968) / Treaty Series. Volume 1732. New York: United Nations, 1999. P. 522–587 // Official Internet portal of legal information http://www.pravo.gov.ru [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

2. Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of March 21, 2014 “On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol” / Rossiyskaya Gazeta, No. 66, March 24, 2014.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 No. 195-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation, January 1, 2002, No. 1 (Part 1), Article 1.

4. Federal Law No. 196-FZ of December 10, 1995 “On Road Safety” / Collection of Legislation of the Russian Federation, December 11, 1995, No. 50, Article 4873.

5. Federal Law No. 92-FZ of May 7, 2013 “On Amendments to the Federal Law "On Road Safety Movements" and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation” / Collection of Legislation of the Russian Federation, May 13, 2013, No. 19, Article 2319.

6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 897 of September 5, 2014 “On the specifics of registration of motor vehicles and trailers to them in the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Issuance of driver's licenses in the Territories of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol” / "Collection of Legislation of the Russian Federation", September 15, 2014, No. 37, v. 4955.

7. Rules of the road (approved by Resolution of the Council of Ministers – Government of the Russian Federation No. 1090 of October 23, 1993) / Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation, November 22, 1993, No. 47, Article 4531.

8. Rules of examinations for the right to drive vehicles and issue driver's licenses (approved by Government Resolution Of the Russian Federation dated October 24, 2014 No. 1097 “On admission to driving vehicles”) / Rossiyskaya Gazeta, No. 250, October 31, 2014.

9. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 38-AD18-8 of December 27, 2018 official website of the Supreme Court of the Russian Federation https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-AD17-19 of December 6, 2017 / official website of the Supreme Court of the Russian Federation https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33-AD14-5 of October 10, 2014 / official website of the Supreme Court of the Russian Federation https://vsrf.ru/lk/practice/cases [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

12. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated December 6, 2021 No. 16-7813/2021 / official website of the First Cassation Court of General Jurisdiction https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

13. Resolution of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated May 25, 2020 No. 16-4242/2020 / official website of the Second Cassation Court of General Jurisdiction // https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] (accessed February 22, 2022).

14. Resolution of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction of September 11, 2020 in case No. 16-2863/2020 / official website of the Fourth Cassation

Court of General Jurisdiction https://4kas.sudrf.ru/modules.php? name=sdp2_cases [Electronic resource] accessed February 22, 2022.

15. Resolution of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated June 25, 2020 No. 16-1040/2020 / official website of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 22, 2022.

16. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated July 19, 2020 No. 16-3082/2020 /official website of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2_cases [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

17. Resolution of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 29, 2021 No. 16-133/2021 / official website of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 22, 2022.

18. Decision of the Tula Regional Court of May 21, 2018 in case No. 21-124/2018 / official website of the Tula Regional Court https://oblsud--tula.sudrf.ru modules. php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

19. The decision of the judge of the Sverdlovsk Regional Court of October 2, 2019, case No. 72-1172/2019 / official website of the Sverdlovsk Regional Court https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

20. Decision of the Supreme Court of the Chuvash Republic of December 19, 2019 in case No. 21-805/2019 / official website of the Supreme Court of the Chuvash Republic https://vs--chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

21. Ruling of the Supreme Court of the Republic of Crimea dated October 31, 2019 in case No. 2-2004/2019 / Official website of the Supreme Court of the Republic of Crimea https://vs--krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

22. Decision of the Novocheboksarsk City Court of the Chuvash Republic dated November 27, 2019 No. 12-275/2019 / official website of the Novocheboksarsk City Court of the Chuvash Republic http://novocheboksarsky.chv.sudrf.ru/ modules.php?name=sdp2_cases [Electronic resource] accessed February 21, 2022.

23. Bulletin of judicial practice on administrative cases of the Sverdlovsk Regional Court (fourth quarter of 2019) (approved by the decree of the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court of January 29, 2020)/ official website of the Sverdlovsk Regional Court http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=317 [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

24. Letter of the Head of the Main Department for Supervision of the Execution of Federal Legislation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation No.74/2-361-2019 Dated October 14, 2019 in response to the appeal of the Deputy Head of the Main Directorate for Road Safety No. 13/15-9725 dated September 19, 2019 on the issue of driving vehicles on the basis of foreign national driver's licenses by drivers, acquired Russian citizenship / the document was not officially published, the photo of the document was published https://pddmaster.ru/vu/inostrannie-prok.html [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

25. Report of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Crimea “On the observance of human and civil rights and freedoms in the Republic of Crimea in 2016” / “Crimean News”, No. 66(6215), April 20, 2017 (beginning), “Crimean News”, No. 67(6216), April 21, 2017 year (end).

26. Official website of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Republic of Crimea /https://82.мвд.рф/для-граждан/

госуслуги/угибдд-мвд/выдача-и-замена-водительских-удостоверен/вопрос-ответ (question #3)

27. Official website of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the city of Sevastopol / https://92.мвд.рф/citizens/ Gosudarstvennie_uslugi/Podrazdeleniyami_po_obespecheniyu_bezopa/Priem_ekzamenov/часто-задаваемые-вопросы (question No. 10)

28. Draft Resolution of the Government of the Russian Federation "On Amendments to the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 897 dated September 5, 2014" / The text of the document is given in accordance with the publication on the website http://regulation.gov.ru / as of January 22, 2015 // SPS ConsultantPlus [Electronic resource] accessed February 18, 2022.

For citation: *Revnov B.A.* On the legitimacy of using a foreign driver's license by persons permanently residing on the territory of the Russian Federation: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 103–113.

DOI: 10.47905 / MATGIP. 2022.125.1.008

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.009

Понятие и признаки юридической процедуры

Н.С. Романенко*

Аннотация. В статье рассматривается развитие такой категории как юридическая процедура, подчеркивается ее дискуссионный характер, приводятся современные подходы к определению данного понятия.

Автором подчеркивается выраженный юридический (правовой) характер процедуры, а также правовой результат, который влияет на наличие и реализацию правовой процедуры. Автором для формирования полноценного определения юридической (правовой) процедуры выделяются следующие признаки: организационно-правовой характер; направленность на достижение правового результата; последовательность действий (актов) поведения; наличие модели поведения и ее служебный или инициативный характер; иерархичность; динамизм; формальная определенность. На основании выделенных признаков предлагается авторское определение понятия юридической (правовой) процедуры.

Ключевые слова: юридическая процедура; правовая процедура; юридический процесс; теория права.

В настоящее время в научной литературе можно встретить много различных определений юридической процедуры.

В отечественной юридической литературе конца XX века юридическая процедура традиционно определялась как «нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности, обеспечивающий реализацию норм материального права и основанных на них материальных правоотношений, охраняемый от нарушения правовыми санкциями» [1, с. 97].

В теории процессуального права процедура понималась как нормативное правило, воплощаемое в правовом регулировании общественных отношений, что порождает необходимость в выделении традиционных процессуальных отраслей (гражданско-процессуального, уголовно-процессуального права и других) [2, с. 3]. Данный подход разделяют многие отечественные ученые.

Так, И.В. Панова понимает «правовую процедуру как урегулированный законодательством порядок совершения юридических действий, направленных на достижение правового результата» [5, с. 23].

О. В. Яковенко в свою очередь понимает под юридической процедурой «установленный порядок осуществления юридической деятельности», а деятельность судов, в том числе Конституционного Суда Российской Фе-

* ***Романенко Никита Сергеевич,*** преподаватель кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: nrserg91@gmail.com

дерации, она предлагает рассматривать как разновидность правовой процедуры [9, с. 7].

М. О. Ефремов юридическую процедуру определяет как «урегулированный нормативно-правовыми актами порядок действий органов законодательной, исполнительной и судебной власти по реализации их функций и задач» [3, с. 10].

М. С. Смолянов, говорит о том, что юридическая процедура представляет собой «реализуемую в правовой среде иерархически построенную целесообразную последовательность действий, предварительно закрепленных на нормативном или индивидуальном уровне и направленных на достижение правового результата – установление, реализацию и защиту права» [6, с. 33].

Р. С. Тихий говорит о том, что юридическая процедура – «это нормативная регламентация осуществления правовой деятельности, связанной с реализацией прав и обязанностей участниками общественных отношений, а также разрешением юридических дел и споров [8, с. 23].

Следует отметить, что представленные подходы указанных авторов относительно определения юридической процедуры подчеркивают единство в том, что юридическая процедура реализуется в ходе юридической деятельности и ее различных форм: законодательной, исполнительной, судебной и т.п.

По нашему мнению, учитывая определения, сформулированные выше, мы видим, что речь идет не просто о процедуре, а именно о юридической (правовой) процедуре осуществляемой в ходе какой-либо юридической (правовой) деятельности.

Характеризуется эта процедура тем, что требования к ее осуществлению установлены в законе или законодателем, осуществляется она специальным субъектом, порядок ее осуществления регламентирован, она последовательна и длительна по времени и приводит к конкретному результату.

Следует также учитывать иной подход в понимании юридической процедуры. П. П. Ланг считает, что «правовая процедура – это структурный элемент юридического процесса, нормативно-установленный порядок (система) осуществления последовательных юридически значимых действий, направленный на реализацию норм материального права, охраняемый от нарушений правовыми санкциями» [4, с. 84].

Т. В. Сахнова говорит, что процедура в самом общем смысле представляет собой «ряд формализованных установлений, направленных на достижение ожидаемого и детерминированного результата». В таком понимании процедура свойственна любой целенаправленной (не только юридической) деятельности и всем отраслям права как опосредующим особые социальные отношения для достижения определенных социальных целей, выраженных в юридической форме [7, с. 9–13].

Результат, достигаемый в ходе правовой процедуры, позволяет говорить о ее обязательном наличии и реализации. При этом правильнее говорить не о конечном, а промежуточном результате.

Упоминаемый нами результат достигается в ходе деятельности государственных органов (должностных лиц) действующих в публичном инте-

ресе или деятельности физических и юридических лиц действующих в частном (своем или чужом) интересе. Деятельность государственных органов или физических и юридических лиц всегда связана с правом и может одновременно носить правовой и (или) организационный характер.

Правовой или организационный характер деятельности определяется, во-первых, соответствующими нормами материального или процессуального законодательства, а во-вторых, предусмотренной этими нормами последовательностью действий (актов поведения) соблюдение которых может носить обязательный или вспомогательный характер.

Таким образом, первый признак юридической процедуры заключается в том, что она по своей сути выполняет двойственную организационно-правовую роль. С одной стороны, ее осуществление в ходе деятельности дает представление об организационной структуре деятельности и последовательном движении от стадии к стадии, с другой стороны (правовой) разъясняет какие действия и в какой последовательности должны быть совершены, указывает на последствия совершения тех или иных действий, позволяет осуществлять контроль за деятельностью субъектов права и закреплять тот или иной результат в качестве промежуточного или окончательного.

Следующий признак юридической (правовой) процедуры тесно связан с первым и заключается в том, что она, исходя из своей организационно-правовой роли, устанавливает требования к организации деятельности и требования к поведению субъектов права действующих в публичном или частном интересе.

Исходя из признака определенных требований к организации деятельности, и требований к поведению субъектов следует сказать, о том, что следующим признаком юридической процедуры является субъектный состав правового процедурного регулирования.

Субъектный состав правового процедурного регулирования делится на две самостоятельные группы исходя из выражаемого публичного интереса – это органы государственной власти и должностные лица и выражаемого частного интереса – это физические и юридические лица.

Следует подчеркнуть, что в зависимости от субъектного состава следует выделять такой признак как служебный и инициативный характер юридической (правовой) процедуры. Служебный и инициативный характер юридической правовой процедуры заключается в том, что у выделяемых нами субъектов в ходе осуществления своей деятельности в зависимости от выражаемого интереса различная направленность на достижение правового результата.

Служебный характер юридической (правовой) процедуры выражается в том, что процедура и ее содержание уже установлено законодателем и не подлежит изменению, и она реализуется в неизменном виде с целью установления, реализации и обеспечения защиты права.

Инициативный характер выражается в том, что процедура непосредственно устанавливается частными лицами и не имеет заранее определенного содержания оно определяется уже после возникновения правоотношений и ее реализация напрямую зависит от действий данных субъектов.

В данном случае служебный и инициативный характер юридической (правовой) процедуры напрямую влияет на содержание процедуры как на

модель поведения, в соответствие с которой субъекты деятельности могут совершать как предусмотренные, так и необходимые, по их мнению действия с целью достичь определенного юридически значимого результата.

Также важным признаком юридической процедуры является ее официальная (формальная) определенность.

Официальная (формальная) определенность юридической процедуры связана с ее установленностью в текстах нормативных правовых актов. Но формальная определенность является не основным, а факультативным (дополнительным) признаком, поскольку отсутствие письменного закрепления не значит, что процедура не должна применяться. В таких случаях, процедура может носить инициативный характер, и ее содержание может напрямую зависит от волеизъявления участников деятельности. Официальная определенность предполагает последовательность совершаемых действий их упорядоченность.

Как последовательно установленная законодателем модель поведения процедура представляет собой норму или совокупность норм предписывающих или разрешающих определенное поведение участников различных форм юридической деятельности. Причем эти нормы могут быть как первичными (основными), так и вторичными (производными) от первых.

Подчеркивая упорядоченность (организованность) действий, как признак процедуры также следует отметить определенное расположение процедур и их реализацию в определенной последовательности. Все это позволяет нам говорить о таком признаке процедуры как иерархичность.

Иерархичность проявляется в том, что одна процедурная норма детализирует другую, одно процедурное отношение обеспечивает процесс реализации другого.

Расположение процедур в определенной иерархичности, их формальной определенности и сферы применения позволяет говорить, насколько процедура определена, понятна и применима во всех ее детальных элементах. Во многом это объясняется соответствующим уровнем гарантий, который требуется в определенных сферах процедурного регулирования.

Детальное определение всех элементов процедуры, которые в своем сочетании будут применяться, и приводить к определенному результату напрямую зависят от сферы ее применения, а точнее определяется целями и характером деятельности государственных органов или физических и юридических лиц. В зависимости от субъектного состава их правового статуса, полномочий, характера их деятельности процедура может быть различной по своей сути и содержанию, а порядок ее осуществления (процедуры) может свидетельствовать о динамизме, поскольку каждое совершаемое действие (акт поведения) может быть совершено в ходе деятельности при следовании от стадии к стадии.

Таким образом, следует отметить, что юридическую (правовую) процедуру следует определять как реализуемую в ходе юридической деятельности государственных органов (должностных лиц) или частных лиц формально-определенную, иерархически построенную, динамичную организационно-правовую, детализированную, модель поведения (совокупность актов поведения), содержание которой носит служебный или инициативный

характер и направлена на достижение различного юридически значимого результата субъектами юридической деятельности.

Библиографический список

1. *Байтин М. И., Яковенко О. В.* Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 93–102.

2. Гражданский процесс: учеб. / В. А. Мусин, Н. А. Чечина, Д. М. Чечот; под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 544 с.

3. *Ефремов М. О.* Административные процедуры как форма реализации компетенции органов публичной власти во взаимоотношениях с частными лицами: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2005. – 26 с.

4. *Ланг П. П.* Правовая процедура и юридический процесс (теоретико-правовой аспект) // Современные проблемы права и управления. 5-я Международная научная конференция: сб. докл. / Институт законоведения управления Всероссийской полицейской ассоциации; гл. ред. И. Б. Богородицкий, отв. ред. Ю. В. Киселевич, 2015. – Вып. 5. – Тула: Папирус – С. 80–85.

5. *Панова И.В.* Юридический процесс. – Саратов: Светопись, 1998. – 76 с.

6. *Смолянов М. С.* Понятие и признаки юридической процедуры // Труды Института государства и права РАН. – 2010. – № 6. – С. 23–34.

7. *Сахнова Т. В.* Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 3. – С. 9–13.

8. *Тихий Р. С.* Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2006. – 26 с.

9. *Яковенко О. В.* Правовая процедура: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 1999. – 21 с.

Для цитирования: *Романенко Н.С.* Понятие и признаки юридической процедуры: статья // Юридическая мысль. – 2022. – No. 1 (125). – С. 114–118.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.009

The concept and features of legal procedure

Nikita S. Romanenko *

Annotation. The article examines the development of such a category as a legal procedure, emphasizes its controversial nature, and provides modern approaches to the definition of this concept.

The author emphasizes the pronounced legal (legal) nature of the procedure, as well as the legal result that affects the existence and implementation of the legal procedure. The author identifies the following features for the formation of a full-fledged definition of a legal (legal) procedure: organizational and legal nature; focus on achieving a legal result; sequence of actions (acts) of behavior; the presence of a behavior model and its official or initiative nature; hierarchy; dynamism; formal certainty.

* *Romanenko Nikita Sergeevich*, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University (Irkutsk). E-mail: nrserg91@gmail.com

Based on the selected features, the author's definition of the concept of legal (legal) procedure is proposed.

Keywords: legal procedure; legal procedure; legal process; theory of law.

Currently, many different definitions of legal procedure can be found in the scientific literature.

In the domestic legal literature of the end of the XX century, the legal procedure was traditionally defined as "a normatively established procedure for carrying out legal activity, ensuring the implementation of the norms of substantive law and material legal relations based on them, protected from violation by legal sanctions" [1, p. 97].

In the theory of procedural law, the procedure was understood as a normative rule embodied in the legal regulation of public relations, which creates the need to distinguish traditional procedural branches (civil procedure, criminal procedure law and others) [2, p. 3]. This approach is shared by many domestic scientists.

Thus, I.V. Panova understands "legal procedure as a procedure regulated by legislation for performing legal actions aimed at achieving a legal result" [5, p. 23].

O. V. Yakovenko, in turn, understands the legal procedure as "the established procedure for carrying out legal activities", and she suggests considering the activities of courts, including the Constitutional Court of the Russian Federation, as a kind of legal procedure [9, p. 7].

M. O. Efremov defines the legal procedure as "regulated by normative legal acts the procedure for the actions of the legislative, executive and judicial authorities to implement their functions and tasks" [3, p. 10].

M. S. Smolyanov, says that the legal procedure is "a hierarchically constructed expedient sequence of actions implemented in the legal environment, previously fixed at the regulatory or individual level and aimed at achieving a legal result – the establishment, implementation and protection of the right" [6, p. 33].

R. S. Tikhy says that the legal procedure is "a normative regulation of the implementation of legal activities related to the exercise of rights and obligations by participants in public relations, as well as the resolution of legal cases and disputes" [8, p. 23].

It should be noted that the presented approaches of these authors regarding the definition of legal procedure emphasize the unity that legal procedure is implemented in the course of legal activity and its various forms: legislative, executive, judicial, etc.

In our opinion, taking into account the definitions formulated above, we see that this is not just a procedure, but a legal (legal) procedure carried out in the course of any legal (legal) activity.

This procedure is characterized by the fact that the requirements for its implementation are established in the law or by the legislator, it is carried out by a special entity, the procedure for its implementation is regulated, it is consistent and time-consuming and leads to a specific result.

A different approach to understanding the legal procedure should also be taken into account. P. P. Lang believes that "a legal procedure is a structural

element of the legal process, a normative–established procedure (system) for the implementation of consistent legally significant actions aimed at implementing the norms of substantive law, protected from violations by legal sanctions" [4, p. 84].

T. V. Sakhnova says that the procedure in the most general sense is "a series of formalized regulations aimed at achieving the expected and deterministic result". In this understanding, the procedure is characteristic of any purposeful (not only legal) activity and all branches of law as mediating social relations in order to achieve certain social goals expressed in legal form [7, p. 9–13].

The result achieved during the legal procedure allows us to talk about its mandatory availability and implementation. At the same time, it is more correct to talk not about the final, but the intermediate result.

The result we have mentioned is achieved in the course of the activities of state bodies (officials) acting in public interest or the activities of individuals and legal entities acting in private (their own or someone else's) interest. The activities of state bodies or individuals and legal entities are always related to law and may simultaneously be of a legal and (or) organizational nature.

The legal or organizational nature of the activity is determined, firstly, by the relevant norms of substantive or procedural legislation, and secondly, by the sequence of actions (acts of conduct) provided for by these norms, the observance of which may be mandatory or auxiliary.

Thus, the first sign of a legal procedure is that it inherently performs a dual organizational and legal role. On the one hand, its implementation in the course of activity gives an idea of the organizational structure of the activity and the sequential movement from stage to stage, on the other hand (legal) explains what actions and in what sequence should be performed, indicates the consequences of certain actions, allows you to monitor the activities of legal entities and consolidate one or the other a different result as intermediate or final.

The next feature of the legal (legal) procedure is closely related to the first and consists in the fact that based on its organizational and legal role; it establishes requirements for the organization of activities and requirements for the behavior of legal entities acting in public or private interest.

Based on the sign of certain requirements for the organization of activities, and requirements for the behavior of subjects, it should be said that the next sign of a legal procedure is the subject composition of legal procedural regulation.

The subject composition of legal procedural regulation is divided into two independent groups based on the expressed public interest – these are public authorities and officials and the expressed private interest – these are individuals and legal entities.

It should be emphasized that, depending on the subject composition, such a feature as the official and initiative nature of the legal (legal) procedure should be distinguished. The official and initiative nature of the legal legal procedure lies in the fact that the entities we identify in the course of their activities, depending on the expressed interest, have a different focus on achieving a legal result.

The official nature of the legal (legal) procedure is expressed in the fact that the procedure and its content have already been established by the legislator and are not subject to change, and it is implemented unchanged in order to establish, implement and ensure the protection of the right.

The initiative character is expressed in the fact that the procedure is directly established by private individuals and does not have a predetermined content, it is determined after the emergence of a legal relationship and its implementation directly depends on the actions of these subjects.

In this case, the official and initiative nature of the legal (legal) procedure directly affects the content of the procedure as a model of behavior, in accordance with which the subjects of activity can perform both prescribed and necessary, in their opinion, actions in order to achieve a certain legally significant result.

Also an important feature of the legal procedure is its official (formal) certainty.

The official (formal) certainty of the legal procedure is related to its establishment in the texts of regulatory legal acts. But formal certainty is not the main, but an optional (additional) feature, since the absence of a written confirmation does not mean that the procedure should not be applied. In such cases, the procedure may be of an initiative nature, and its content may directly depend on the will of the participants in the activity. Official certainty presupposes the sequence of actions performed and their orderliness.

As a model of behavior consistently established by the legislator, the procedure is a norm or a set of norms prescribing or permitting certain behavior of participants in various forms of legal activity. Moreover, these norms can be both primary (basic) and secondary (derived) from the first.

Emphasizing the orderliness (organization) of actions, as a sign of the procedure, it should also be noted a certain arrangement of procedures and their implementation in a certain sequence. All this allows us to talk about such a feature of the procedure as hierarchy.

Hierarchy is manifested in the fact that one procedural norm details another, one procedural relation ensures the process of implementing the other.

The arrangement of procedures in a certain hierarchy, their formal definiteness and scope of application allows us to say how the procedure is defined, understandable and applicable in all its detailed elements. This is largely due to the appropriate level of guarantees required in certain areas of procedural regulation.

The detailed definition of all the elements of the procedure that will be applied in combination and lead to a certain result directly depends on the scope of its application, or rather is determined by the goals and nature of the activities of state bodies or individuals and legal entities. Depending on the subject composition of their legal status, powers, and the nature of their activities, the procedure may be different in its essence and content, and the procedure for its implementation (procedures) may indicate dynamism, since each completed action (act of behavior) can be performed in the course of activity while following the stage to the stage.

Thus, it should be noted that the legal (legal) procedure should be defined as a formally defined, hierarchically constructed, dynamic organizational-

legal, detailed, behavior model (a set of behavioral acts) implemented in the course of the legal activity of state bodies (officials) or individuals, the content of which is of an official or initiative nature and is aimed at achieving various legally significant results by subjects of legal activity.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Baitin M. I., Yakovenko O. V. Theoretical issues of legal procedure // Journal of Russian Law. 2000. No. 8. Pp. 93–102.

2. Civil process: studies / B. A. Musin, N. A. Chechina, D. M. Chechot; edited by B. A. Musin, N. A. Chechina, D. M. Chechot. – 3rd ed., reprint. and additional. Moscow: PBOYL Grizhenko, 2001. 544 p.

3. Efremov M. O. Administrative procedures as a form of implementation of the competence of public authorities in relations with private individuals: abstract. dis. ... cand. jurid. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2005. 26 p.

4. Lang P. P. Legal procedure and legal process (theoretical and legal aspect) // Modern problems of law and management. 5th International Scientific Conference: sat. dokl. / Institute of Legal Studies of the Management of the All-Russian Police Association; ch. ed. I. B. Bogoroditsky, ed. Yu. V. Kiselevich, 2015. Issue 5. Tula: Papyrus. Pp. 80–85.

5. Panova I.V. Legal process. Saratov: Svetopis, 1998. 76 p.

6. Smolyanov M. S. The concept and signs of legal procedure // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2010. No. 6. Pp. 23–34.

7. Sakhnova T. V. Judicial procedures (on the future of civil procedure) // Arbitration and civil procedure. 2009. No. 3. Pp. 9–13.

8. Tikhy R. S. Problems of legal regulation of administrative procedures in the Russian Federation: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Tyumen: Tyumen State University, 2006. 26 p.

9. Yakovenko O. V. Legal procedure: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov: Saratov State Academy of Law, 1999. 21 p.

For citation: Romanenko N.S. The concept and features of legal procedure: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 118–122.
DOI: 10.47905 / MATGIP. 2022.125.1.009

Научная статья

УДК 340
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.010

Правовое регулирование отношений с применением цифровых технологий в сфере нотариата: актуальные аспекты

Т.В. Твердова [*]
М.М. Мухлынина [**]

Аннотация. Статья посвящена оценке правового регулирования отношений в сфере нотариата с применением цифровых технологий с учетом полномочий Минюста России, как основного регулирующего органа, и соответствия таких полномочий конституционным нормам.

Ключевые слова: нотариат, Министерство юстиции Российской Федерации, приказы, полномочия, цифровые технологии.

В 2019 году в Гражданском кодексе Российской Федерации (статья 141.1) появился такой объект, как «цифровые права» [2]. Следует признать, что это было обусловлено давно назревшей необходимостью на фоне сформировавшихся отношений в, так называемой, цифровой среде во многих сферах жизнедеятельности общества, но не урегулированных правом.

Исходя из Пояснительной записки к проекту № 424632-7 другого Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» была поставлена цель закрепить в гражданском законодательстве нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых, российский законодатель мог бы регулировать рынок уже существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (в обиходе – «токены», «криптовалюта» и пр.), обеспечивать условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, в том числе сделок, позволяющих предоставлять массивы сведений (информацию).

[*] *Твердова Татьяна Викторовна,* кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин АНОВО «Московский международный университет», руководитель правового комитета Российского Союза аудиторов, член Российского Союза юристов, эксперт комиссии по общественной безопасности и народной дипломатии Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы. E-mail: tverdovatv@mail.ru

[**] *Мухлынина Мария Михайловна,* кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса АНОВО «Московский международный университет». E-mail: muhlyninamm975@mail.ru

Эти новые объекты фактически создаются и используются участниками информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе российскими гражданами или юридическими лицами, но российским законодательством пока не признаются. Разработчики законопроекта сделали попытку разъяснить сущность «цифрового права», как новой юридической фикции, близкой к сущности ценной бумаги, и предложили понимать под таким правом совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав, уточнив, что цифровое право может удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права [5].

Однако в окончательной редакции статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ о цифровых правах предложенное разработчиками понятие не нашло своего отражения. Новая статья Гражданского кодекса РФ определила, что цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу [2]. К сожалению, в текст нормы не вошли предложенные в Пояснительной записке ключевые параметры понятия, таких как совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), без которых понимание сущности цифрового права усложняется и субъективируется.

Одним из институтов, призванных обеспечить достоверное и надежное оформление правовых документов, гражданско-правовых сделок, является нотариат. Перечень документов и сделок, требующих обязательного нотариального удостоверения весьма широк, в частности, это:

– договор ренты (ст. 584 ГК РФ), сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество, за исключением, указанным в законе [3];

– сделки, связанные с распоряжением недвижимым имуществом на условиях опеки, а также сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину или гражданину, признанному ограниченно дееспособным (ст. 54 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») [6];

– сделки, направленные на отчуждение доли или части доли в уставном капитале общества (ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [7];

– договор залога доли или части доли в уставном капитале общества (ст. 22 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») [7];

– договор залога в обеспечение исполнения обязательств по договору, который должен быть нотариально удостоверен (ст. 339 ГК РФ) [2];

– доверенность на совершение сделок, требующих нотариальной формы, на подачу заявлений о государственной регистрации прав или сде-

лок, а также на распоряжение зарегистрированными в государственных реестрах правами (ст. 185.1 ГК РФ) [2];

– доверенность, выдаваемая в порядке передоверия (ст. 187 ГК РФ) [2];

– договор эскроу, за исключением случаев депонирования безналичных денежных средств и (или) бездокументарных ценных бумаг (ст. 926.1 ГК РФ) [3];

– уступка требования и перевод долга, основанные на сделке, совершенной в нотариальной форме (389 ГК РФ, 391 ГК РФ) [2];

– договор инвестиционного товарищества (ст. 8 Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе») [8];

– соглашение об управлении хозяйственным партнерством (ст. 6 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах») [9];

– сделки, направленные на отчуждение доли в складочном капитале хозяйственного партнерства, в том числе предусматривающие обязательство совершить сделку, направленную на отчуждение доли в складочном капитале хозяйственного партнерства при возникновении определенных обстоятельств или исполнении другой стороной встречного обязательства (ст. 12 Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах») [9] и др.

Из перечисленного следует, как значительна роль нотариата в экономической, а также в гражданско-правовой сфере, в связи с чем, он не мог остаться в стороне от реалий цифрового пространства. 29 декабря 2020 года вступил в силу Федеральный закон № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятый в рамках реализации направления программы «Цифровая экономика» с целью оптимизации нотариальной деятельности, повышения востребованности нотариальной защиты прав граждан и юридических лиц в условиях развития цифрового общества [10].

Суть изменений, внесенных в Основы законодательства о нотариате, это: введение новых форматов совершения нотариальных действий; технические изменения с целью цифровизации нотариальных баз данных, межведомственного взаимодействия и открытого доступа к данным; введение новых нотариальных действий, совершаемых в электронном формате и удаленно. Таким образом, сфера нотариата вышла на «орбиту» усовершенствованного правового регулирования с применением цифровых технологий. Что положительного это внесло в общество?

Используемые в нотариате новые технологии отныне позволяют, не приходя к нотариусу, обратиться к нему за совершением таких нотариальных действий, как удостоверение верности перевода, принятие в депозит нотариуса денежных средств и ценных бумаг, безналичных денежных средств, вручение нотариусом документов указанному лицу, совершение исполнительной надписи, передачу нотариусу на хранение документов, обеспечение доказательств в виде осмотра информации в Интернете, получение выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества, удостоверение равнозначности электронного документа, изготовленного нотариусом.

Для совершения запроса удаленных действий заявитель или его представитель должны подписать заявление о совершении нотариального действия усиленной квалифицированной электронной подписью, направив его в Федеральную нотариальную палату через единую информационную систему нотариата или единый портал госуслуг, а палата направляет поступившее заявление с приложениями нотариусу, заявившему в автоматическом режиме о готовности совершить соответствующее нотариальное действие удаленно.

Сведения о заявителе нотариус получает самостоятельно с помощью единой системы идентификации и единой биометрической системы. Оплата нотариального действия и получение в электронной форме готового нотариального документа или отказа в совершении нотариального действия выполняются в том же формате.

Регламентация осуществления нотариальных действий в электронном формате осуществляется нормативными актами Министерством юстиции Российской Федерации, которое, по сути, осуществляет ведомственное правовое регулирование, при этом объем его превышает федеральный уровень регулирования, поскольку, кроме Основ о нотариате, иных федеральных законов и нормативных актов нет. Представляется, что в этом смысле есть определенная правовая проблема.

Статьей 72 Конституции Российской Федерации нотариат отнесен к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1]. Из этого следует, что регулирование правоотношений системы нотариата должно осуществляться как федеральными законами, так и законами/нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Последние практически никаких актов, свидетельствующих об их участии в правовом регулирования нотариата, не принимают.

Положением о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1313 предусмотрена такая функция Министерства, как выработка и реализация государственной политики по нормативно-правовому регулированию нотариата», но конкретных полномочий в части правового регулирования нотариата не обозначено [12]. Можно ли понимать под выработкой и реализацией государственной политики правовое регулирование отношений?

Частью 1 статьи 11 Конституции Российской Федерации установлено, что государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации [1]. Исходя из пункта «е» статьи 71 Конституции России установление основ федеральной политики и федеральных программ относятся к ведению Российской Федерации. Вряд ли подлежит сомнению то, что федеральные программы являются инструментом для реализации федеральной политики [1]. В силу пункта «м» той же статьи Конституции к ведению Российской Федерации относится обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных [1]. Названные конституционные положе-

ния порождают уверенность в том, что установление государственной политики и ее реализация в сфере безопасного применения информационных технологий, в какой бы сфере они не применялись, относится к федеральному уровню регулирования.

Применительно к сфере нотариата в настоящее время вряд ли удастся найти федеральную программу, направленную на реализацию государственной политики по применению цифровых технологий конкретно в нотариате. Регламентацию совершения цифровых нотариальных действий полностью взяло на себя Министерство юстиции Российской Федерации, принимая по своему усмотрению необходимые приказы.

Так, приказами Минюста РФ от 30.09.2020 г. № 225 [13], № 229 [14], № 232 [15], введены новые правила о внесении сведений справочно-аналитического характера, содержащихся в единой информационной системе нотариата и касающихся деятельности нотариусов, о ведении реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них сведений, в том числе порядка исправления допущенных в таких реестрах технических ошибок, о порядке предоставления информации о нотариальном документе, об оплате нотариальных действий, совершаемых удаленно и другие приказы Минюста России, обязательные для исполнения.

Следует отметить, что Минюст еще в 2014 году своим приказом от 16 апреля 2014 года № 78 (в редакции по состоянию на 30 сентября 2020 года) установил для нотариусов особенности работы с электронными документами [16]. На первый взгляд кажется обоснованным регулирование подобных действий на уровне приказов федерального органа и вряд ли целесообразно передавать подобные полномочия иным органам. Однако возникает сомнение в части их корреспонденции с конституционными нормами о нормативно-правовом регулировании нотариата и обеспечении безопасности при применении информационных технологий, обороте цифровых данных. Приказы Минюста содержат именно такие правила.

Помимо этого, Минюст определяет также и требования к формату нотариально удостоверяемого документа (в том числе, сделки) в электронной форме (приказ от 30.09.2020 г. № 227 [17]), в котором, по сути, речь идет об установлении форм гражданско-правовых документов, в частности, сделок, не указанных в Гражданском кодексе РФ.

Согласно части 1 статьи 158 Гражданского кодекса РФ сделки совершаются устно или в письменной форме (простой или нотариальной) [2]. Частью 1 статьи 163 установлено, что нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности [2]. Как видим, гражданское законодательство не предусматривает форму сделки, совершаемую в электронной форме, которую вряд ли можно приравнивать к письменной, предполагающей наличие бумажного носителя, в связи с чем есть основание считать необходимым дополнить статью 158 Гражданского кодекса РФ об электронной форме сделки [2].

Например, положительным примером своевременного принятия федерального нормативного акта является Федеральный закон от 22 ноября 2021 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», установивший возможность осуществления электронного документооборота в сфере трудовых отношений путём создания, подписания, использования и хранения документов, связанных с работой, в электронном виде (без дублирования документов на бумажном носителе) с использованием информационной системы работодателя и (или) единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Указанным Законом введены понятие электронного документа в трудовых отношениях и порядок оформления [11].

Итак, в настоящее время в сфере нотариата фактически правовое регулирование его деятельности с применением цифровых технологий осуществляет только Минюст России, чьи полномочия в этой части не бесспорны. Нельзя игнорировать то, что возникновение сомнений по поводу уровня правового регулирования отношений порождает и неоднозначное отношение, как субъектов права, так и суда в части юридически значимых последствий. В случаях отсутствия уверенности в наличии полномочия Минюста регламентировать порядок ведения реестра единой информационной системы нотариата, возникает сомнение по поводу правомерности сделки и связанных с ней документов, оформленных в электронной форме и внесенных в информационную систему.

Может ли участник судебного спора воспользоваться названными сомнениями и заявить требование о признании недействительной электронно удостоверенной сделки по основанию, предусмотренному, например, статьей 168 Гражданского кодекса РФ в связи с нарушением требований закона или иного правового акта? [2]. Пожалуй, однозначно отрицательный ответ не возникнет.

Представляется, что во исполнение пункта «е» статьи 71 Конституции [1] назрела необходимость вмешаться Правительству Российской Федерации и принять постановление об утверждении федеральной программы, в которой определить положение федеральных органов, в том числе Минюста России, в части полномочий принимать нормативные акты, определяющие порядок совершения нотариальных действий с применением цифровых технологий и оформления электронных документов, обладающих юридической значимостью. Только при наличии такого постановления права Минюста, указанные в Положении о Министерстве юстиции Российской Федерации, приобретут неоспоримый с позиции права характер.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www. consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // www. consultant.ru

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // www. consultant.ru

4. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, 2019, 20 марта.

5. Пояснительная записка к проекту № 424632-7 Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)»Система обеспечения законодательной деятельности // https: //sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7

6. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // www. consultant.ru

7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // www. consultant.ru

8. Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // www. consultant.ru

9. Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // www. consultant.ru

10. Федеральный закон № 480-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // www. consultant.ru

11. Федеральный закон от 22 ноября 2021 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»

12. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 24.02.2022) «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» // www. consultant.ru

13. Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 225 «Об утверждении порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них сведений, в том числе порядка исправления допущенных в таких реестрах технических ошибок» // https://minjust.gov.ru/ru/documents/8040/

14. Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 229 «Об утверждении порядка представления информации о нотариальном документе и формата ее размещения на документе с использованием машиночитаемой маркировки» // https://minjust. gov.ru /ru/documents/8044/

15. Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 232 «Об утверждении Порядка направления заявления о совершении нотариального действия удаленно, совершения оплаты нотариального действия, в том числе с использованием электронных средств платежа, возврата заявителю суммы платежа за совершение нотариального действия удаленно, а также взаимодействия заявителя или его представителя, обратившихся за совершением нотариального действия удаленно, и нотариуса» // https://minjust.gov.ru /ru/documents/8045/

16. Приказ Минюста России от 16.04.2014 № 78 (ред. от 30.09.2020) «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» // http: //www.consultant. ru/document/ cons_doc_LAW_162343/

17. Приказ Минюста России от 30.09.2020 № 227 «Об утверждении требований к формату нотариально оформляемого документа в электронной форме» // https://minjust.gov.ru/ru/documents/8042/

Для цитирования: *Твердова Т.В., Мухлынина М.М.* Правовое регулирование отношений с применением цифровых технологий в сфере нотариата: актуальные аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 123–129.

DOI: 10.47905/ MATGIP.2022.125.1.010

Legal regulation of relations using digital technologies in the field of notaries

Tatyana V. Tverdova [*]
Maria M. Mukhlynina [**]

Annotation. The article is devoted to the assessment of the legal regulation of relations in the field of notaries using digital technologies, taking into account the powers of the Ministry of Justice of Russia, as the main regulatory body, and the compliance of such powers with constitutional norms.

Key words: notaries, Ministry of Justice of the Russian Federation, orders, powers, digital technologies.

In 2019, such an object as “digital rights” appeared in the Civil Code of the Russian Federation (Article 141.1) [2]. It should be recognized that this was due to a long overdue need against the backdrop of established relations in the so-called digital environment in many areas of society, but not regulated by law.

Based on the Explanatory Note to Draft No. 424632-7 of another Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (On Digital Rights)”, the goal was to consolidate several basic provisions in the civil legislation, starting from which, the Russian legislator could regulate the market of new objects of economic relations already existing in the information and telecommunications network (in everyday life – “tokens”, “cryptocurrency”, etc.), provide conditions for making and executing transactions in the digital environment, including transactions , allowing to provide arrays of information (information).

These new objects are actually created and used by participants in information and telecommunications networks, including Russian citizens or legal entities, but are not yet recognized by Russian law. The developers of the draft law made an attempt to explain the essence of "digital law" as a new legal fiction close to the essence of a security, and proposed to understand such a right as a set of electronic data (digital code, designation) that certifies rights to objects of civil rights, specifying that digital law can only certify the rights to things, other property, the results of work, the provision of services, exclusive rights [5].

However, in the final version of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation on digital rights, the concept proposed by the developers was not reflected. A new article of the Civil Code of the Russian Federation determined that digital rights are recognized as such in the law, obligations and other rights, the content and conditions for the implementation of which are

[*] *Tverdova Tatyana Viktorovna,* PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of ANOVO "Moscow International University", Head of the Legal Committee of the Russian Union of Auditors, member of the Russian Union of Lawyers, expert of the Commission on Public Security and People's Diplomacy of the Council for Nationalities under the Government of Moscow. E-mail: tverdovatv@mail.ru

[**] *Mukhlynina Maria Mikhailovna,* Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law and Procedure, ANOVO "Moscow International University". E-mail: muhlyninamm975@mail.ru

determined in accordance with the rules of an information system that meets the criteria established by law. Implementation, disposal, including transfer, pledge, and encumbrance of digital rights in other ways or restriction of disposal of digital rights are possible only in the information system without recourse to a third party [2]. Unfortunately, the text of the norm did not include the key parameters of the concept proposed in the Explanatory Note, such as a set of electronic data (digital code, designation), without which the understanding of the essence of digital law becomes more complicated and subjective.

One of the institutions designed to ensure reliable and reliable execution of legal documents, civil law transactions is the notary. The list of documents and transactions that require mandatory notarization is very wide, in particular, these are:

– rent agreement (Article 584 of the Civil Code of the Russian Federation), transactions for the alienation or mortgage agreements of shares in the right of common ownership of real estate, with the exception specified in the law [3];

– transactions related to the disposal of real estate on the terms of guardianship, as well as transactions for the alienation of real estate belonging to a minor citizen or a citizen recognized as having limited legal capacity (Article 54 of the Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ "On state registration of real estate ") [6];

– transactions aimed at the alienation of a share or part of a share in the authorized capital of a company (Article 21 of the Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies") [7];

– pledge agreement for a share or part of a share in the authorized capital of a company (Article 22 of the Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies") [7];

– pledge agreement to secure the fulfillment of obligations under the agreement, which must be notarized (Article 339 of the Civil Code of the Russian Federation) [2];

– a power of attorney to conclude transactions requiring a notarial form, to submit applications for state registration of rights or transactions, as well as to dispose of rights registered in state registers (Article 185.1 of the Civil Code of the Russian Federation) [2];

– a power of attorney issued by way of substitution (Article 187 of the Civil Code of the Russian Federation) [2];

– escrow agreement, with the exception of cases of depositing non-cash funds and (or) book-entry securities (Article 926.1 of the Civil Code of the Russian Federation) [3];

– Assignment of a claim and transfer of a debt based on a transaction made in a notarial form (389 of the Civil Code of the Russian Federation, 391 of the Civil Code of the Russian Federation) [2];

– investment partnership agreement (Article 8 of the Federal Law of November 28, 2011 No. 335-FZ "On Investment Partnership") [8];

– an agreement on the management of economic partnerships (Article 6 of the Federal Law of December 3, 2011 No. 380-FZ "On economic partnerships") [9];

– transactions aimed at alienating a share in the share capital of a business partnership, including those providing for an obligation to conclude a transaction aimed at alienating a share in the share capital of a business partnership in the event of certain circumstances or the fulfillment by the other party of a counter obligation (Article 12 of the Federal Law of December 3, 2011 No. 380-FZ "On economic partnerships") [9] and others.

From the above, it follows how significant the role of the notary is in the economic, as well as in the civil law sphere, and therefore, he could not stay away from the realities of the digital space. On December 29, 2020, Federal Law No. 480-FZ "On Amendments to the Basic Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" came into force, adopted as part of the implementation of the "Digital Economy" program area in order to optimize notarial activities, increase demand notarial protection of the rights of citizens and legal entities in the context of the development of a digital society [10].

The essence of the changes made to the Fundamentals of Legislation on Notaries is: the introduction of new formats for performing notarial acts; technical changes to digitize notarial databases, interdepartmental interaction and open access to data; introduction of new notarial acts performed electronically and remotely. Thus, the sphere of notaries has entered the "orbit" of improved legal regulation using digital technologies. What positive effect did it bring to society?

The new technologies used in the notary now allow, without coming to the notary, to turn to him for such notarial actions as certifying the accuracy of the translation, accepting funds and securities, non-cash funds as a deposit of the notary, handing the documents to the specified person by the notary, making an executive inscription, transferring documents to a notary for storage, providing evidence in the form of viewing information on the Internet, obtaining an extract from the register of notifications on the pledge of movable property, certification of the equivalence of an electronic document prepared by a notary.

To make a request for remote actions, the applicant or his representative must sign an application for a notarial action with an enhanced qualified electronic signature, sending it to the Federal Notary Chamber through the unified information system of the notary or the unified public services portal, and the chamber sends the received application with attachments to the notary who declared in automatic mode about the readiness to perform the corresponding notarial act remotely.

The notary receives information about the applicant independently using a unified identification system and a unified biometric system. Payment for a notarial act and receipt of a completed notarial document in electronic form or a refusal to perform a notarial act are carried out in the same format.

The regulation of the implementation of notarial acts in electronic format is carried out by regulatory acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation, which, in fact, carries out departmental legal regulation, while its volume exceeds the federal level of regulation, since, apart from the Fundamentals of Notaries, there are no other federal laws and regulations. It seems that there is a certain legal problem in this sense.

Article 72 of the Constitution of the Russian Federation refers the notaries to the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation [1]. It follows from this that the regulation of legal relations of the notarial system should be carried out both by federal laws and by laws / regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation. The latter practically do not accept any acts indicating their participation in the legal regulation of the notaries.

The Regulations on the Ministry of Justice of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1313, provide for such a function of the Ministry as the development and implementation of state policy on the legal regulation of notaries", but specific powers in terms of legal regulation of notaries are not indicated [12]. Is it possible to understand the legal regulation of relations under the development and implementation of state policy?

Part 1 of Article 11 of the Constitution of the Russian Federation establishes that state power in the Russian Federation is exercised by the President of the Russian Federation, the Federal Assembly (the Federation Council and the State Duma), the Government of the Russian Federation, and the courts of the Russian Federation [1]. Proceeding from paragraph "e" of Article 71 of the Constitution of Russia, the establishment of the foundations of federal policy and federal programs is within the jurisdiction of the Russian Federation. There is hardly any doubt that federal programs are a tool for implementing federal policy [1]. By virtue of paragraph "m" of the same article of the Constitution, the jurisdiction of the Russian Federation includes ensuring the security of the individual, society and the state in the application of information technologies, the circulation of digital data [1]. These constitutional provisions give rise to confidence that the establishment of state policy and its implementation in the field of the safe use of information technologies, in whatever area they are applied, belongs to the federal level of regulation.

With regard to the field of notaries, it is currently unlikely that it will be possible to find a federal program aimed at implementing state policy on the use of digital technologies specifically in notaries. The Ministry of Justice of the Russian Federation completely took over the regulation of digital notarial acts, taking the necessary orders at its own discretion.

Thus, by orders of the Ministry of Justice of the Russian Federation of September 30, 2020 No. 225 [13], No. 229 [14], No. 232 [15], new rules were introduced on entering information of a reference and analytical nature contained in the unified information system of the notary and related to the activities of notaries , on maintaining registers of the unified information system of the notary, entering information into them, including the procedure for correcting technical errors made in such registers, on the procedure for providing information about a notarial document, on payment for notarial acts performed remotely and other orders of the Ministry of Justice of Russia, mandatory for execution .

It should be noted that back in 2014, the Ministry of Justice, by its order of April 16, 2014 No. 78 (as amended as of September 30, 2020), established for notaries the specifics of working with electronic documents [16]. At first

glance, it seems reasonable to regulate such actions at the level of orders of a federal body and it is hardly advisable to transfer such powers to other bodies. However, there is a doubt about their correspondence with the constitutional norms on the legal regulation of the notaries and ensuring security in the use of information technology, circulation of digital data. The orders of the Ministry of Justice contain precisely such rules.

In addition, the Ministry of Justice also determines the requirements for the format of a notarized document (including transactions) in electronic form (Order No. -legal documents, in particular, transactions not specified in the Civil Code of the Russian Federation.

According to Part 1 of Article 158 of the Civil Code of the Russian Federation, transactions are made orally or in writing (simple or notarial) [2]. Part 1 of Article 163 establishes that notarial certification of a transaction means verification of the legality of the transaction, including whether each of the parties has the right to complete it, and is carried out by a notary or an official entitled to perform such a notarial act, in the manner prescribed by the law on notaries and notary activity [2]. As you can see, the civil legislation does not provide for the form of a transaction made in electronic form, which can hardly be equated with a written one, assuming the presence of a paper carrier, and therefore there is reason to consider it necessary to supplement Article 158 of the Civil Code of the Russian Federation on the electronic form of a transaction [2].

For example, a positive example of the timely adoption of a federal regulatory act is the Federal Law of November 22, 2021 No. 377-FZ “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation”, which established the possibility of electronic document management in the field of labor relations by creating, signing, using and storing documents related to work, in electronic form (without duplication of documents on paper) using the information system of the employer and (or) a single digital platform in the field of employment and labor relations "Work in Russia". The specified Law introduced the concept of an electronic document in labor relations and the procedure for registration [11].

So, at present, in the field of notaries, the actual legal regulation of its activities using digital technologies is carried out only by the Ministry of Justice of Russia, whose powers in this part are not indisputable. It cannot be ignored that the emergence of doubts about the level of legal regulation of relations gives rise to an ambiguous attitude, both of the subjects of law and the court in terms of legally significant consequences. In cases where there is no certainty that the Ministry of Justice has the authority to regulate the procedure for maintaining the register of the unified information system of the notary, doubts arise about the legality of the transaction and related documents drawn up in electronic form and entered into the information system.

Can a participant in litigation take advantage of these doubts and claim the invalidation of an electronically certified transaction on the basis provided, for example, by Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with a violation of the requirements of a law or other legal act? [2]. There is probably no definitive answer.

It seems that in pursuance of paragraph "e" of Article 71 of the Constitution [1], there is a need for the Government of the Russian Federation to inter-

vene and adopt a resolution on the approval of the federal program, in which to determine the position of federal bodies, including the Ministry of Justice of Russia, in terms of the authority to adopt regulations defining the procedure for performing notarial acts using digital technologies and processing electronic documents that have legal significance. Only if there is such a decision, the rights of the Ministry of Justice, specified in the Regulations on the Ministry of Justice of the Russian Federation, will acquire an undeniable character from the standpoint of law.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/ 2020) // www. consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [et al.]; edited by S.A. Komarov. 4th ed., reprint. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional comments).

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // www. consultant.ru

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021) // www. consultant.ru

4. Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta, March 20, 2019.

5. Explanatory note to draft No. 424632-7 of the Federal Law “On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (On Digital Rights)” System for ensuring legislative activity // https: // sozd.duma. gov.ru/bill/424632-7

6. Federal Law of July 13, 2015 No. 218-FZ “On State Registration of Real Estate” // www. consultant.ru

7. Federal Law No. 14-FZ of February 8, 1998 (as amended on July 2, 2021, as amended on February 25, 2022) “On Limited Liability Companies” // www. consultant.ru

8. Federal Law of November 28, 2011 No. 335-FZ “On Investment Partnership” // www. consultant.ru

9. Federal Law of December 3, 2011 No. 380-FZ “On economic partnerships” // www. consultant.ru

10. Federal Law No. 480-FZ “On Amendments to the Basic Legislation of the Russian Federation on Notaries and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // www. consultant.ru

11. Federal Law of November 22, 2021 No. 377-FZ “On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation”

12. Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1313 (as amended on February 24, 2022) “Issues of the Ministry of Justice of the Russian Federation” // www. consultant.ru

13. Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 225 “On approval of the procedure for maintaining registers of the unified notary informa-

tion system, entering information into them, including the procedure for correcting technical errors made in such registers" // https://minjust.gov.ru /en/documents/8040/

14. Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 229 "On approval of the procedure for presenting information about a notarial document and the format for its placement on a document using machine-readable markings" // https://minjust.gov.ru/ru/documents/8044/

15. Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 232 "On approval of the procedure for sending an application for performing a notarial act remotely, making payment for a notarial act, including using electronic means of payment, returning the amount of payment to the applicant for performing a notarial act remotely, as well as interaction applicant or his representative who applied for a notarial act remotely, and a notary public" // https://minjust.gov.ru /ru/documents/8045/

16. Order of the Ministry of Justice of Russia dated April 16, 2014 No. 78 (as amended on September 30, 2020) "On approval of the Rules for notarial office work" // http: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162343/

17. Order of the Ministry of Justice of Russia dated September 30, 2020 No. 227 "On approval of the requirements for the format of a notarized document in electronic form" // https://minjust.gov.ru/ru/documents/8042/

For citation: Tverdova T.V., Mukhlynina M.M. Legal regulation of relations using digital technologies in the field of notaries: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 130–136.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.010

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.410.9
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.011

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: проблемы применения

Авраменко А.О.*
Веретенников Н.Н.**

Аннотация. В практическом варианте административные дела рассматривались в соответствии с правилами гражданского и арбитражного судопроизводства, тем самым создавая определенные проблемы в правоприменительной практике.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации не решила проблемы правоприменения, а только актуализировало их. Проблемы касались несовершенства правового мезанизма защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц от нарушений со стороны государственных органов, органов местного управления и должностных лиц.

Учитывая значимость и масштабность данного вида производства, а также необходимость совершенствования правового регулирования административного судопроизводства в России, данная тема является актуальной.

Ключевые слова: суды, административный процесс, судебное заседание, граждане, юридические лица, защита, права.

Концепция разрешения спорных правоотношений посредством судебной власти подробно разработана советской и российской гражданско-правовой науке. Относительно разрешения судами споров в публично-правовой сфере, то этим исследованиям уделяется внимание лишь в постсоветское время, когда приоритетной политикой государства стали вопросы защиты прав человека и гражданина.

В отличие от гражданско-правовых споров, споры, связанные с публично-правовой сферой, имеют свои особенности:

во-первых, спецификой состава участников административно-правовых споров (государственные, муниципальные и иные органы и их должностные лица);

* *Авраменко Ангелина Олеговна*, студент Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск. E-mail: Avramenko_Angelinka@mail.ru

** *Веретенников Николай Николаевич*, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Хабаровск. E-mail: veretnn@mail.ru

во-вторых, неравенство участников спорных административно-правовых отношений, находящихся в отношении власти и подчинения;

в-третьих, в административно-правовых спорах обязанность доказывания законности действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо.

Эти особенности были учтены разработчиками Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), который вступил в силу 15 сентября 2015 г. [2]. Он оценивается одними учеными и практикующими юристами как весьма положительное явление, другие же на эту тему выступают с доброй долей скептицизма.

Так, по мнению профессора Ю.Н. Старилова, принятие КАС РФ стало грандиозным событием, которое войдет в историю российского законотворчества. Только с принятием этого закона появилась законченная система административно-процессуального регулирования отношений, связанных с оспариванием в суде решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц [8].

Несколько осторожную позицию по данному вопросу придерживается профессор Т.В. Сахнова. Концептуально не возражая против необходимости принятия специального административно-процессуального механизма судебной защиты прав и свобод гражданина и человека, уважаемый профессор пишет, что механический перенос судебных процедур из одного законодательного акта (ГПК) в другой (КАС) правовую природу данных процедур не меняет. Введенные в текст нового Кодекса термины «исковое административное заявление», «административный истец» и др. лишь демонстрируют беспомощность законодателя, ибо никакой онтологической основы под собой не имеют. Подобными «нововведениями» идею административного иска оживить и «внедрить» в правовое поле нельзя [7].

Более категоричную точку зрения высказывает доцент Д.А. Туманов: «принятие Кодекса административного судопроизводства РФ не просто не повысило уровень защиты от государственного произвола, а, наоборот, снизило его». КАС РФ принимался в спешке, ряд содержащихся в нем положений имеет существенные дефекты, которые не будут способствовать эффективной защите общественных интересов» [9].

Наша же позиция схожа с точкой зрения политического деятеля Древнего Рима оратора Марка Туллия Цицерона – Dura lex sed lex (Закон суров, но это закон), т.е. каким бы несовершенным ни был закон, его необходимо уважать, соблюдать и выполнять.

В этой связи следует отметить, что любой вновь принятый нормативно-правовой акт, тем более в такой сложнейшей сфере, как судебное регулирование спорных общественных отношений, всегда несовершенен, в практике правоприменения требует осмыслении и внесения необходимых поправок в процессе его реализации.

Наиболее важной проблемой, с которой столкнулись юристы в начальный период действия КАС РФ, был вопрос подсудности, который является конституционно значимым, поскольку в соответствии с частью 1 статьи 47 Конституции РФ никто не может быть лишен права на рассмотрение

его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [1].

Как справедливо замечено профессором А. Т. Боннером, судьям, адвокатам и иным практикующим юристам, а с ними и гражданам теперь приходится ломать голову: согласно какому Кодексу (ГПК или КАС) нужно заявлять и соответственно рассматривать то или иное требование? [5], или иными словами – какими должны быть основные критерии для определения предмета судебного разбирательства – частно-правовой или публично-правовой и как следствие этого, применение КАС РФ или ГПК РФ в спорных правоотношениях.

Вопросы подсудности дел, вытекающих из публичных правоотношений в практике применения КАС РФ нашли свое отражение в письме Верховного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. №7-ВС-7105/15 «Председателям верховных судов республик, краевых и областных судов Московского и Санкт-Петербургского городских судов, судов автономной области и автономных округов Российской Федерации, Апелляционных судов Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В письме дается разъяснение, что критерием правильного определения вида судопроизводства (исковое или административное), в котором подлежат защите права и свободы гражданина или организации, является характер правоотношений, который предопределяется не только участием в них в качестве одного из субъектов таких органов, но и тем, что участники таких правоотношений не обладают равенством и один из них наделен властными полномочиями по отношению к другому. При этом избранная лицом форма обращения в суд (подача административного искового заявления или искового заявления) не является определяющей для возбуждения гражданского или административного судопроизводства.

В дальнейшем Пленум Верховного Суда в своем Постановлении от 27 сентября 2016 г. № 36 (с изм. от 9 июля 2020 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» в целях обеспечения единства практики применения судами общей юрисдикции законодательства об административном судопроизводстве дал определенные разъяснения [3], но сложность понимания состоит в том, что органы государственной власти могут выступать в качестве стороны в гражданских правоотношениях (представляя Российскую Федерацию, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования) и какую роль играет орган власти в этих спорных правоотношениях, бывает достаточно сложно определить, поскольку властными полномочиями обладают и иные не государственные органы, наделенные соответствующими властными полномочиями, которые становятся стороной в административном судопроизводстве.

Нормативная основа и процедура наделения властными полномочиями является разнообразной и в связи с этим представляется сложно определить, является ли государственный или иной орган органом власти, а лицо – должностным, именно в контексте административного судопроизводства. И, наконец, главным является то, что далеко не всегда очевидно, в какой сфере правоотношения следует считать публичными, а в какой – частными.

К примеру, нормативные акты Пенсионного Фонда России, а именно взыскание различного вида задолженностей с физических лиц оспариваются в порядке КАС РФ, однако оспаривание действий, бездействий, решений фонда и его отделений (к примеру, отказ в выплате социальных пособий или пенсии) производится по правилам искового производства ГПК РФ.

То же можно сказать и о других государственных фондах. В частности, отказ в оказании медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию (ОМС), а равно ненадлежащее ее оказание, а также решения и деятельность Федерального Фонда обязательного медицинского страхования, следует оспаривать в порядке ГПК РФ, а не по КАС РФ. Почему именно в порядке искового производства, не совсем понятно.

Достаточно продолжительное время долги по налогам и налоговым платежам с физических лиц взыскивались в соответствии с указаниями налогового законодательства и сложившейся в стране практикой, путем обращения с гражданскими исками или заявлениями о выдаче судебных приказов в порядке ГПК РФ. Получается, что эти правоотношения, с позиции процесса, считались частными. В настоящее время взыскания задолженностей в соответствии с подпунктом 3 пункта 3 статьи 1 производятся по правилам КАС РФ [2].

Не вызывает оптимизма и разнообразная судебная практика по регионам России при рассмотрении отдельных категорий дел по правилам КАС РФ, в частности по делам об оспаривании отказа органов государственной власти в заключении (продлении) договоров аренды государственного и муниципального имущества, по делам об отказе в приватизации. Вызывет определенные трудности и разрешение дел об оспаривании действий и решений таких органов, как Счетная палата Российской Федерации, Государственный банк Российской Федерации и других.

К примеру, если решения Высшей квалификационной коллегии судей РФ и решения квалификационных коллегий судей субъектов РФ, Высшей экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи обжалуются в порядке КАС РФ, о чем прямо указано в подпунктах 4, 5 пункта 2 статьи 2 Кодекса [2], то по решениям соответствующих квалификационных коллегий нотариусов и адвокатов в Кодексе ничего не сказано.

Не совсем понятна позиция законодателя в вопросах права государственного служащего обратиться за защитой своих нарушенных прав. Из государственных служащих лишь военнослужащие вправе оспаривать действия и решения органов военного управления и воинских должностных лиц по правилам КАС РФ. Остальные, государственные служащие, в том числе и служащие, оспаривают действия и решения своих начальников в порядке ГПК РФ.

Кроме того, к недостаткам Кодекса следует отнести следующие пробелы.

К примеру, в КАС РФ (как и в ГПК РФ), в отличие от Арбитражного процессуального кодекса РФ (статьи 136, 163 и др.), по непонятной причине нет такого правового понятия, как перерыв судебного разбирательства. Отсутствие в Кодексе данной правовой нормы судьи компенсируют

таким понятием, как судебное усмотрение (надо же делать перерыв на обед, отдых и др.), но усмотрение в отсутствие соответствующей правовой нормы ведет к нарушению закона и отмене судебного решения по формальным основаниям.

Также в КАС РФ не достаточно развит такой важнейший правовой институт, как продление процессуальных сроков судом. По конкретным делам в Кодексе он присутствует: «о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении»; «о продлении административного надзора» и «о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке» [2]. В то же время, вопрос о продлении процессуального срока, по аналогии с нормами статьи 111 ГПК РФ, законодателем в КАС РФ не нашел своего развития.

Позитивным, с нашей точки зрения, следует отметить ряд нововведений, содержащихся в КАС РФ и воспроизводящих, в частности, специфику административного судопроизводства. В целях обеспечения паритета интересов сторон, защиты «наиболее слабой» стороны судебного процесса КАС РФ предоставляет суду активную роль в судебном процессе. Суд вправе по собственной инициативе истребовать доказательства (пункт 1 статьи 63 КАС РФ), привлечь надлежащего ответчика без согласия истца (пункт 1 статьи 43 КАС РФ), проверить соглашение о примирении на предмет допустимости взаимных уступок (пункт 5 статьи 137 КАС РФ) [2].

Расширены и полномочия суда апелляционной инстанции, которому предоставлена возможность самостоятельно применить меры предварительной защиты либо приостановить исполнение судебного решения по делу (пункт 1 статьи 306 КАС РФ) [2].

Вышеизложенные положения применяются судами общей юрисдикции на практике. Наиболее часто суды используют полномочия по самостоятельному истребованию доказательств и привлечению надлежащего ответчика. В одном их дел, к примеру, апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции со ссылкой на необходимость привлечь надлежащего ответчика и истребовать доказательства [4].

Однако стоит отметить, что в действительности активная роль суда может проявляться в получении информации не только от органа государственной власти или должностного лица, но и от гражданина или юридического лица.

Инициатива суда может проявляться и в использовании широкого круга полномочий по сохранению порядка в судебном заседании, в том числе посредством применения мер процессуального принуждения. В отличие от ГПК РФ, в административном процессе суд может ограничить выступление участника судебного разбирательства или лишить его слова (статья 118 КАС РФ) [2].

Ограничение выступления применяется в случае, если участник судебного разбирательства касается вопроса, не относящегося к данному делу, а лишение слова может быть применено, если участник нарушает последовательность выступлений, систематически не исполняет требования судьи, допускает грубые выражения или высказывания, призывает к осуществлению незаконных действий. При этом принятие такой меры не требует

вынесения определения в виде отдельного судебного акта и разрешение данного вопроса осуществляется председательствующим в судебном заседании, о чем указывается в протоколе судебного заседания. Обжалование ее применения возможно лишь при обжаловании итогового судебного акта, принятого на соответствующей стадии процесса (пункт 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 № 36 (ред. от 09.07.2020) [3].

Суд также может применить меру в виде обязательства о явке – письменного обязательства своевременно являться на заседание по вызову суда (статья 121 КАС РФ) – в отношении лица, участие которого является обязательным по закону или по решению суда [2].

В заключение отметим, что рассмотренные выше проблемные вопросы применения КАС РФ в практике судов общей юрисдикции требуют своего разрешения в законодательном порядке и кроме того, осмысления юридической наукой концептуальных вопросов, связанных с публичными правоотношениями в рамках административного судопроизводства, поскольку, как справедливо замечено профессором А.Б. Зеленцовым официальное признание спора как предмета административного судопроизводства ставит вопрос о необходимости пересмотра господствующей парадигмы административного правонарушения [6].

Также представляется необходимым дополнить КАС РФ статьей 152 прим. «Перерыв в судебном заседании». Согласно содержанию данной статьи суд по ходатайству лица, участвующего в деле, или по своей инициативе может объявить перерыв в судебном заседании.

Кроме того, следует обратить внимание законодателя и на право суда в продлении процессуального срока, дополнив КАС РФ статьей 92 прим. «Продление процессуальных сроков».

Подобные изменения будут способствовать более полному обеспечению прав и законных интересов участников административного судопроизводства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 333 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

2. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 13.01.2022) // www.consultant.ru

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 (с изм. от 9 июля 2020 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 01.03.2016 по делу № 33а-1755/2016 // www.consultant.ru.

5. *Боннер А.Т.* Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. –2016. – № 7. – С. 24–51.

6. *Зеленцов А.Б.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как предпосылка смены парадигмы в теории административного права // Административное право и процесс. – 2015. – № 11. – С. 22–37.

7. *Сахнова Т. В.* Достижимо ли единство цивилистического процесса? (в контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 4. – С. 3–10.

8. *Старилов Ю.Н.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации – надлежащая основа для развития административно-процессуальной формы и формирования нового административного процессуального права // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – № 1. – С. 31.

9. *Туманов Д.А.* Общественный интерес и административное судопроизводство // Закон. – 2016. – № 12. – С. 101–109.

Для цитирования: *Авраменко А.О., Веретенников Н.Н.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: проблемы применения: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 137–143.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.011

Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: problems of application

Angelina O. Avramenko *
Nikolay N. Veretennikov **

Annotation. In the practical version, administrative work was considered in accordance with the decisions of civil and arbitration proceedings, thereby creating mandatory problems in orthogonal practice.

The Principality of the Code of Administrative washing of products of the Russian Federation did not solve the problems of law enforcement, but only updated them. The problems concerned the inconsistency of the legal mechanism requiring the rights and legitimate interests of a citizen and legal entities from the state bodies, local government bodies and long-lived persons violated with the parties.

We load the value and massability of this type of production, as well as the need to improve the legal regulation of administrative washing in Russia, this topic is relevant.

Key words: courts, administrative process, court session, citizens, legal entities, community, rights.

The concept of resolving disputed legal relations through the judiciary has been developed in detail by Soviet and Russian civil law science. Regarding the resolution of disputes in the public law sphere by courts, attention is paid to these studies only in the post-Soviet era, when the protection of human and civil rights became a priority policy of the state.

Unlike civil law disputes, disputes related to the public sphere of law have their own characteristics:

* *Avramenko Angelina Olegovna,* student of the Pacific state University, 680035, Russia, Khabarovsk, E-mail: Avramenko_Angelinka@mail.ru

** *Veretennikov Nikolay Nikolaevich,* associate Professor of the Department of state and legal disciplines of the Pacific state University, candidate of law, associate Professor, Khabarovsk. E-mail: veretnn@mail.ru

firstly, the specifics of the composition of participants in administrative and legal disputes (state, municipal and other bodies and their officials);

secondly, the inequality of participants in disputed administrative-legal relations who are in a position of power and subordination;

thirdly, in administrative and legal disputes, the obligation to prove the legality of actions (inaction) of bodies, organizations and officials is assigned to the relevant body, organization and official.

These features were taken into account by the developers of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (hereinafter – CAS RF), which entered into force on September 15, 2015 [2]. It is assessed by some scientists and practicing lawyers as a very positive phenomenon, while others speak on this topic with a good deal of skepticism.

So, according to Professor Yu.N. Starilov, the adoption of the CAS of the Russian Federation was a grandiose event that will go down in the history of Russian lawmaking. Only with the adoption of this law did a complete system of administrative and procedural regulation of relations related to challenging decisions, actions (inaction) of public authorities and their officials appear in court [8].

A somewhat cautious position on this issue is taken by Professor T.V. Sakhnov. Conceptually, without objecting to the need to adopt a special administrative and procedural mechanism for the judicial protection of the rights and freedoms of a citizen and a person, the respected professor writes that the mechanical transfer of judicial procedures from one legislative act (CPC) to another (CAS) does not changes. The terms “administrative statement of claim”, “administrative plaintiff”, etc., introduced into the text of the new Code, only demonstrate the helplessness of the legislator, because they have no ontological basis. Such "innovations" cannot revive the idea of an administrative claim and "introduce" it into the legal field [7].

A more categorical point of view is expressed by Associate Professor D.A. Tumanov: "The adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation not only did not increase the level of protection against state arbitrariness, but, on the contrary, reduced it." The CAS RF was adopted in a hurry, a number of provisions contained in it have significant defects that will not contribute to the effective protection of public interests” [9].

Our position is similar to the point of view of the politician of Ancient Rome orator Mark Tullius Cicero – Dura lex sed lex (The law is harsh, but it is the law), i.e. however imperfect the law may be, it must be respected, observed and carried out.

In this regard, it should be noted that any newly adopted legal act, especially in such a complex area as the judicial regulation of contentious public relations, is always imperfect, in the practice of law enforcement it requires reflection and the necessary amendments in the process of its implementation.

The most important problem that lawyers faced in the initial period of the RF CAS was the issue of jurisdiction, which is constitutionally significant, since, in accordance with Part 1 of Article 47 of the Constitution of the Russian Federation, no one can be deprived of the right to have his case heard in that court and by the judge to whose jurisdiction it is assigned by law [1].

As rightly noted by Professor A. T. Bonner, judges, lawyers and other practicing lawyers, and citizens with them, now have to rack their brains: according to which Code (CPC or CAS) one should declare and, accordingly, consider this or that claim? [5], or in other words – what should be the main criteria for determining the subject of litigation – private law or public law and, as a result, the application of the CAC RF or CPC RF in disputed legal relations.

The issues of jurisdiction of cases arising from public relations in the practice of applying the CAC RF were reflected in the letter of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 5, 2015 No. Petersburg city courts, courts of the autonomous region and autonomous districts of the Russian Federation, Courts of Appeal of the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. The letter clarifies that the criterion for the correct determination of the type of legal proceedings (claim or administrative), in which the rights and freedoms of a citizen or organization are to be protected, is the nature of legal relations, which is predetermined not only by participation in them as one of the subjects of such bodies, but also by the fact that the participants in such legal relations do not have equality and one of them is endowed with power over the other. At the same time, the form of applying to the court chosen by the person (filing an administrative statement of claim or statement of claim) is not decisive for initiating civil or administrative proceedings.

In the future, the Plenum of the Supreme Court in its Resolution No. 36 of September 27, 2016 (c ed. dated July 9, 2020) "On some issues of application by courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation" in order to ensure the unity of practice of application by courts of general jurisdiction of legislation on administrative proceedings gave certain explanations [3], but the difficulty of understanding is that public authorities can act as a party in civil legal relations (representing the Russian Federation, the subjects of the Russian Federation and municipalities) and what role does the authority play in these disputed legal relations, it can be quite difficult to determine, since other non-state bodies, endowed with appropriate authority, which become a party in administrative proceedings, also have authority.

The regulatory framework and the procedure for granting authority is diverse and, therefore, it seems difficult to determine whether a State or other authority is an authority, and a person is an official, precisely in the context of administrative proceedings. And finally, the main thing is that it is not always obvious in which area of legal relations should be considered public, and in which – private.

For example, the regulations of the Pension Fund of Russia, namely, the collection of various types of debts from individuals are disputed in the order of the CAS of the Russian Federation, however, challenging actions, inactions, decisions of the Fund and its branches (for example, refusal to pay social benefits or pensions) is carried out according to the rules of the claim proceedings of the CPC of the Russian Federation.

The same can be said about other state funds. In particular, the refusal to provide medical care for compulsory medical insurance (CHI), as well as improper provision of it, as well as the decisions and activities of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund, should be challenged in accordance with

the procedure of the CPC of the Russian Federation, and not under the CAS of the Russian Federation. Why exactly in the order of claim proceedings is not entirely clear.

Delivered for a long time, we pay debts on orders and orders from physicists in accordance with the instructions on the procedure of legislation and the prevailing practice, through the handling of civil lawsuits or applications for the issuance of court screenings in the flogging of the CPC of the Russian Federation. It's better that this is a legal relationship, from the position of the process, read honorary. In the coming time, the duration is called in accordance with sub-point 3 of point 3 of state 1 is made according to the rules of the RF cash register [2].

Do not shout optimism and a variety of judicial practice in the regions of Russia when considering other categories of cases under the rules of the cashier of the Russian Federation, in honor in cases of challenging the abolition of the state Authority in closed (extension) contractual leases of state and municipal immunity, in cases of cancellation of privatization. Supreme determination of pregnancy and resolution of cases on challenging the actions and decisions of such bodies as the Fourth Palace of the Russian Federation, the State Bank of the Russian Federation, etc.

For example, a new qualification board of judges of the Russian Federation was decided and the qualification board of judges of the subjects of the Russian Federation was allowed, the higher ec is the replacement commission for the admission of a qualification exam for a long-lived judicial board in the CAS of the Russian Federation, as we indicate in sub-paragraphs 4, 5 of paragraphs 2 of Article 2 of the Code [2], which, by permission of the relevant qualification boards of notaries and nothing is stipulated in the codes of lawyers.

The position of the legislator in matters of the right of a civil servant to apply for protection of his violated rights is not entirely clear. Of the civil servants, only military personnel have the right to challenge the actions and decisions of the military authorities and military officials according to the rules of the CAC RF. The rest, civil servants, including employees, challenge the actions and decisions of their superiors in the order of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation.

In addition, the following gaps should be attributed to the shortcomings of the Code.

For example, in the CAS of the Russian Federation (as well as in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation), in contrast to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (Articles 136, 163, etc.), for some unknown reason, there is no such legal concept as a break in the debate. Judges compensate for the absence of this legal norm in the Code with such a concept as judicial discretion (you must take a break for lunch, rest, etc.), but discretion in the absence of an appropriate legal norm leads to a violation of the law and the annulment of the court decision on formal grounds.

Also, such an important legal institution as the extension of procedural periods at home is not sufficiently developed in the CAS RF. For specific cases in the Code, it is present: “on the extension of the period of stay of a foreign citizen, subject to deportation or readmission, in a special institution”; “On the

extension of administrative supervision" and "On the extension of the period of hospitalization on a non-voluntary basis" [2]. At the same time, the issue of extending the procedural period, by analogy with the norms of Article 111 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, the legislator in the CAC RF did not find its development.

Positive, from our point of view, they make sure that the genus is new, contained in the CAS of the Russian Federation and producing, in honor, the specification of administrative proceedings. In the whole secured parities of interests of the curtains, behind which the "weakest" parties of the judicial process of the CAS of the Russian Federation are given to the court active work in the judicial process. The court is right on the Conciliar Initiative to eradicate the evidence (paragraph 1 of Article 63 of the CAS of the Russian Federation), involve a competent defendant without the consent of the plaintiff (paragraph 1 of Article 43 of the CAS of the Russian Federation), check the enrollment agreement for the admissibility of all concessions (paragraph 5 of Article 137 of the CAS of the Russian Federation) [2].

The expanded and authorized courts of appeal, which are given the opportunity to independently apply the Measure of the lobar-noy to read or stop the developers of the court decision in part (paragraph 1 of Article 306 of the CAS of the Russian Federation) [2].

The above provisions are applied by courts of general jurisdiction in practice. Most often, the courts use the power to independently require evidence and involve the proper defendant. In one of their cases, for example, the appellate instance overturned the decision of the court of first instance with reference to the need to involve the proper defendant and require evidence [4].

However, it should be noted that in reality the active role of the council can be manifested in obtaining information not only from a state authority or an official, but also from a citizen.

The initiative of the council can also be manifested in the use of a wide range of powers to maintain order in a public meeting, including through the use of measures of procedural coercion. In contrast to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, in the administrative process, the court may limit the speech of a participant in the trial or deprive him of his word (Article 118 of the CAC RF) [2].

Limited fiction is applied in the case of esli scientist judicial intelligibility of the Cassai question, not related to this work, and devoid of letters can be applied, esli scientist violates the consistency of the truth, systematically does not work out in need of judgments, admits gross Enchanted or Resurrection, calling for the resolution of illegal actions. At the same time, such measures should not be prescribed in a prominent remote fateful act and the dismissal of this issue is drained by the presiding judge in a fateful hearing, as indicated in the minutes of the court session. It is possible to deprive the grieving of the EEA with the grieving of the final judicial act, forced to the maturing stages of the process (paragraph 44 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2016 No. 36 (ed. of 09.07.2020) [3].

The court may also apply a measure in the vision of an explanation of appearance-a competent explanation all the time acting at a meeting on a court

visa (Article 121 of the CAS of the Russian Federation) – in relation to persons whose fate I am explanatory by law or by court decision [2].

In conclusion, we note that the problematic issues of the application of the CAS of the Russian Federation discussed above in the practice of courts of general jurisdiction require their resolution in the legislative order and, in addition, the comprehension by legal science of conceptual issues related to public legal relations within the framework of administrative proceedings, since, as rightly noted by Professor A.B. Zelentsov, the official recognition of a dispute as a subject of administrative proceedings raises the question of the need to revise the dominant paradigm of an administrative offense [6].

It also seems necessary to supplement the CAS RF with Article 152 "A break in the court session". According to the content of this article, the court, at the request of the person participating in the case, or on its own initiative, may announce a break in the court session.

In addition, the attention of the legislator should also be drawn to the right of the court to extend the procedural period, supplementing the CAS RF with Article 92, "Extension of procedural terms". Such changes will contribute to a more complete provision of the rights and legitimate interests of participants in administrative proceedings.

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 333 p. (Series: Professional Comments).

2. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation No. 21-FZ dated March 8, 2015 (as amended on December 30, 2021, as amended on January 13, 2022) (as amended and supplemented, effective from January 10, 2022) // www. consultant.ru

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2016 No. 36 (as amended on July 9, 2020) "On some issues of application by the courts of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation" // www.consultant.ru

4. Appeal decision of the court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra dated 03/01/2016 in case No. 33a-1755/2016 // www.consultant.ru.

5. Bonner A.T. Administrative legal proceedings in the Russian Federation: myth or reality, or a dispute between a proceduralist and an administrativeist // Law. 2016. No. 7. P. 24–51.

6. Zelentsov A.B. The Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation as a Prerequisite for a Paradigm Shift in the Theory of Administrative Law // Administrative Law and Procedure. 2015. No. 11. P. 22–37.

7. Sakhnova T. V. Is the unity of the civil process achievable? (in the context of the concept of a unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the

Code of Administrative Procedure) // Arbitration and Civil Procedure. 2015. No. 4. P. 3–10.

8. Starilov Yu. N. The Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation – an appropriate basis for the development of the administrative procedural form and the formation of a new administrative procedural law // Journal of Administrative Proceedings. 2016. No. 1. P. 31.

9. Tumanov D.A. Public interest and administrative proceedings // Law. 2016. No. 12. P. 101–109.

For citation: Avramenko A.O., Veretennikov N.N. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: problems of application: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 143–149.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.011

Научная статья

УДК 342.5
ББК 67.400.2; 67.401
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.012

Вопросы безопасности в стратегиях Российской Федерации

К.В. Шафигулин*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы безопасности современного Российского государства и безопасности граждан России. Анализируются конституционные нормы, нормы принятых законов о безопасности, а также стратегий национальной безопасности и безопасности в отдельных сферах. Выявлены некоторые противоречия, а также сформулированы предложения, которые должны помочь в повышении эффективности государственного управления в области национальной безопасности (безопасности) как государства, так и личности.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; национальная безопасность; безопасность государства; безопасность граждан; стратегия; жизненно важные интересы; национальные интересы.

В Конституции Российской Федерации** термин «безопасность» используется неоднократно, причем в различных контекстах [1]. Так, Основной Закон страны запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены, в том числе на подрыв безопасности государства [1, ст. 13]; предусмотрено идет о праве на труд «в условиях, отвечающих требованиям безопасности» [1, ст. 37]; вопросы безопасности в общем плане, а также безопасности личности, общества и государства отнесены к вопросам ведения Российской Федерации [1, п. «м» ст. 71], а вопросы общественной безопасности и экологической безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов России [1, п. «б» и п. «д» ч. 1 ст. 72].

Одними из существенных конституционных дефиниций, связанных с безопасностью, на наш взгляд, являются нормы, по которым, во-первых, в целях обеспечения **безопасности государства** федеральным законом могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина [1, ч. 3 ст. 55] и во-вторых, отдельные ограничения прав и свобод человека и гра-

* *Шафигулин Кирилл Витальевич,* аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Научный руководитель *Винокуров Владимир Анатольевич,* доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург).

** Для удобства восприятия текста настоящей статьи Конституция Российской Федерации далее также именуется Основной Закон страны, Основной Закон государства.

жданина (с указанием пределов и срока их действия) могут устанавливаться в соответствии с федеральным конституционным законом в условиях чрезвычайного положения для обеспечения **безопасности граждан** [1, ч. 1 ст. 56].

Как видим, понятие «безопасность» используется в Конституции Российской Федерации весьма в широких рамках, что, в какой-то мере подтверждается разъяснением этого термина. В толковых словарях это слово объясняется как состояние, при котором не угрожает опасность [2, с. 39] или как отсутствие опасности [3, с. 113].

Исходя из буквального понимания термина «безопасность», следует, что его использование в нормативных правовых актах без указания на то, о какой безопасности идет речь или о безопасности в отношении кого или чего осуществляется правовое регулирование, на наш взгляд, слабо информативно, то есть не позволяет понять, что именно рассматривается в нормативном акте, то есть о какой именно безопасности идет речь.

Первоначально закон, призванный на законодательном уровне урегулировать вопросы безопасности государства и безопасности личности, был принят Верховным Советом Российской Федерации в 1992 году, получив при этом, по сути, обезличенное и весьма обширное наименование «О безопасности» [4]. Однако в данном Закона Российской Федерации было указано, что речь в этом акте (в части именно безопасности) идет о закреплении правовых основ обеспечения безопасности личности, общества и государства, а также давалось определение этому термину: «безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» и пояснялось, что жизненно важными интересами является «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства» [4, преамбула; ст. 1].

Иначе говоря, Закон Российской Федерации определял необходимость обеспечения безопасности: во-первых, личности, во-вторых, государства (общество в данном случае можно рассматривать как совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни [2, с. 452], то есть как объединение людей и государства), причем в двух направлениях: от внутренних угроз и от угроз внешних.

Интересно, что названным Законом Российской Федерации одной из основных задач Совета безопасности Российской Федерации значилось «определение жизненно важных интересов личности, общества и государства» [4, ст. 15]. К сожалению, документ, устанавливающий, что относится к таким жизненно важным интересам, либо не был принят, либо официально не опубликован.

Профессор А.В. Мелехин, подготавливая в 2009 году курс лекций по административному праву России, в котором, рассматривал также понятие безопасности, предложил считать жизненно важным интересом личности, общества и государства «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает их существование и возможность прогрессивного развития» [5, п. 18.1]. Однако данное пояснение содержит множество весьма общих понятий («совокупность потребностей», «надежно обеспечи-

вает», «прогрессивное развитие»), которые не позволяют конкретизировать жизненно важные интересы личности, общества и государства. Вероятно, невозможность четкого определения жизненно важных интересов привела к тому, что это словосочетание исчезло из нового правового акта – Федерального закона «О безопасности», принятого в 2010 году [6].

Как видим, названный Федеральный закон, пришедший на смену Закону Российской Федерации, получил аналогичное имя собственное: «О безопасности». Но при этом в новом законодательном акте сказано, что им определяются «основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации...» [6, ст. 1]. В данном случае, законодатель решил, что следует регулировать деятельность по обеспечению в первую очередь, безопасности государства; во вторую – общественной безопасности; в третью – экологической безопасности; лишь в четвертую – безопасности личности; и в пятую – всех остальных видов безопасности, причем без указания сфер (внутренних, внешних), то есть была предпринята попытка установить общие правила в отношении всех видов безопасности.

Заключительная фраза о необходимости обеспечения «иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации», по нашему мнению, не выдерживает критики, поскольку в Российской Федерации уже существует более десяти федеральных законов, в которых регулируются вопросы безопасности человека и государства в различных областях деятельности [7–12].

Кроме того, следует отметить, что использование в законодательстве после конкретного перечисления каких-либо позиций словосочетаний «и иное», «и другое» (в различных падежах) абсолютно недопустимо, поскольку, с одной стороны, оставляет список открытым, что губительно для понимания и исполнения закона, так как позволяет до бесконечности его расширять, придумывая очередные новые конструкции, часто не имеющие общего с заложенными первоначально основами; с другой стороны, создает неопределенность в вопросах регулирования тех позиций, которые скрываются за словосочетаниями «и иное» или «и другое».

Одновременно Федеральным законом «О безопасности» используемые в нем понятия «безопасность» и «национальная безопасность» объявляются синонимами, что, на наш взгляд, лишь вносит путаницу в понимание как существа терминов, так и решаемых государством задач. Следует также отметить, что понятие «национальная безопасность» в Конституции Российской Федерации не используется и в рассматриваемом в настоящей статье контексте употребляются лишь такие понятия как «безопасность государства» и «безопасность личности».

Основной Закон государства не наделяет Президента Российской Федерации полномочиями по утверждению каких-либо программных документов (стратегий, доктрин), касающихся безопасности личности и государства. В то же время Федеральный закон «О безопасности» предусматривает, что глава государства «утверждает стратегию национальной безопас-

ности Российской Федерации, иные концептуальные и доктринальные документы в области обеспечения безопасности» [6, п. 2 ст. 8]. Похожая норма, устанавливающая, что «документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации … утверждаются (одобряются) Президентом Российской Федерации», содержится и в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [13, ч. 2 ст. 17].

К сожалению, ни в указанных федеральных законах, ни в других законодательных актах не содержится определение понятий «безопасность» и «национальная безопасность», в том числе для целей, указанных в Конституции Российской Федерации (имеется в виду безопасность государства и безопасность личности). Отсутствует также законодательное пояснение, что следует понимать под безопасностью и что под национальной безопасностью, то есть имеются ли различия в правовом содержании этих терминов.

Очередной вариант Стратегии национальной безопасности Российской Федерации утвержден Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 [14]. В названной Стратегии вводится определение национальной безопасности, под которой предлагается понимать: «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны».

Следует обратить внимание, что в первом документе, посвященном национальной безопасности (документ утратил силу) – Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24) [15], под национальной безопасностью Российской Федерации понималась «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации», что соответствовало конституционным нормам: безопасность личности как основа безопасности государства.

Анализ определения национальной безопасности, используемого в действующей в настоящее время Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, по которому национальная безопасность – это «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз», позволяет сделать вывод о том, что национальная безопасность сегодня – это состояние защищенности именно государства – Российской Федерации. Далее, правда, в документе поясняется, что при указанном состоянии защищенности должны обеспечиваться:

– реализация конституционных прав и свобод граждан России;

– достойные качество и уровень жизни граждан России;

– гражданский мир и согласие в стране;

– охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности;

– социально-экономическое развитие страны.

Одновременно в названной Стратегии национальной безопасности имеется расшифровка понятия «национальные интересы Российской Федерации», под которыми предлагается понимать «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии».

Как видим, определение национальной безопасности с употребляемыми в нем понятиями, довольно запутанное, страдает некоторой алогичностью, в нем используются многочисленные термины и понятия, не получившие внятного объяснения в документе. К сожалению, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации не содержатся пояснения и ответы на вопросы, заложенные в определении, в частности: каким образом в преломлении к вопросам национальной безопасности от внутренних и внешних угроз предполагается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, что означает «достойное качество жизни» и каков должен быть «уровень жизни граждан» в государстве; как понимать «гражданский мир и согласие в стране», в чем заключается охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, а также какие меры должны быть предприняты для социально-экономического развития страны.

Следует заметить, что современное понятие национальной безопасности, как уже было отмечено, ориентировано, в первую очередь, на безопасность государства и уже потом – на безопасность личности, что подтверждается направлениями обеспечения национальной безопасности, определенных указанной Стратегией национальной безопасности. Так, вопросам обеспечения безопасности государства посвящено семь направлений (например, оборона страны, государственная, информационная, экономическая, экологическая безопасность), а безопасности граждан – всего два направления (сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти).

В федеральных законах, а также нормативных правовых актах Президента Российской Федерации, на которого Конституцией Российской Федерации возложена обязанность по принятию мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживание гражданского мира и согласия в стране [1, ч. 2 ст. 80], отсутствуют механизмы реализации предусмотренных определением задач, выполнение которых должно способствовать состоянию защищенности государства и его граждан.

Кроме того, при наличии Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, регулирующей вопросы обеспечения состояния защищенности Российского государства и граждан России, главой государства утвержден (одобрен) ряд других документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в иных сферах, несмотря на то, что эти сферы рассмотрены в названной Стратегии [16–18].

Таким образом, в Российской Федерации существует несколько нормативных правовых актов, использующих слова и словосочетания, связан-

ные с безопасностью или с национальной безопасностью государства и безопасностью личности, которые при фактическом дублировании деятельности государства по безопасности в конкретном направлении либо иным образом формулируют цели и задачи, либо используют разные показатели, что только создает путаницу в понимании заявленных в разных документах курсов.

В целях однозначного и единообразного понимания понятий, содержащих слово «безопасность» в законах и иных нормативных правовых актах, предлагается, ориентируясь на нормы Конституции Российской Федерации, определить следующее:

1) термин «безопасность» при использовании без каких-либо уточняющих слов или словосочетаний, то есть в широком смысле, должен рассматриваться безопасность в целом всех и всего, во всех направлениях, сферах и областях деятельности;

2) понятие «национальная безопасность» включает в себя безопасность личности и безопасность государства;

3) в узком смысле слово «безопасность» должно употребляться только с указанием сферы, в которой регулируются данные вопросы (например, радиационная безопасность населения; пожарная безопасность; транспортная безопасность, продовольственная безопасность).

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2020, 4 июля. № 0001202007040001.

2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН, Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd. 1992. – 960 с.

3. Толковый словарь русского языка. Том I. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. – 848 с.

4. Закон Российской Федерации «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. –1992. – № 15. – Ст. 769.

5. Мелехин А.В. Административное право Российской Федерации: Курс лекций // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2009.

6. Федеральный закон «О безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

7. Федеральный закон «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3649.

8. Федеральный закон «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 141.

9. Федеральный закон «О безопасности гидротехнических сооружений» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3589.

10. Федеральный закон «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 7. – Ст. 837.

11. Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. I). – Ст. 4604.

12. Федеральный закон «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 31.

13. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

14. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

15. Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 года № 1300 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 52. – Ст. 5909; 2000. – № 2. – Ст. 170.

16. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.

17. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

18. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. –Ст. 2902.

Для цитирования: Шафигулин К.В. Вопросы безопасности в стратегиях Российской Федерации: статья // Юридическая мысль. – 2022. – No. 1 (125). – С. 150–156.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.012

Security issues in the strategies of the Russian Federation

Kirill V. Shafigulin*

Annotation. The article deals with certain issues of the security of the modern Russian state and the security of Russian citizens. Constitutional norms, norms of adopted security laws, as well as national security and security strategies in certain areas are analyzed. Some contradictions have been identified, and proposals have been formulated that should help to improve the effectiveness of public administration in the field of national security (security) both the state and the individual.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation; national security; security of the state; security of citizens; strategy; vital interests; national interests.

In the Constitution of the Russian Federation** the term “security” is used repeatedly, and in various contexts [1]. Thus, the Basic Law of the country prohibits the creation and activity of public associations whose goals or actions are aimed, inter alia, at undermining the security of the state [1, Article 13]; we are talking about the right to work “in conditions that meet safety requirements” [1, Article 37]; issues of the dangers in general terms, as well as the security of the individual, society and the state, are attributed to the issues of the jurisdiction of the Russian Federation [1, paragraph “m” of art. 71], and

* *Shafigulin Kirill V.,* Postgraduate student of CHOU VO "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: lawinst-spb@mail.ru

issues of public safety and environmental safety are under the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of Russia [1, paragraphs "b" and paragraph "d" of Part 1 of Article 72].

One of the essential constitutional definitions related to security, in our opinion, are the norms according to which, firstly, in order to ensure the security of the state, the rights and freedoms of man and citizen may be restricted by federal law [1, part 3 of Article 55] and secondly, certain restrictions on human rights and freedoms and citizens (indicating the limits and the duration of their validity) may be established in accordance with the federal constitutional law in a state of emergency to ensure the safety of citizens [1, part 1 of Article 56].

As we can see, the concept of "security" is used in the Constitution of the Russian Federation very broadly, which, to some extent, is confirmed by the explanation of this term. In explanatory dictionaries, this word is explained as a state in which there is no danger [2, p. 39] or as the absence of danger [3, p. 113].

Based on the literal understanding of the term "security", it follows that its use in regulatory legal acts without indicating what kind of security is in question or the security of whom or what legal regulation is being carried out, in our opinion, is weakly informative, that is, it does not allow us to understand what exactly is being considered in the nor-the motive act, that is, what kind of security we are talking about.

Initially, the law, designed at the legislative level to regulate issues of state security and personal security, was adopted by the Supreme Council of the Russian Federation in 1992, while receiving, in fact, an impersonal and very extensive name "On Security" [4]. However, this Law of the Russian Federation stated that this act (in terms of security) refers to the consolidation of the legal foundations for ensuring the security of the individual, society and the State, and also defined this term: "security – the state of protection of the vital interests of the individual, society and the state from internal and external threats" and it was explained that the vital interests are "a set of needs, the satisfaction of which reliably ensures the existence and opportunities for progressive development of the individual, society and the state" [4, preamble; Article 1].

In other words, the Law of the Russian Federation determined the need to ensure security: first, the individual, and secondly, the state (society in this case can be considered as a set of people united by historically conditioned social forms of local life [2, p. 452], that is, as an association of people and the state), and in in two directions: from internal threats and from external threats.

Interestingly, the Law of the Russian Federation named one of the main tasks of the Security Council of the Russian Federation was to "determine the vital interests of the individual, society and the state" [4, Article 15]. Unfortunately, the document establishing what relates to such vital interests has either not been adopted or has not been officially published.

Professor A.V. Melekhin, preparing a course of lectures on administrative law of Russia in 2009, in which he also considered the concept of security, proposed to consider as a vital interest of the individual, society and the state "a set of needs, the satisfaction of which reliably ensures their existence and the possibility of progressive development" [5, p. 18.1]. However, this explana-

tion contains many very general concepts (“a set of needs”, “reliably ensures”, “progressive development”) that do not allow us to specify the vital interests of the individual, society and the state. Probably, the inability to clearly define vital interests led to the fact that this phrase disappeared from a new legal act – the Federal Law “On Security”, adopted in 2010 [6].

As we can see, the named Federal Law, which replaced the Law of the Russian Federation, received a similar proper name: “On safety”. But at the same time, the new legislative act states that it defines “the basic principles and content of activities to ensure the security of the state, public safety, environmental safety, personal security, and other types of security provided for by the legislation of the Russian Federation ...” [6, Article 1]. In this case, the legislator decided that it was necessary to regulate activities to ensure, first of all, the security of the state; secondly, public safety; thirdly, environmental safety; only in the fourth – the security of the individual; and in the fifth – all other types of security, and without specifying the spheres (internal, external), that is, there was an attempt has been made to establish general rules for all types of security.

The final phrase about the need to ensure “other types of security provided for by the legislation of the Russian Federation”, in our opinion, does not stand up to criticism, since there are already more than ten federal laws in the Russian Federation that regulate issues of human and state security in various fields of activity [7–12].

In addition, it should be noted that the use of the phrases “and other”, “and other” (in various cases) in the legislation after a specific enumeration of any positions is absolutely unacceptable, since, on the one hand, it leaves the list open, which is detrimental to the understanding and enforcement of the law, since it allows indefinitely to expand it, coming up with the next new constructions, often having nothing in common with the foundations originally laid; on the other hand, it creates uncertainty in the regulation of those positions that are hidden behind the phrases “and other” or “and other”.

At the same time, the Federal Law "On Security" declares the concepts of “security” and “national security” used in it synonymous, which, in our opinion, only confuses the understanding of both the essence of the terms and the tasks solved by the state. It should also be noted that the concept of “national security” is not used in the Constitution of the Russian Federation and in the context considered in this article, only such concepts as “state security” and “personal security” are used.

The Basic Law of the State does not empower the President of the Russian Federation to approve any program documents (strategies, doctrines) concerning the security of the individual and the State. At the same time, the Federal Law “On Security” provides that the Head of State “approves the national security strategy of the Russian Federation, other conceptual and doctrinal documents in the field of security” [6, paragraph 2 of Article 8]. A similar norm establishing that "documents in the field of ensuring the national security of the Russian Federation ... are approved (approved) by the President of the Russian Federation" is also contained in the Federal Law “On Strategic Planning in the Russian Federation” [13, part 2 of Article 17].

Unfortunately, neither these federal laws nor other legislative acts contain a definition of the concepts of "security" and "national security", including for the purposes specified in the Constitution of the Russian Federation (meaning the security of the state and the security of the individual). There is also no legislative explanation of what is meant by security and what is meant by national security, that is, whether there are differences in the legal content of these terms.

The next version of the National Security Strategy of the Russian Federation was approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 [14]. The Strategy introduces the definition of national security, which is proposed to be understood as: "the state of protection of the national interests of the Russian Federation from external and internal threats, which ensures the realization of constitutional rights and freedoms of citizens, decent quality and standard of living, civil peace and harmony in the country, protection of the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity, socio-economic development of the country".

It should be noted that in the first document on national security (the document has become invalid) – The Concept of National Security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1300 of December 17, 1997 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation No. 24 of January 10, 2000) [15], the national security of the Russian Federation was understood as "the security of its multinational people as the bearer of sovereignty and the sole source the authorities in the Russian Federation", which corresponded to constitutional norms: personal security as the basis of state security.

Analysis of the definition of national security used in the current National Security Strategy of the Russian Federation, according to which national security is "the state of protection of the national interests of the Russian Federation from external and internal threats", allows us to conclude that national security today is the state of protection of the state – Of the Russian Federation. Further, however, the document explains that with the specified state of security, the following should be provided:

– implementation of the constitutional rights and freedoms of Russian citizens;

– decent quality and standard of living of Russian citizens;

– civil peace and harmony in the country;

– protection of the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity;

– socio-economic development of the country.

At the same time, in the named National Security Strategy there is a decoding of the concept of "national interests of the Russian Federation", by which it is proposed to understand "objectively significant needs of the individual, society and the state in security and sustainable development".

As we can see, the definition of national security with the concepts used in it is rather confusing, suffers from some illogic, it uses numerous terms and concepts that have not received a clear explanation in the document. Unfortunately, the National Security Strategy of the Russian Federation does not con-

tain explanations and answers to the questions laid down in the definition, in particular: how, in relation to national security issues from internal and external threats, the realization of the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation is supposed to be realized, what does "decent quality of life" mean and what there should be a "standard of living of citizens" in the state; how to understand "civil peace and harmony in the country", what is the protection of the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity, as well as what measures should be taken for the socio-economic development of the country.

It should be noted that the modern concept of national security, as already noted, is focused, first of all, on the security of the state and only then on the security of the individual, which is confirmed by the directions of ensuring national security defined by the specified National Security Strategy. Thus, seven directions are devoted to the issues of ensuring the security of the state (for example, national defense, state, information, economic, environmental security), and the security of citizens – only two directions (preservation of the people of Russia and the development of human potential; protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory).

In federal laws, as well as regulatory legal acts of the President of the Russian Federation, which is charged by the Constitution of the Russian Federation with the duty to take measures to protect the sovereignty of the Russian Federation, its independence and state integrity, maintaining civil peace and harmony in the country [1, Part 2 of Article 80], there are no implementation mechanisms the tasks provided for by the definition, the implementation of which should contribute to the state of security of the state and its citizens.

In addition, if there is a National Security Strategy of the Russian Federation regulating the issues of ensuring the state of protection of the Russian state and Russian citizens, the Head of State has approved (approved) a number of other strategic planning documents in the sphere of ensuring the national security of the Russian Federation in other areas, despite the fact that these areas are considered in the said Strategy [16–18].

Thus, in the Russian Federation there are several normative legal acts using words and phrases related to the security or national security of the State and the security of the individual, which, with the actual duplication of the state's security activities in a particular direction, either formulate goals and objectives in another way, or use different indicators, which only creates confusion in the understanding of the courses stated in different documents.

In order to unambiguously and uniformly understand the concepts that contain the word "security" in laws and other regulatory legal acts, it is proposed, focusing on the norms of the Constitution of the Russian Federation, to define the following:

1) the term "security" when used without any clarifying words or phrases, that is, in a broad sense, the security of everyone and everything in general, in all directions, spheres and fields of activity, should be considered;

2) the concept of "national security" includes the security of the individual and the security of the state;

3) in a narrow sense, the word “safety” should be used only with an indication of the sphere in which these issues are regulated (for example, radiation safety of the population; fire safety; transport safety, food safety).

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Official Internet portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2020, July 4. No. 0001202007040001.

2. Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences, In-t rus. yaz.; Russian Cultural Foundation. Moscow: Az Ltd. 1992. 960 p.

3. Explanatory dictionary of the Russian language. Volume I. Edited by D.N. Ushakov. Moscow: LLC "Astrel Publishing House", LLC "AST Publishing House", 2000. 848 p.

4. The Law of the Russian Federation "On Security" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 15. St. 769.

5. Melekhin A.V. Administrative law of the Russian Federation: A course of lectures // Legal reference system "ConsultantPlus", 2009.

6. Federal Law "On security" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 2.

7. Federal Law "On Fire Safety" // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Article 3649.

8. Federal Law "On radiation safety of the population" // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Article 141.

9. Federal Law "On the safety of hydraulic structures" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 30. St. 3589.

10. Federal Law "On Transport Security" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 7. St. 837.

11. Federal Law "On the safety of fuel and energy complex facilities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part I). Article 4604.

12. Federal Law "On Biological Safety in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 1 (Part I). Article 31.

13. Federal Law "On Strategic planning in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Article 3378.

14. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.

15. The Concept of national security of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1300 of December 17, 1997 (as amended by Decree of the President of the Russian Federation No. 24 of January 10, 2000) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 52. St. 5909; 2000. No. 2. St. 170.

16. The Strategy of environmental safety of the Russian Federation for the period up to 2025, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated April 19, 2017 No. 176 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 17. St. 2546.

17. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of May 9, 2017 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. St. 2901.

18. Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 208 dated May 13, 2017 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. St. 2902.

For citation: Shafigulin K.V. Security Issues in the Strategies of the Russian Federation: article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 156–162.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.012

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.013

Контроль и надзор за деструктивными контентами в Интернете как один из аспектов предупреждения противоправной деятельности

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В данной публикации рассматривается и обосновывается необходимость контроля и надзора за информацией, размещенной в информационно-коммуникационных сетях, включая Интернет. Данные меры обусловлены необходимостью предупреждения преступлений, направленных против жизни людей. Предлагаемые меры соответствуют предупредительной задаче, установленной уголовным законодательством, и реализуется в рамках концепции позитивной уголовной ответственности. Для реализации предлагаемых мер предлагается внести коррективы в Конституцию Российской Федерации и в ряд законодательных и иных нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: трагические события, массовые убийства, морально-нравственные устои, Конституция Российской Федерации, федеральные законы, комплексная экспертиза, предупреждение преступлений, позитивная уголовная ответственность, цензура информационно-коммуникативные сети, Интернет, деструктивные контенты, IT-технологий.

В последнее время российскому обществу приходится сталкиваться с явлениями, последствиями которых является гибель людей. Яркими примерами могут служить трагические события 2021 г. в городах Казань и Пермь, когда молодые люди взяли в руки оружие и совершили массовое убийство людей.

Первая трагедия 2021 г. произошла 11 мая в школе № 175 в городе Казань Республики Татарстан, когда бывший выпускник Ильназ Галявиев совершил убийство девятерых учеников и двух учителей. Более двух десятков детей получили ранения различной степени тяжести [1].

Вторая трагедия случилась 20 сентября 2021 г., в результате массовой бойни, устроенная Тимуром Бексансуровым в Пермском государственном университете, когда погибли 8 человек, 24 человека пострадали [2].

* *Гареев Марат Фаизович,* доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

Еще ранее, 17 октября 2018 года студент Керченского политехнического колледжа, расположенного в г. Керчь Республики Крым Владислав Росляков устроил взрыв и стрельбу в этом учебном заведении. В результате этой трагедии погибли 21 человек [3].

Другие трагедии удалось предотвратить благодаря действиям правоохранительных органов. [4]. Таковы неутешительны итоги трагедий, происшедших в нашей стране за относительно короткий период времени.

Как ранее уже отмечалось автором, причиной подобного рода трагических событий является отсутствие государственной идеологии, основанной на традиционных морально-нравственных устоях [5].

Однако формирование такого рода государственной идеологии не представляется возможной без устранения причин, способствующих формированию агрессивного преступного поведения молодых людей, направленного на массовое убийство людей.

В ряде публикаций предпринимаются попытки установить причины чудовищного поведения молодых людей, которые устроили массовые бойни в стенах учебных заведений. В качестве причин, способствующих такому поведению, они указывают возникновение психологических конфликтов между ровесниками и старшим поколением, неудачами в любовной сфере. Однако все эти же версии в основном опровергаются самими же авторами данных публикаций [6].

Обращаясь к советскому периоду нашей страны, следует заметить, что у молодых людей также были такого рода конфликты, неудачи в любовной сфере и прочие проблемы, характерные для подрастающего поколения. Однако никому из представителей советской молодежи не приходило в голову устраивать массовые бойни людей, поэтому причины этих трагедий лежат в совершенно иной плоскости. По этой причине остро возникает проблема установления истинных причин и дальнейшей выработки мер законодательного и организационного характера в целях дальнейшего предотвращения массового убийства людей, которое соответствует положениям ст. 2 УК РФ и концепции позитивной уголовной ответственности.

При разработке вышеупомянутых мер следует обратить внимание, что вышеописанные трагические случаи повторились даже в деталях, поэтому следует обратить внимание на негативное влияние деструктивных контентов в Интернете, которые способствовали формированию крайне агрессивной мотивации, которые привели к массовой гибели людей.

О возможном влиянии негативных контентов в Интернете на казанского и пермского стрелков указывает глава «Лига безопасности интернета» Екатерина Мизулина [7].

Одной из причин агрессивного поведения, способствующая формированию преступного намерения, направленного на массовое убийство людей, может стать негативное воздействие компьютерных игр, в которых широкое распространение получили так называемые «войнушки», в которых виртуальное убийство с точностью воспроизводит смерть человека порой в самой изощренной форме (например, обилие крови, разрывы частей тела и органов). В результате натуралистического изображения кровавой бойни у молодого человека не только притупляется чувство жалости и со-

страдания, но и исчезает грань между реальностью и виртуальным пространством.

Происходящие события в виртуальной реальности Росляковы, Галявиев и Бекмансуровы переносят в реальную действительность. В совокупности с другими деструктивными контентами в Интернете это будут способствовать формированию крайне агрессивного поведения, выраженного в откровенном пренебрежении людьми, отсутствие восприятия ценности чужой жизни, как наивысшего блага, данное нам природой. Наиболее ярким примером является Ильназ Галявиев, который возомнил себя Богом, а остальных людей назвал «биологическим мусором». Вместо общественного осуждения преступного поведения Галявиева мы сталкиваемся с одобрением его гнусного поступка [8].

Буквально по происшествию трех месяцев появляется пермский стрелок Тимур Бекмансуров, который совершил аналогичное преступление в Пермском государственном университете, которое в деталях повторяет керченскую и казанскую трагедии.

В пользу доводов относительно крайне негативного влияния деструктивных контентов в Интернете может служить тот факт, что казанский стрелок Галявиев обучался на специалиста в области IT технологий в колледже ТИСБИ, а деньги на оружие, с помощью которого он совершил массовое убийство, он заработал благодаря компьютерным «стрелялкам» [9].

Аналогичная увлеченность наблюдалась у пермского стрелка Тимура Бекмансурова, который по словам его отца Марата Бекмансурова, «сколько он ни пытался общаться с сыном, тот был увлечен «только компьютером» и не хотел ходить гулять» [10].

Подобные пристрастия также наблюдались у керченского стрелка Владислава Рослякова, который также был «фанатом кровавых компьютерных игр» [11].

О высокой вероятности негативного воздействия ряда контентов в Интернете свидетельствует тот факт, что школьникам и студентам советского периода не были доступны подобного рода информационные технологии. Вместо компьютеров советские дети играли в другие игры, посещая кружки по интересам, а соприкосновение с оружием было возможным только на уроках начальной военной подготовки. Вероятнее всего, «кровавые компьютерные игры» выступают в сознании у отдельных молодых людей пусковым механизмом для совершения массовых убийств. Особенно это актуально для людей с неустойчивой психикой, которые на фоне появления проблем психологического характера, а также социальных неурядиц резко обостряются и приводят к совершению преступлений, в результате которого гибнут люди.

О крайне негативном влиянии интернет-контентов также отмечается в ряде публикаций [12].

Наряду с этим следует обратить внимание на излишнюю увлеченность IT-технологиями ряда учебных заведений, которые, к сожалению, в последнее время, становится порой доминирующей формой обучения. Кстати, Университет управления ТИСБИ, в колледже которого обучался казанский стрелок Ильназ Галявиев, активно внедряет подобного рода информационные технологии, являясь передовиком в данной области [13].

В реальности возникает ситуация, когда информационные технологии буквально вытесняют учителя в школе или преподавателя в вузе, оставляя ученика или студента один на один с бездушной машиной, которая не в состоянии передать эмоции, чувства, эмоциональный настрой, стимулировать обучающегося на достижение результатов в дальнейшей профессиональной деятельности. К сожалению, в таких условиях возникают серьезные сомнения не только в профессиональной подготовке будущих специалистов, но в формировании морально-нравственных устоев, которые для ряда профессий имеют особую значимость. В частности, ключевую роль оно играет для будущих врачей, юристов и других специалистов, которые в будущем призваны работать с людьми.

Приоритетное значение среди подрастающего поколения должен приобрести воспитательный процесс, который в последнее время практически свели «на нет». Как отметил редактор журнала «Арсенал Отечества» Алексей Леонков, «запретили вообще заниматься воспитанием» [14]. Отсутствие воспитательного воздействия приводит к формированию бездумных и бездушных людей, у которых отсутствует желание достичь каких-либо целей в своей жизни. Ориентация молодых людей только на потребление является не просто тупиковой, оно в состоянии привести к деградации общества, которые в дальнейшем могут иметь катастрофические последствия.

При этом воспитательный процесс должен быть построен не на формальных отчетах о проведенных мероприятиях, а на повседневном кропотливом труде. Тем более, судя по сайту Университета управления ТИСБИ, где обучался тот же Ильназ Галявиев, было проведено достаточное количество мероприятий, связанных с воспитательным процессом [15]. Об отсутствии воспитательного процесса в учебных заведениях Татарстана подтвердил прокурор Республики Нафиков «на итоговой коллегии своего ведомства», состоявшаяся 8 февраля 2022 г. в г. Казань [16].

На фоне чудовищных преступных действий пермского стрелка Тимура Бекмансурова, который в будущем свою профессиональную деятельность хотел связать с юриспруденцией, возникает необходимость обратить внимание на формирование морально-нравственных качеств будущих юристов в ходе образовательного процесса (как, впрочем, иных специалистов (врачей, педагогов и пр.), деятельность которых связана с наиболее ценными сторонами нашей жизнедеятельности), которое может быть реализовано не с помощью дистанционного обучения, а только в ходе живого диалога между преподавателем и будущим юристом.

Соответственно, автор предлагает в качестве мер, направленных на предупреждение противоправной деятельности, внести дополнения в ст. 17 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В данной норме следует предусмотреть использование дистанционных технологий только в исключительных случаях. При этом срок их использования не должен превышать одного месяца.

К исключительным случаям следует отнести введение военного или чрезвычайного положения [17]. Традиционная форма образовательного процесса должна быть возобновлена непосредственно после устранения усло-

вий возникновения опасности для жизни и (или) здоровья граждан, а также после обеспечения нормальных условий для жизнедеятельности людей. Перечень оснований для проведения дистанционного обучения должен быть закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Наряду с этим в этом же законе следует установить запрет на использование дистанционных технологий как доминирующей формы обучения, а использовать их в качестве дополнительных и (или) факультативных средств обучения.

Пресечение деструктивных контентов в информационно-коммуникативной сети, включая Интернет, должно осуществляться в соответствии с комплексным экспертным исследованием с привлечением экспертов в различных научных отраслях и направлениях, включая психологов и педагогов, в целях предотвращения отрицательного влияния на молодежь различного рода IT-технологий, как внедряемых в учебных заведениях, так и размещенных в информационно-коммуникативных сетях, включая Интернет.

В случае установления факта негативного воздействия информационных ресурсов, размещенных в информационно-коммуникативных сетях, включая Интернет, возникает необходимость их запрета, поскольку они способствуют формированию не только неправомерного, но и преступного поведения.

В целях оперативного пресечения неправомерных и даже преступных действий блокировка подобных ресурсов предлагается осуществлять во внесудебном порядке. Подобная деятельность не представляется возможной без внедрения широкомасштабной системы государственного контроля и надзора в информационно-коммуникативных сетях, включая Интернет. По сути, речь идет о введении элементов цензуры, под которой подразумевается система государственного надзора за средствами массовой информации и печати [18, с. 873].

Предвидя заранее доводы оппонентов, которые будут критиковать подобного рода предложения, пытаясь представить вышеуказанные меры как ограничение прав и свобод граждан, хотелось бы им напомнить о жертвах преступлений, ценой которых стала человеческая жизнь.

Наглядным примером в данной области может служить опыт Китая, который с успехом блокирует контент-ресурсы в информационно-коммуникативных сетях с помощью так называемого «золотого щита» [19]. Внедрение подобных технологий явился одним из факторов, направленных на снижение преступности в Китае и удержание его на социально приемлемом уровне. К тому же Китаю удалось добиться значительного снижения уровня убийств [20]. О низком уровне преступности также свидетельствует тот факт, что Китай в рейтинге безопасности стран в 2021 г. занял одно из ведущих мест [21].

С учетом необходимости введения мер предупредительного характера и зарубежного законотворческого опыта, показавший положительный результат в борьбе с преступностью, автор предлагает ввести систему надзора и контроля за деструктивными контентами в информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет, введя коррективы в действующее законодательство. Следовательно, предлагаемые меры влекут определенные изменение действующего законодательства.

По этой причине предлагается внести изменения в ч. 5 ст. 29 Конституции РФ и изложить данную норму в следующей редакции: «Гарантируется свобода массовой информации. Ограничение информации допускается в целях защиты прав и законных интересов граждан и иных лиц».

Конституционные положения должны найти дальнейшее продолжение в ряде федеральных законах и иных нормативно-правовых актах. Например, к ним можно отнести Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ, Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Одновременно с введением ограничений на распространение деструктивной информации государству следует обратить внимание на информацию, оказывающей положительное идеологическое воздействие на население. Безусловно подобного рода деятельность наибольший эффект будет приобретать только на фоне кардинальных реформ в социально-экономической сфере, прежде всего, направленная на обеспечение благосостояния населения.

Библиографический список

1. 7 минут кошмара. Восстановление хроника расстрела в казанской школе [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://anews.com/136497379-7 (дата обращения – 07.02.2022).

2. Почему Тимур Бекмансуров взял оружие и расстрелял более 30 человек в вузе Перми: Психолог объяснил шокирующие причины нападения [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://kurer-sreda.ru/ 2021/09/21/ 726647-pochemu-timur- bekmansurov- vzyal- oruzhie- v- ruki- i- rasstrelyal- bolee- 30- chelovek- v- vuze-permi-psixolog-obyasnil-shokiruyushhie-prichiny-napadeniya (дата обращения – 07.02.2022).

3. Керченский расстрел год спустя: загадка Рослякова и трагедия выжившей [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://anews.com/novosti/ 118468220 (дата обращения – 07.02.2022).

4. См. напр.: ФСБ предотвратило массовый расстрел в подмосковной школе [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://vk.com/wall-112510789_4339613 (дата обращения – 07.02.2022); В Красноярском крае предотвратили массовое убийство в школе [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://news.rambler.ru/education/47262433 (дата обращения – 07.02.2022); ФСБ предотвратила теракт в школе. В Нижнем Новгороде ФСБ задержала подростков, готовивших вооруженное нападение на школу [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/01/27 (дата обращения – 07.02.2022).

5. *Гареев М.Ф.* Государственная идеология как основа предупреждения преступлений //Юридическая мысль. – 2021. – № 3 (123). – С. 81 – 98.

6. Хорошо шутил и увлекался оружием: что известно о Тимуре Бекмансурове, который устроил стрельбу в Перми [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://chips-journal.ru/reviews (дата обращения – 07.02.2022).

7. Глава Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина заявила, что виновник трагедии в Пермском университете выбрал именно турецкий дробовик потому, что уже тренировался стрелять из него в компьютерной игре [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://vk.wall-29725517_1039236 (дата обращения – 07.02.2022).

8. См.: Трагедия в Казани: откуда у стрелка Галявиева появилась целая армия фанатов и подражателей. [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://prokazan.ru/news/view/146732 (дата обращения – 07.02.2022).

9. Родные знали, что он смертельно опасен: как ботаник Ильназ Галявиев превратился в убийцу детей [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27278.5/ 4413607/ (дата обращения – 07.02.2022).

10. «Человек с подавленной агрессией» Тихий студент устроил нападение на вуз в Перми. Почему он расстрелял десятки человек? [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://m.lenta.ru/articles/2021/09/21/ permshooter (дата обращения – 07.02.2022).

11. Что толкнуло студента колледжа в Керчи на массовое убийство: четыре версии трагедии – KP.Ru [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/268996.4/3940615// (дата обращения – 07.02.2022).

12. См. напр.: *Пучкин А.В., Пучкина М.Ю.* Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних // Вестник Санкт – Петербургского университета МВД России. 2021 – № 3 (91) – С. 115–119.

13. Университет управления «ТИСБИ» стал единственным российским вузом, прошедшим на программу Минцифры РФ поддержки ИТ-проектов. [Электронный ресурс]. – Университет управления «ТИСБИ» //Режим доступа: https://www.tisbi.ru (дата обращения – 07.02.2022).

14. Массовый убийца Галявиев: «кто-то его к этому готовил» [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://zavtra.ru/events (дата обращения – 07.02.2022).

15. См. напр.: Как в «ТИСБИ» праздновали День Победы. [Электронный ресурс] – Университет управления «ТИСБИ». Новость 11 мая 2018 г. //Режим доступа: https://www.tisbi.ru/novosti (дата обращения – 07.02.2022).

16. См.: «Бояться голос повысить на распоясавшихся учеников»: прокуратура Татарстана хочет поднять упавший учителей и заставить их заниматься воспитанием» [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://www.evening-kazan.ru/articles (дата обращения: 08.02.2022).

17. См.: ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» и ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» //www.consultant.ru.

18. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 2006. – 944 с.

19. Цензура в Китае: Золотой щит, или «Великий китайский файрвол» [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://enterchina.ru/blog (дата обращения – 07.02.2022).

20. См. напр.: Китай занимает одну из самых низких позиций по уровню убийства в мере [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://laowai.ru (дата обращения – 07.02.2022).

21. Рейтинг безопасных стран 2021 г. Crime Index by Country [Электронный ресур] //Режим доступа: https://ekec.ru/rejting-besopasnosti-stran-2021-goda-crime-index-by-country/ © Turazbuka NEWS™ (дата обращения – 07.02.2022 г.).

Для цитирования: *Гареев М.Ф.* Контроль и надзор за деструктивными контентами в Интернете как один из аспектов предупреждения противоправной деятельности: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). – С. 163–169.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.013

Control and supervision of destructive content on the Internet as one of the aspects of preventing illegal activities

Marat F. Gareev *

Annotation. This publication discusses and substantiates the need for control and supervision of information posted in information and communication networks, including the Internet. These measures are due to the need to prevent crimes against people's lives. The proposed measures correspond to the preventive task established by the criminal legislation and are implemented within the framework of the concept of positive criminal liability. To implement the proposed measures, it is proposed to amend the Constitution of the Russian Federation and a number of legislative and other legal acts regulating activities in this area.

Key words: tragic events, massacres, moral foundations, the Constitution of the Russian Federation, federal laws, comprehensive examination, crime prevention, positive criminal liability, censorship of information and communication networks, the Internet, destructive content, IT technologies.

Recently, Russian society has to deal with phenomena, the consequences of which are the death of people. Vivid examples are the tragic events of 2021 in the cities of Kazan and Perm, when young people took up arms and committed mass murder of people.

The first tragedy of 2021 occurred on May 11 at school No. 175 in the city of Kazan of the Republic of Tatarstan, when former graduate Ilnaz Galyaviev killed nine students and two teachers. More than two dozen children were injured of varying severity [1].

The second tragedy happened on September 20, 2021, as a result of a massacre organized by Timur Beksansurov at Perm State University, when 8 people died, 24 people were injured [2].

Even earlier, on October 17, 2018, a student of the Kerch Polytechnic College, located in the city of Kerch of the Republic of Crimea, Vladislav Roslyakov, exploded and fired at this educational institution. As a result of this tragedy, 21 people died [3].

Other tragedies were prevented thanks to the actions of law enforcement agencies. [4]. Such are the disappointing results of the tragedies that have taken place in our country in a relatively short period of time.

As previously noted by the author, the reason for this kind of tragic events is the lack of a state ideology based on traditional moral foundations [5].

However, the formation of this kind of state ideology is not possible without eliminating the causes that contribute to the formation of aggressive criminal behavior of young people, aimed at the mass murder of people.

In a number of publications, attempts are being made to establish the causes of the monstrous behavior of young people who staged massacres within the walls of educational institutions. As reasons contributing to such beha-

* *Gareev Marat Faizovich*, associate professor of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

vior, they indicate the emergence of psychological conflicts between peers and the older generation, failures in the love sphere. However, all these versions are mostly refuted by the authors of these publications themselves [6].

Turning to the Soviet period of our country, it should be noted that young people also had such conflicts, failures in the love sphere and other problems characteristic of the younger generation. However, it never occurred to any of the representatives of the Soviet youth to organize mass slaughters of people, so the causes of these tragedies lie in a completely different plane. For this reason, the problem of establishing the true causes and further developing measures of a legislative and organizational nature in order to further prevent the massacre of people, which corresponds to the provisions of Art. 2 of the Criminal Code of the Russian Federation and the concept of positive criminal liability.

When developing the above measures, it should be noted that the above tragic cases were repeated even in detail; therefore, attention should be paid to the negative impact of destructive content on the Internet, which contributed to the formation of extremely aggressive motivation, which led to mass death of people.

The head of the Internet Security League Ekaterina Mizulina points out the possible impact of negative content on the Internet on the Kazan and Perm shooters [7].

One of the reasons for aggressive behavior that contributes to the formation of a criminal intent aimed at the mass murder of people can be the negative impact of computer games, in which the so-called “war games” are widely used, in which virtual murder accurately reproduces the death of a person in swarm in the most sophisticated form (for example, an abundance of blood, ruptures of body parts and organs). As a result of the naturalistic image of the massacre, the young man not only dulls the feeling of pity and compassion, but also disappears the line between reality and virtual space.

The events taking place in virtual reality are transferred by the Roslyakovs, Galyavievs and Bekmansurovs to reality. Together with other destructive content on the Internet, this will contribute to the formation of extremely aggressive behavior, expressed in outright disregard for people, the lack of perception of the value of someone else's life as the highest good given to us by nature. The most striking example is Ilnaz Galyaviev, who imagined he to be God, and called the rest of the people “biological garbage”. Instead of public condemnation of Galyaviev's criminal behavior, we are faced with the approval of his heinous act [8].

Literally three months later, Perm shooter Timur Bekmansurov appears, who committed a similar crime at Perm State University, which repeats in detail the Kerch and Kazan tragedies.

In favor of the arguments regarding the extremely negative impact of destructive content on the Internet, the fact that the Kazan shooter Galyaviev studied as a specialist in the field of IT technologies at TISBI College, and the money for the weapons with which he committed mass murder, he earned thanks to computer “shooters” [9].

A similar enthusiasm was observed in the Perm shooter Timur Bekmansurov, who, according to his father Marat Bekmansurov, “no matter how much

he tried to communicate with his son", he was carried away "only by the computer" and did not want "to go for a walk" [10].

Similar addictions were also observed in the Kerch shooter Vladislav Roslyakov, who was also a "fan of bloody computer games" [11].

The high probability of a negative impact of a number of content on the Internet is evidenced by the fact that schoolchildren and students of the Soviet period did not have access to this kind of information technology. Instead of computers, Soviet children played other games, attending hobby groups, and contact with weapons was only possible during elementary military training. Most likely, "bloody computer games" act in the minds of individual young people as a trigger mechanism for committing massacres. This is especially true for people with an unstable psyche, who, against the background of the emergence of psychological problems, as well as social unrest, sharply aggravate and lead to the commission of crimes, as a result of which people die.

The extremely negative impact of Internet content is also noted in a number of publications [12].

Along with this, attention should be paid to the excessive enthusiasm for IT-technologies of a number of educational institutions, which, unfortunately, in recent times, has sometimes become the dominant form of education. By the way, the University of Management TISBI, in whose college the Kazan shooter Ilnaz Galyaviyev studied, is actively introducing this kind of information technology, being a leader in this field [13].

In reality, a situation arises when information technology literally displaces a teacher at school or a teacher at a university, leaving a pupil or student face to face with a soulless machine that is not able to convey emotions, feelings, emotional mood, stimulate the student to achieve results in the future professional activity. Unfortunately, under such conditions, there are serious doubts not only about the professional training of future specialists, but also about the formation of moral foundations, which are of particular importance for a number of professions. In particular, it plays a key role for future doctors, lawyers and other professionals who will be called upon to work with people in the future.

The educational process, which has recently been practically reduced to nothing, should acquire priority among the younger generation. As Aleksey Leonkov, editor of the Arsenal of the Fatherland magazine, noted, "it was forbidden to engage in education at all" [14]. The lack of educational influence leads to the formation of thoughtless and soulless people who have no desire to achieve any goals in their lives. Orientation of young people only to consumption is not just a dead end; it is able to lead to the degradation of society, which in the future can have catastrophic consequences.

At the same time, the educational process should be built not on formal reports on the activities carried out, but on everyday painstaking work. Moreover, judging by the website of the University of Management TISBI, where the same Ilnaz Galyaviev studied, a sufficient number of events related to the educational process were carried out [15]. The absence of an educational process in the educational institutions of Tatarstan was confirmed by the prosecutor of the Republic Nafikov "at the final board of his department", which took place on February 8, 2022 in Kazan [16].

Against the backdrop of the monstrous criminal actions of the Perm shooter Timur Bekmansurov, who in the future wanted to connect his professional activity with jurisprudence, it becomes necessary to pay attention to the formation of the moral qualities of future lawyers in the course of the educational process (as well as other specialists (doctors, teachers etc.), whose activities are related to the most valuable aspects of our life), which can be implemented not through distance learning, but only in the course of a lively dialogue between a teacher and a future lawyer.

Accordingly, the author proposes, as measures aimed at preventing illegal activities, to amend Art. 17 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation". This rule should provide for the use of remote technologies only in exceptional cases. In this case, the period of their use should not exceed one month.

Exceptional cases include the introduction of martial law or a state of emergency [17]. The traditional form of the educational process should be resumed immediately after the elimination of the conditions for the emergence of a danger to the life and (or) health of citizens, as well as after the provision of normal conditions for the life of people. The list of grounds for conducting distance learning should be closed and not subject to broad interpretation. Along with this, the same law should establish a ban on the use of distance technologies as the dominant form of education, and use them as additional and (or) optional means of education.

The suppression of destructive content in the information and communication network, including the Internet, should be carried out in accordance with a comprehensive expert study involving experts in various scientific fields and areas, including psychologists and teachers, in order to prevent the negative impact on young people of various kinds of IT- technologies, both implemented in educational institutions and placed in information and communication networks, including the Internet.

If the fact of the negative impact of information resources located in information and communication networks, including the Internet, is established, it becomes necessary to ban them, since they contribute to the formation of not only illegal, but also criminal behavior.

In order to promptly suppress illegal and even criminal actions, blocking of such resources is proposed to be carried out extrajudicially. Such activities are not possible without the introduction of a large-scale system of state control and supervision in information and communication networks, including the Internet. In fact, we are talking about the introduction of elements of censorship, which is understood as a system of state supervision over the media and the press [18, p. 873].

Anticipating in advance the arguments of opponents who will criticize such proposals, trying to present the above measures as a restriction of the rights and freedoms of citizens, I would like to remind them of the victims of crimes, the cost of which was human life.

A good example in this area is the experience of China, which successfully blocks content resources in information and communication networks using the so-called "golden shield" [19]. The introduction of such technologies was

one of the factors aimed at reducing crime in China and keeping it at a socially acceptable level. In addition, China has managed to achieve a significant reduction in the murder rate [20]. The low level of crime is also evidenced by the fact that China has taken one of the leading places in the ranking of countries' safety in 2021 [21].

Taking into account the need to introduce preventive measures and foreign legislative experience, which has shown a positive result in the fight against crime, the author proposes to introduce a system of supervision and control over destructive content in information and telecommunication networks, including the Internet, by introducing adjustments to the current legislation. Therefore, the proposed measures entail certain changes in the current legislation.

For this reason, it is proposed to amend Part 5 of Art. 29 of the Constitution of the Russian Federation and state this provision in the following wording: “Freedom of the mass media is guaranteed. Restriction of information is allowed in order to protect the rights and legitimate interests of citizens and other persons”.

The constitutional provisions should be further continued in a number of federal laws and other regulatory legal acts. For example, these include the Federal Law “On Information, Information Technologies and Information Protection” of July 27, 2006 No. 149-FZ, Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information -matia that is harmful to their health and development”.

Simultaneously with the introduction of restrictions on the dissemination of destructive information, the state should pay attention to information that has a positive ideological impact on the population. Of course, this kind of activity will have the greatest effect only against the background of cardinal reforms in the socio-economic sphere, primarily aimed at ensuring the well-being of the population.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. 7 minutes of nightmare. Restoration of the chronicle of the execution in the Kazan school [Electronic resource] // Access mode: https://anews.com/136497379-7 (accessed 07.02.2022).

2. Why Timur Bekmansurov took up arms and shot more than 30 people at a university in Perm: A psychologist explained the shocking reasons for the attack [Electronic resource] // Access mode: https://kurer-sreda.ru/2021/09/21/726647-pochemu-timur-bekmansurov-vzyal-oruzhie-v-ruki-i-rasstrelyal-bolee-30-chelovek-v-vuze-permi-psixolog-obyasnil-shokiruyushhie-prichiny-napadeniya (accessed 02/07/2022).

3. The Kerch massacre a year later: Roslyakov’s mystery and the tragedy of the survivors [Electronic resource] // Access mode: https://anews.com/novosti/ 118468220 (accessed 07.02.2022).

4. See, for example: FSB prevented a mass execution in a school near Moscow [Electronic resource] // Access mode: https://vk.com/wall-112510789_4339613 (ac-

cessed 07.02.2022); A mass murder at school was prevented in the Krasnoyarsk Territory [Electronic resource] // Access mode: https://news.rambler.ru/education/47262433 (accessed 07.02.2022); The FSB prevented a terrorist attack at a school. In Nizhny Novgorod, the FSB detained teenagers who were preparing an armed attack on a school [Electronic resource] // Access mode: https://lenta.ru/news/2022/01/27 (date of access – 02/07/2022).

5. Gareev M.F. State ideology as a basis for crime prevention // Legal Thought. 2021. No. 3 (123). P. 81–98.

6. He joked well and was fond of weapons: what is known about Timur Bekmansurov, who fired in Perm [Electronic resource] // Access mode: https://chips-journal.ru/reviews (accessed 07.02.2022).

7. The head of the Safe Internet League, Ekaterina Mizulina, said that the perpetrator of the tragedy at Perm University chose the Turkish shotgun because he had already trained to shoot from it in a computer game [Electronic resource] // Access mode: https://vk.wall-29725517_1039236 (accessed 02/07/2022).

8. See: Tragedy in Kazan: where did the shooter Galyaviev get a whole army of fans and imitators. [Electronic resource] // Access mode: https://prokazan.ru/news/view/146732 (accessed 07.02.2022).

9. Relatives knew that he was deadly: how the botanist Ilnaz Galyaviev turned into a killer of children [Electronic resource] // Access mode: https://www.kp.ru/daily/27278.5/ 4413607/ (date of access – 02/07/2022).

10. “A man with suppressed aggression” A quiet student staged an attack on a university in Perm. Why did he shoot dozens of people? [Electronic resource] // Access mode: https://m.lenta.ru/articles/2021/09/21/permshooter (Accessed 02/07/2022).

11. What pushed a college student in Kerch to massacre: four versions of the tragedy – KP.Ru [Electronic resource] // Access mode: https://www.kp.ru/daily/268996.4/3940615// (date of access – 07.02 .2022).

12. See, for example: Puchkin A.V., Puchkina M.Yu. The influence of destructive Internet content on the formation of columbine ideas among minors // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (91). P. 115–119.

13. University of Management “TISBI" became the only Russian university that passed the program of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation to support IT projects. [Electronic resource]. University of Management "TISBI" // Access mode: https://www.tisbi.ru (date of access – 07.02.2022).

14. Mass murderer Galyaviev: “someone prepared him for this” [Electronic resource] // Access mode: https://zavtra.ru/events (accessed 07.02.2022).

15. See for example: How TISBI celebrated Victory Day. [Electronic resource] – TISBI University of Management. News May 11, 2018 // Access mode: https://www.tisbi.ru/novosti (accessed 02/07/2022).

16. See: “Afraid to raise one's voice at unbridled students”: the prosecutor's office of Tatarstan wants to raise fallen teachers and force them to educate" [Electronic resource] // Access mode: https://www.evening-kazan.ru/articles (date circulation: 08.02.2022).

17. See: art. 3 of the Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ “On Martial Law” and Art. 3 of the Federal Constitutional Law of May 30, 2001 No. 3-FKZ “On the state of emergency”.

18. Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2006. 944 p.

19. Censorship in China: The Golden Shield, or the "Great Chinese Firewall" [Electronic resource] // Access mode: https://enterchina.ru/blog (accessed 07.02.2022).

20. See, for example: China occupies one of the lowest positions in terms of the level of murder in the measure [Electronic resource] // Access mode: https:// laowai.ru (accessed 07.02.2022).

21. Rating of safe countries 2021 Crime Index by Country [Electronic resource] // Access mode: https://ekec.ru/rating-besopasnosti-stran-2021-goda-crime-index-by-country/

For citation: Gareev M.F. Control and supervision of destructive content on the Internet as one of the aspects of preventing illegal activities: an article // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 170–176.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.013

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 343.98
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.014

ЛЕКЦИЯ: «Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений серийных и прошлых лет»

А.И. Бастрыкин*

Аннотация. В данной лекции содержится анализ методики раскрытия и рассследований преступлений серийных и прошлых лет с учетом особенностей по повышению эффективности организации работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации на современном этапе. Автор особое внимание уделяет раскрытию особо тяжких преступлений следственным путем в тесном взаимодействии с органами дознания и с использованием новейшей криминалистической техники, что удалось внедрить в повседневную практику следственных подразделений.

В статье приводятся отдельные теоертические положения, практика их применения с использованием современной криминалистической и поисковой техники, экспертного оборудования, мониторинг происшествий и преступлений в отношении несовершеннолетних (малолетних) и т.п.

Ключевые слова: уголовное законодательство, Следственный комитет, прокуратура, информация, криминалистическая служба, цифровые информационные носители, биллинг, суицид.

С первого дня образования Следственного комитета Российской Федерации мы постарались изменить привычные стереотипы деятельности отечественной правоохранительной системы, введя в обязанности наших следователей и криминалистов не только расследование уголовных дел, но и раскрытие преступлений, что раньше, по довольно распространенному мнению, было прерогативой лишь органов дознания.

Также с момента образования Следственного комитета РФ бы сделан акцент на обеспечении должного криминалистического сопровождения предварительного следствия, а также раскрытии преступлений, в том числе совершенных в прошлые годы.

Таким образом, раскрытие особо тяжких преступлений следственным путем в тесном взаимодействии с органами дознания и с использованием

* *Бастрыкин Александр Иванович*, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

новейшей криминалистической техники нам удалось внедрить в повседневную практику следственных подразделений.

Во многом благодаря этому подходу, уровень раскрываемости особо тяжких преступлений против личности неуклонно повышается. Так, по итогам 2016 г. раскрываемость убийств составила 91%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, 94 %, изнасилований 97%.

Но наши усилия направлены и на раскрытие преступлений, совершенных в прошлые годы.

Здесь нельзя обойти вниманием ведущее значение в организации этой работы следователей-криминалистов.

Вся многолетняя, а это – более 60 лет, история криминалистической службы в системе органов прокуратуры, а затем в системе Следственного комитета РФ показывает, что следователи-криминалисты играют особую роль в организации раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности, в техническом обеспечении следственной деятельности, в повышении профессиональных знаний и навыков следователей. На сегодняшний день сформированы все условия для дальнейшего повышения качества работы следователей-криминалистов. Их полномочия закреплены в уголовно-процессуальном законе.

Криминалисты изучают уголовные дела о преступлениях прошлых лет, проверяя полноту выдвинутых версий и степень их «отработки», эффективность розыска лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов следствия, результативность использования базы оперативных и криминалистических учетов.

Так, при непосредственном участии сотрудников Главного управления криминалистики СК РФ при проверке лиц, проводивших сантехнические, сварочные и иные работы в домах г. Междуреченска (Кемеровская область), расположенных в районе совершенного в 2007 году убийства несовершеннолетней Бахтуровой, установлен Л., который был дактилоскопирован и проверен по базе АДИС «Папилон». Отпечаток пальца руки Л. совпал со следом, оставленным на скотче, которым была связана потерпевшая. Выводы молекулярно-генетической экспертизы подтвердили совпадение ДНК-профиля Л. с ДНК-профилем биологических следов, оставленных при контакте с Бахтуровой. Убийца, скрывавшийся от правосудия почти 10 лет, был изобличен.

В ряде случаев установлению лиц, виновных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, способствовала грамотная организация расследования, а также применение современной криминалистической и поисковой техники, экспертного оборудования.

Так, при непосредственном участии наших криминалистов раскрыто убийство в Челябинской области несовершеннолетней Поповой. При просмотре видеозаписей камер наружного наблюдения в районе совершения преступления был установлен маршрут следования потерпевшей с неизвестным молодым человеком. Проведенный в Главном управлении криминалистики СК РФ анализ телефонных соединений по всему маршруту движения потерпевшей позволил установить жителя г. Челябинска Ш. При

обыске по месту его проживания обнаружили одежду со следами крови потерпевшей. Это подтверждено результатами генетической судебной экспертизы. С учетом полученных доказательств Ш. признался в убийстве.

Одним из основных направлений следственно-криминалистической деятельности является аналитическая работа. Именно ее результаты в большинстве случаев позволяют в последующем выявлять серийность преступлений.

В 2016 году с участием наших сотрудников раскрыт ряд серийных преступлений, вызвавших повышенный общественный резонанс: 6 эпизодов убийств граждан Таджикистана на территории Забайкальского края, серии преступлений (14 эпизодов) против половой неприкосновенности в г. Санкт-Петербурге, изнасилований (7 эпизодов) в 2015 году в Калужской области. Выявлены дополнительные эпизоды серий убийств и безвестного исчезновения граждан в Брянской и Смоленской областях.

Нами в постоянном режиме осуществлялся мониторинг происшествий и преступлений в отношении несовершеннолетних (малолетних), в том числе связанных с их безвестным исчезновением.

Четко организовано незамедлительное реагирование на каждый факт особо тяжкого преступления в отношении детей, совершенный в условиях неочевидности. Практически сразу осуществляются выезды следователей и криминалистов центрального аппарата в целях полного, всестороннего и объективного установления всех обстоятельств происшедшего. Только в 2016 году криминалистами осуществлено почти 500 целевых выездов по конкретным преступлениям.

***

В контексте заявленной темы следует коснуться тревожащей всех нас проблемы детских суицидов. Вопрос гибели наших детей не может оставаться без внимания следственных органов.

Председателем СК РФ в августе 2016 г. было издано распоряжение, на основании которого следователями и криминалистами проводилась целенаправленная деятельность в рамках межведомственной рабочей группы по совершенствованию государственной политики в сфере предупреждения детских суицидов, спровоцированных неустановленными лицами в сети Интернет. При получении информации о возможном совершении суицидов несовершеннолетних принимались меры к их предотвращению.

Так, предотвращены попытки суицида в Краснодарском крае малолетней Б., в Московской области – малолетней З., детей из г. Санкт-Петербурга и Республики Башкортостан, а также попытка массового суицида несовершеннолетних, который должен был состояться 26 декабря 2016 г.

Со всеми подростками, состоящими в так называемых «группах смерти», на которых оказывалось психологическое давление со стороны администраторов указанных групп, проведен комплекс профилактических и предупредительных мероприятий, направленных на пресечение возможных попыток совершения ими самоубийств. К работе с подростками были

подключены их родители, работники органов образования, органов внутренних дел, психологи и социальные службы, которые оказывали необходимую квалифицированную помощь.

Для эффективного предотвращения действий администраторов «групп смерти» следует ввести уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства, в частности, путем распространения соответствующей информации с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

К такому выводу пришли члены созданной по нашему предложению межведомственной рабочей группы, в которую наряду с сотрудниками Следственного комитета РФ вошли представители Роскомнадзора, Минобрнауки, Минздрава, ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. К работе группы также привлекались представители МВД России, Роспотребнадзора, Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, ряда других ведомств и организаций.

На заседаниях рабочей группы обсуждались вопросы законодательного запрета склонения к совершению суицидов, выработки комплексных мер по их профилактике и выявлению признаков суицидального поведения, совершенствования межведомственного обмена информацией и внесудебного порядка блокировки опасных ресурсов.

В связи с проработкой той же темы депутатами российского парламента совместная работа велась и на площадке законодательного органа государства.

Благодаря активной позиции заместителя Председателя Государственной Думы ФС РФ И.А. Яровой, возглавляющей работе группу по вопросам противодействия деятельности, связанной склонением несовершеннолетних к суициду и пропаганде насилия среди них, разработан законопроект о внесении изменений в действующие Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в части установления дополнительных механизмов противодействия суицидам. Все правоохранительные и другие государственные органы выступили в этом вопросе единым фронтом, поддержав такую инициативу.

Следственным комитетом РФ 22 февраля 2017 г. был согласован официальный отзыв Правительства Российской Федерации, которым указанный проект федерального закона поддержан.

На состоявшемся 9 марта 2017 г. заседании расширенной коллегии МВД России инициатива была поддержана Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Он призвал правоохранительные органы активно пресекать действия хозяев, создателей и администраторов сайтов, пропагандирующих суицид, назвав их деятельность деструктивной и преступной.

Только все вместе, всем обществом мы сможем победить это зло. 7 июня 2017 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнитель-

ных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» № 120-ФЗ.

***

В современном обществе, живущем в эпоху технологического подъема, органы следствия неизбежно должны использовать самые современные технологии для раскрытия преступлении. И у нас есть определенные успехи.

Нашими криминалистами успешно проводится анализ и обработка биллинговой информации, восстановление и извлечение удаленной информации из цифровых электронных устройств осуществляется путем поисковых мероприятий с использованием криминалистических источников света, гидролокаторов, нелинейных локаторов, металлодетекторов, георадаров, другой криминалистической и специальной техники. При этом существенное значение имеют мероприятия по активизациии памяти участников предварительного следствия, составляются субъективные рисованные портреты подозреваемых.

Активно используются возможности автоматизированного программного комплекса «Сегмент», позволяющего автоматизировать процесс анализа биллинговой информации.

Так, при помощи АПК «Сегмент» в результате анализа более 2 млн. телефонных соединений и изучения данных об абонентах были установлены лица, совершившие в феврале 2014 г. убийство предпринимателя Ашрафова (Республика Башкортостан).

Анализ биллинговой информации был эффективно применен для установления участников преступления и закрепления доказательств по уголовному делу об убийстве в апреле 2016 г. в с. Ивашевка Сызранского района Самарской области экс-главы полиции г. Сызрани, заместителя начальника штаба ГУ МВД России по Самарской области полковника Гошта и членов его семьи. В ходе расследования этого преступления нашими специалистами на основании анализа биллинговой информации и информации с камер фиксации автотранспорта «Автодория» и «Поток» составлены схемы передвижения лиц, совершивших убийство, установлено наличие устойчивой связи между ними и их причастности к преступлению.

Одним из наиболее востребованных направлений в следственной практике остается использование технических возможностей по восстановлению и изъятию данных при осмотре цифровых информационных носителей. Применение при осмотре изъятых носителей информации комплексов «Мобильный криминалист» позволило восстановить, извлечь и улучшить электронную информацию по целому ряду уголовных дел.

Эффективно используется криминалистическая техника при проведении поисковых мероприятий для обнаружения предметов, имеющих доказательственное значение. Например, при использовании гидролокатора бокового обзора по уголовному делу о безвестном исчезновении Усова в районе грузового порта в г. Кирове был обнаружен автомобиль с трупом потерпевшего.

По уголовному делу об убийстве Оленева нашими специалистами при помощи металлодетекторов и магнитометра в р. Большая Просница (Ки-

ровская область) обнаружены части орудия преступления – гладкоствольного ружья и боеприпасы к нему.

В ходе поисковых мероприятий в Смоленской области по уголовному делу о серии убийств граждан с целью завладения их квартирами при помощи металодетекторов и магнитометра было обнаружено орудие преступления – молоток.

В 2016 г. продолжилось развитие нового направления – пользования возможностей космической фотосъемки при расследовании преступлений. В Главном управлении криминалисте СК РФ создана точка удаленного доступа к внутренней сети Роскосмоса для получения данных дистанционного зондирования поверхности Земли.

В связи с обращениями следственных подразделений Следственного комитета получены 52 космических снимка, которые следствием использованы для установления обстоятельств преступлений как доказательства по уголовным делам.

Нами проводится активная работа по развитию криминалистической психологии. Для расследования уголовных дел используются возможности психологов и специалистов в области активизации памяти и составления рисованных портретов преступников.

Участие специалистов-психологов в психологическом сопровождении расследования уголовных дел позволило раскрыть ряд особо тяжких преступлений.

Например, мероприятия по активизации памяти потерпевших и использование изготовленных с их слов субъективных портретов лиц, совершивших преступления, дали возможность в совокупности с другими доказательствами установить ряд сексуальных насильников: гр-на К., совершившего изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении потерпевшей К.; гр-на С, совершившего аналогичные преступления в отношении потерпевшей Г. (Ульяновская область); гр-на Д, совершившего в 2010 г. изнасилование недееспособной М., а в 2012 году – изнасилование малолетней Л. (Пермский край).

В результате активизации памяти свидетелей и применения субъективных рисованных портретов установлены ранее судимый Б., который дал признательные показания об убийстве Л. (Краснодарский край), а также З., которому предъявлено обвинение в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть Н. (Архангельская область).

Активно внедряются в следственную практику и новые технические средства.

Нашими криминалистами организована апробация двух роботизированных станций для производства молекулярно-генетических экспертиз. Проработаны вопросы внедрения в следственную практику образцов высокотехнологичного оборудования – глубинного детектора, подповерхностного обнаружителя, радара-обружителя людей за преградами, прибора для восстановления отпечатков обуви, металлодетектора, специализированного фонаря с УФ-излучением, лазерного 30 сканера. Регулярное обновление и широкое применение технических средств в расследовании – один из путей качественного и эффективного осуществления следственной деятель-

ности, неотъемлемое условие ее успеха. Все подразделения криминалистики территориальных следственных органов оснащены современными образцами высокотехнологичного оборудования лучших мировых производителей. Это позволяет результативно решать задачи, стоящие перед следственными органами Следственного комитета Российской Федерации.

***

Современные технологии у нас служат не только для непосредственного раскрытия преступлений, но и для обучения своих собственных сотрудников.

Для обучения следователей в учебных кабинетах, которые имеются во всех следственных органах, применяются программы «Виртуальный осмотр места происшествия», «Виртуальный обыск».

Использование указанных программ наглядно демонстрирует имеющиеся навыки сотрудников следственных органов при проведении указанных следственных действий, помогает устранить имеющиеся недостатки.

В помощь, особенно начинающим следователям, создаются учебные видеофильмы.

Так, сотрудниками следственного управления по Хабаровскому краю подготовлен видеофильм, содержащий ознакомительную информацию о поисковых средствах, имеющихся в распоряжении отдела криминалистики.

В Республике Тыва подготовлен видеофильм «Применение источников криминалистического света, а также использование цианакрилатной камеры при производстве следственных действий».

Помимо этого, Главным управлением криминалистики СК РФ Разработана и направлена для внедрения в следственные органы типовая программа стажирования следователей «Осмотр места происшествия: работа со следами, процессуальное оформление». Данная программа предназначена для повышения уровня знаний сотрудников, имеющих стаж работы до одного года. Обучение предполагает усвоение следователем особенностей тактики осмотра места происшествия по различным категориям и способам совершения преступлений, получение навыков работы с техническими средствами для выявления, фиксации и изъятия следов, формирует умение построить версии, а также грамотно процессуально оформить следственные действия.

Разработан практический комплекс – программное приложение «Реконструкция места происшествия», предназначенный для составления схематических планов для фиксации хода и результатов следственных действий (для мобильных устройств). В отличие от обычного (рисованного) плана места происшествия программа содержит наборы условных моделей для наиболее часто применяемых при составлении плана объектов, позволяет составлять простые и развернутые планы места происшествия в различных масштабах, которые могут быть привязаны к конкретным географическим координатам как через приемники GPS/Глонасс, имеющиеся в устройстве, на котором установлен комплекс, так и путем использования внешних приемников систем глобального позиционирования.

Уверен, что инициативность, энергия и огромный творческий потенциал следователей и криминалистов позволит нам успешно справляться с любыми вызовами преступности.

Для цитирования: *Бастрыкин А.И.* Некоторые проблемы раскрытия и расследования преступлений серийных и прошлых лет: лекция // Юридическая мысль. – 2022. – № 1 (125). С. 177–184.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.014

LECTURE: "Some problems of disclosure and investigation of serial and past crimes"

Alexander I. Bastrykin *

Annotation. This lecture contains an analysis of the methods of disclosure and investigation of serial and past crimes, taking into account the peculiarities of improving the efficiency of the organization of the work of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation at the present stage. The author pays special attention to the disclosure of particularly serious crimes by investigative means in close cooperation with the bodies of inquiry and using the latest forensic technology, which has been introduced into the daily practice of investigative units.

The article presents some theoretical provisions, the practice of their application using modern forensic and search equipment, expert equipment, monitoring of incidents and crimes against minors, etc.

Keywords: criminal legislation, Investigative Committee, prosecutor's office, information, forensic service, digital information media, billing, suicide.

From the first day of the formation of the Investigative Committee of the Russian Federation, we have tried to change the usual stereotypes of the domestic law enforcement system, introducing into the duties of our investigators and criminologists not only the investigation of criminal cases, but also the disclosure of crimes, which previously, according to a fairly common opinion, was the prerogative of only the bodies of inquiry.

Also, since the formation of the Investigative Committee of the Russian Federation, emphasis has been placed on ensuring proper forensic support of the preliminary investigation, as well as the disclosure of crimes, including those committed in previous years.

Thus, we managed to introduce the disclosure of particularly serious crimes by investigative means in close cooperation with the bodies of inquiry and using the latest forensic technology into the daily practice of investigative units.

Largely due to this approach, the level of detection of particularly serious crimes against the person is steadily increasing. Thus, according to the results of 2016, the detection rate of murders was 91%, intentional infliction of se-

* *Bastrykin Alexander Ivanovich*, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

rious harm to health, which caused the death of the victim by negligence, 94%, rape 97%.

But our efforts are also aimed at solving crimes committed in the past years.

Here it is impossible to ignore the leading importance in the organization of this work of forensic investigators.

The entire long term, and this is more than 60 years, history of the forensic service in the system of the prosecutor's office, and then in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation shows that forensic investigators play a special role in the organization of the disclosure of crimes committed in conditions of non-evidence, in the technical support of investigative activities, in the improvement of professional knowledge and skills investigators. To date, all conditions have been created for further improving the quality of the work of forensic investigators. Their powers are enshrined in the Criminal Procedure Law.

Criminologists study criminal cases of crimes of previous years, checking the completeness of the versions put forward and the degree of their "working out", the effectiveness of the search for persons who committed crimes and hid from the investigation authorities, the effectiveness of using the database of operational and forensic records.

Thus, with the direct participation of employees of the Main Department of Criminalistics of the RF IC, when checking persons who carried out plumbing, welding and other work in the houses of Mezhdurechensk (Kemerovo region), located in the area of the murder of a minor Bakhturova committed in 2007, L. was identified, which was fingerprinted and checked on the basis of the ADIS “Papilon”. The fingerprint of L.'s hand coincided with the trace left on the tape with which the victim was bound. The findings of the molecular genetic examination confirmed the fall of the DNA profile of L. with a DNA profile of biological traces left by contact with Bakhturova. The murderer, who had been hiding from justice for almost 10 years, was exposed.

In a number of cases, the competent organization of the investigation, as well as the use of modern forensic and law enforcement equipment, expert equipment contributed to the identification of persons guilty of committing grave and especially grave crimes.

So, with the direct participation of our criminologists, the murder of a minor Popova in the Chelyabinsk region was solved. When viewing the video recordings of surveillance cameras in the area of the commission of the crime, the route of the victim with an unknown young man was established. The analysis of telephone connections conducted in the Main Department of Criminalistics of the RF IC along the entire route of the victim's movement allowed to identify a resident of Chelyabinsk Sh. During a search at his place of residence, clothes with traces of the victim's blood were found. This is confirmed by the results of genetic forensic examination. Taking into account the evidence obtained, Sh. confessed to the murder.

One of the main areas of investigative and criminalistic activity is analytical work. It is her results that in most cases make it possible to subsequently identify the serial nature of the crimes.

In 2016, with the participation of our employees, a number of serial crimes were uncovered that caused an increased public response: 6 episodes of murders of Tajik citizens in the Trans-Baikal Territory, a series of crimes (14 episodes) against sexual integrity in St. Petersburg, rapes (7 episodes) in 2015 in the Kaluga region. Additional episodes of a series of murders and the unknown disappearance of citizens in the Bryansk and Smolensk regions have been revealed.

We constantly monitored incidents and crimes against minors (minors), including those related to their unknown disappearance.

An immediate response to every fact of a particularly serious crime against children committed in conditions of non-obviousness is clearly organized. Almost immediately, the visits of investigators and criminologists of the central office are carried out in order to fully, comprehensively and objectively establish all the circumstances of the incident. In 2016 alone, criminologists carried out almost 500 targeted visits on specific crimes.

***

In the context of the stated topic, it is necessary to touch upon the problem of child suicides that worries us all. The issue of the death of our children cannot remain without the attention of the investigating authorities.

In August 2016, the Chairman of the RF IC issued an order on the basis of which investigators and criminologists conducted targeted activities within the framework of the interdepartmental working group on improving state policy in the field of preventing child suicides provoked by unidentified persons on the Internet. When receiving information about the possible commission of suicides of minors, measures were taken to prevent them

Thus, suicide attempts were prevented in the Krasnodar Territory by a young B., in the Moscow Region by a young 3 children from St. Petersburg and the Republic of Bashkortostan, as well as an attempt at a mass suicide of minors, which was to take place on December 26, 2016.

A set of preventive and preventive measures aimed at suppressing possible suicide attempts was carried out with all teenagers who were in the so-called "death groups", who were under psychological pressure from the administrators of these groups. Their parents, employees of educational bodies, internal affairs bodies, psychologists and social services were involved in working with teenagers, who provided the necessary qualified assistance.

In order to effectively prevent the actions of the administrators of the “death groups”, criminal liability should be introduced for inducing suicide, in particular, by distributing relevant information using electronic or information and telecommunications networks, including the Internet.

This conclusion was reached by members of the interdepartmental working group created at our suggestion, which, along with employees of the Investigative Committee of the Russian Federation, included representatives of Roskomnadzor, the Ministry of Education and Science, the Ministry of Health, the Federal State Budgetary Institution “Federal Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky” and the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Representatives of the Ministry of Inter-

nal Affairs of Russia, Rospotrebnadzor, the Ministry of Communications and Mass Communications of the Russian Federation, a number of other departments and organizations were also involved in the work of the group.

At the meetings of the working group, the issues of legislative prohibition of inducement to commit suicide, development of comprehensive measures for their prevention and identification of signs of suicidal behavior, improvement of interdepartmental information exchange and the out-of-court procedure for blocking dangerous resources were discussed.

In connection with the elaboration of the same topic by the deputies of the Russian parliament, joint work was carried out on the site of the legislative body of the state.

Thanks to the active position of the Deputy Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation I.A. Yarova, who heads the work group on countering activities related to inciting minors to suicide and promoting violence among them, a law project has been developed on amendments to the existing Criminal and Criminal Procedure Codes regarding the establishment of additional mechanisms to counter suicide. All law enforcement and other State bodies have come out on this issue with a united front, supporting such an initiative.

On February 22, 2017, the Investigative Committee of the Russian Federation approved the official recall of the Government of the Russian Federation, which supported the draft federal law.

At the meeting of the expanded Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia held on March 9, 2017, the initiative was supported by the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin. He called on law enforcement agencies to actively stop the actions of the owners, creators and administrators of sites promoting suicide, calling their activities destructive and criminal.

Only together, with the whole society, we will be able to defeat this evil. On June 7, 2017, the Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract activities aimed at encouraging children to suicidal behavior” No. 120-FZ was adopted.

***

In a modern society living in the era of technological advancement, investigative bodies must inevitably use the most modern technologies to solve a crime. And we have some successes.

Our criminologists successfully analyze and process billing information, restore and extract remote information from digital electronic devices by means of search activities using forensic light sources, sonar, nonlinear locators, metal detectors, ground-penetrating radars, and other forensic and special equipment. At the same time, measures to activate the memory of participants in the preliminary investigation are of great importance, subjective painted portraits of suspects are compiled.

The capabilities of the automated software complex “Segment” are actively used, which allows automating the process of analyzing billing information.

Thus, with the help of the agro-industrial complex “Segment”, as a result of the analysis of more than 2 million telephone connections and the study of subscriber data, the persons who committed the murder of entrepreneur Ashraf in February 2014 (Republic of Bashkortostan) were identified.

The analysis of billing information was effectively used to identify the participants of the crime and consolidate evidence in the criminal case of the murder in April 2016 in the village of Ivashevka, Syzran district of the Samara region of the ex-head of the Syzran police, Deputy Chief of Staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Samara region of Colonel Gosht and his family members. During the investigation of this crime, our specialists, based on the analysis of billing information and information from the cameras of recording vehicles “Avtodoriya” and “Potok”, drew up movement patterns of persons who committed murder, established the existence of a stable connection between them and their involvement in the crime.

One of the most popular areas in investigative practice remains the use of technical capabilities for the recovery and seizure of data during the inspection of digital information carriers. The use of the “Mobile Criminalist” complexes during the inspection of seized data carriers made it possible to restore, extract and improve electronic information on a number of criminal cases.

Forensic techniques are effectively used when conducting search activities to detect items of investigative significance. For example, when using side-view sonar in the criminal case of the unknown disappearance of Usov in the area of the cargo port in Kirov, a car with the victim's corpse was found.

In the criminal case of the murder of Olenev, our specialists with the help of metal detectors and a magnetometer in the Bolshaya Prosnitsa River (Kiev region) found parts of the crime weapon – a smoothbore rifle and ammunition for it.

During the search activities in the Smolensk region in the criminal case of a series of murders of citizens with the aim of seizing their apartments with the help of metal detectors and a magnetometer, an instrument of crime – a hammer – was discovered.

In 2016, the development of a new direction continued – the use of the possibilities of space photography in the investigation of crimes. A point of remote access to the internal network of Roscosmos has been created in the Main Directorate of Criminalist of the RF IC to obtain remote sensing data of the Earth's surface.

In connection with the appeals of the investigative units of the Investigative Committee, 52 satellite images were obtained, which the investigation used to establish the circumstances of crimes as evidence in criminal cases.

We are actively working on the development of forensic psychology. To investigate criminal cases, the capabilities of psychologists and specialists in the field of memory activation and drawing drawn portraits of criminals are used.

The participation of psychological specialists in the psychological support of the investigation of criminal cases allowed uncovering a number of particularly serious crimes.

For example, measures to activate the memory of victims and the use of subjective portraits of persons who committed crimes made from their words

made it possible, together with other evidence, to identify a number of sexual abusers: Mr. K., who committed rape and violent acts of a sexual nature against the victim K.; Mr. C, who committed similar crimes against the victim G. (Ulyanovsk region); gr-on D, who committed the rape of the incapacitated M. in 2010, and the rape of the minor L. in 2012 (Perm Krai).

As a result of the activation of the memory of witnesses and the use of subjective hand-drawn portraits, the previously convicted B., who confessed to the murder of L. (Krasnodar Territory), as well as 3., who was charged with causing serious harm to health, resulting in the death of N. (Arkhangelsk region), were identified.

New technical means are also being actively introduced into investigative practice.

Our criminologists have organized the testing of two robotic stations for the production of molecular genetic examinations. The issues of introducing samples of high-tech equipment into investigative practice have been worked out – a deep detector, a subsurface detector, a radar detector of people behind obstacles, a device for restoring shoe prints, a metal detector, a specialized flashlight with UV radiation, a laser scanner. Regular updating and widespread use of technical means in the investigation is one of the ways of high-quality and effective implementation of investigative activities, an essential condition for its success. All units of criminalistics of territorial investigative bodies are equipped with modern samples of high-tech equipment of the world's best manufacturers. This makes it possible to effectively solve the tasks facing the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation.

***

Modern technologies in our country serve not only for the direct detection of crimes, but also for the training of their own co-workers.

To train investigators in classrooms that are available in all investigative agencies, the programs “Virtual inspection of the scene”, “Virtual search” are used.

The use of these programs clearly demonstrates the existing skills of employees of investigative bodies in carrying out these investigative actions, helps to eliminate existing shortcomings.

Educational videos are being created to help, especially novice investigators.

So, employees of the investigative department for the Khabarovsk Territory have prepared a video containing introductory information about the search tools available to the criminalistics department.

A video film "The use of forensic light sources, as well as the use of a cyanoacrylate camera in the production of investigative actions" has been prepared in the Republic of Tyva.

In addition, the Main Department of Criminalistics of the RF IC has developed and sent for implementation to the investigative authorities a standard program of training of investigators “Inspection of the scene of the incident: work with traces, procedural registration”. This program is designed to increase the level of knowledge of employees with up to one year of work experience. The

training involves the acquisition by the investigator of the specifics of the tactics of examining the scene of the incident according to various categories and methods of committing crimes, obtaining skills to work with technical means for identifying, fixing and removing traces, forms the ability to build versions, as well as competently formalize investigative actions.

A practical complex has been developed – the software application "Reconstruction of the scene of the incident", designed for drawing up schematic plans for recording the progress and results of investigative actions (for mobile devices). In contrast to the usual (drawn) accident scene plan, the program contains sets of conditional models for the most commonly used objects when drawing up a plan, allows you to make simple and detailed plans of the accident scene on different scales, which can be linked to specific geographic coordinates as through GPS receivers/Glonass, available in the device on which the complex is installed, and by using external receivers of global positioning systems.

I am sure that the initiative, energy and huge creative potential of investigators and criminologists will allow us to successfully cope with any challenges of crime.

For citation: Bastrykin A.I. Some problems of disclosure and investigation of serial and past crimes: lecture // Legal Thought. 2022. № 1 (125). Pp. 184–190.
DOI: 10.47905/ MATGIP. 2022.125.1.014

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2021 ГОД

Наименование публикации	Номер, страницы
5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Алексеева А.А., Волобуева О.А.	
Президент как особая четвертая ветвь власти в России.....	№ 4 с. 12
Вайнбаум К.В.	
Нормативно-правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти: сравнительно-правовое исследование	№ 1 с. 9
Васильев Г.В.	
Финансовая политика, как инструмент обеспечения устойчивого развития региона	№ 4 с. 24
Веселов И.Г.	
Обеспечение планирования законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе	№ 2 с. 15
Веселов И.Г., Зиновьев А.О.	
Экспертиза законопроектов в законодательных (представительных) органах государственной власти	№ 2 с. 36
Виноградов А.С., Романова И.В.	
Реформирование пенитенциарной системы в России во второй половине XIX – начале XX века.....	№ 1 с. 19
Винокуров В.А.	
Поправка в Конституцию Российской Федерации о публичной власти: теоретико-правовое осмысление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России	№ 1 с. 39
Глазков В.А., Левченков А.И.	
«Устойчивое развитие»: проблемы и перспективы	№ 4 с. 40
Грунин А.Г., Муравлева А.Ю.	
Некоторые предпосылки для формирования понятия квазиправоохранительные органы	№ 4 с. 52
Губанов И.А.	
Законодательное регулирование в сфере государственно-частного партнерства в Испании	№ 3 с. 15
Дроздова А.М., Терещенко Е.А., Комаров В.С., Губанов И.А.	
Государственно-частное партнерство в развитии транспортной инфраструктуры	№ 2 с. 53
Илембетов А.К.	
Вызовы обеспечению национальной безопасности Российской Федерации	№ 3 с. 28
Коллантай В.А.	
Истина в церковном судебном процессе Русской Православной Церкви Московского Патриархата.....	№ 1 с. 50
Корякин И.И.	
Оптимизация организационного обеспечения деятельности судов: теория и практика правового регулирования	№ 4 с. 62

Копосова Т.Ю.
Взаимодействие общей и политической полиции
в контексте реформ в Российской империи № 1
конца XIX – начала XX вв. ..... с. 68
Куксин И.Н., Аллалыев Р.А. № 1
Верховенство права в условиях нестабильности экономики ..... с. 79
Лебедева (Скачкова) А.Е.
Прокуратура и граждане Российской Федерации
в деле противодействия правонарушениям и коррупции № 1
органов публичной власти в бюджетной сфере..... с. 90
Майоров И.И. № 2
Институт главы государства: общее и особенное ..... с. 63
Максимов А.А.
Критика Г.В.Ф. Гегелем философско-правового учения № 3
И. Канта о свободе ..... с. 38
Максимова Е.А.
Правовое регулирование государственного
и муниципального управления финансовыми № 3
рисками публично-правовых образований ..... с. 48
Мицкая Е.В.
Размышляя о достижении эффективности нормативных № 4
правовых актов ..... с. 77
Оробец В.М.
Источник права как юридическое понятие. Конкретизация № 2
его содержания и объема ..... с. 77
Петрунина А.А. № 4
Информационные права в сфере здравоохранения ..... с. 88
Прокопович Г.А. Коррупция как проблема на пути устойчивого № 4
развития человечества в XXI веке ..... с. 96
Прокофьев К.Г., Иванов Д.В.
«Теория принципов» Рональда Дворкина – «третий путь» № 4
в теории права?..... с. 104
Фролова Н.А.
Наркобезопасное общество как определяющий фактор № 4
современного этапа социального развития России ..... с. 114
Шеркунов С.А.
Наукограды России: современное состояние № 4
и перспективы развития..... с. 127

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)

Бикмаев Р.Р.
Административно-правовой режим обеспечения общественной
безопасности в период распространения новой коронавирусной № 1
инфекции Covid-19 ..... с. 120
Гараева К.И.
Правовая основа производства по делам об административных № 1
правонарушениях в Российской Федерации ..... с. 128
Гафурова Д.Р. № 1
Аутсорсинг в системе муниципального управления ..... с. 99

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Погорелова С., Старцева П.
Пограничное состояние предпринимательской деятельности в сфере гражданского, уголовного, административного правоотношения ..... № 1 с. 109

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гареев М.Ф.
Правовой и криминологический анализ внедрения и реализации «цифровой биографии» школьника ..... № 2 с. 90
Гареев М.Ф.
Конфискация имущества как уголовное наказание ..... № 3 с. 62
Гареев М.Ф.
Государственная идеология как основа предупреждения преступлений.... № 3 с. 81
Гареев М.Ф.
Уголовно-правовое воздействие: понятие и правовая природа ..... № 4 с. 138
Гареев М.Ф.
Уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность ..... № 4 с. 154
Крюков В.В., Шлегель О.В.
Сходства и различия в методиках при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности и преступлений против личности ..... № 2 с. 101

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

Бастрыкин А.И.
Лекция: Эволюция следствия в России: история и современность..... № 1 с. 136
Бастрыкин А.И.
Лекция: Из истории зарождения, развития и деятельности следственных органов России на современном этапе ..... № 2 с.115
Бастрыкин А.И.
Лекция: Вопросы повышения эффективности организации работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации..... № 3 с. 99
Бастрыкин А.И.
Лекция: О средствах обеспечения безопасности и противодействия терроризму ..... № 4 с. 170

ПЕРСОНАЛИИ

Захарцев С.И., Комаров С.А., Хабибулин А.Г.
Виктору Петровичу Сальникову исполняется 75 лет ..... № 3 с. 123
Комаров С.А.
Виктору Васильевичу Бородину исполнилось 65 лет ..... № 4 с. 185
Сальников В.П., Комаров С.А., Кондрат И.Н., Хабибулин А.Г.
Сергею Ивановичу Захарцеву исполнилось 45 лет ..... № 4 с. 191

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Alekseeva A.A., Volobueva O.A. № 4
President as a special fourth branch of power in Russia ..... p. 18
Gubanov I.A. № 3
Legislative regulation in the field of public-private partnership in Spain ..... p. 22
Drozdova A.M., Tereshchenko E.A., Komarov V.S., Gubanov I.A. № 2
Public-private partnership in the development of transport infrastructure..... p. 58
Frolova N.A.
Drug-safe society as a determining factor in the modern stage № 4
of social development in Russia ..... p. 120
Ilembetov A.K. № 3
Challenges to ensuring the national security of the Russian Federation ..... p. 33
Glazkov V.A., Levchenkov A.I. № 4
"Sustainable development": problems and prospects ..... p. 46
Grunin A.G., Muravleva A.Yu.
Some prerequisites for the formation of the concept of quasi-law № 4
enforcement bodies ..... p. 57
Kollantai V.A.
Truth in church litigation Russian Orthodox Church № 1
(Moscow Patriarchate) ..... p. 59
Koposova T. Y.
Interaction of general and political police in the context of reforms № 1
in the Russian Empire late XIX – beginning XX century..... p. 73
Kuksin I.N., Allalyev R.M. № 1
Rule of law in the conditions of economic instability..... p. 84
Koryakin I. I.
Optimization of organizational support for the activities of courts: № 4
theory and practice of legal regulation ..... p. 69
Lebedeva (Skachkova) A.E.
The Prosecutor's office and the public in the fight against offenses № 1
and corruption of public authorities in the public sector..... p. 94
Maksimov A.A.
Criticism G.V.F. Hegel of the philosophical-legal teaching of I. Kant № 3
about freedom ..... p. 43
Maksimova E.A.
Legal regulation of state and municipal governance of financial risks № 3
of public legal formations ..... p. 55
Mayorov I.I. № 2
Institute of the head of state: general and special ..... p. 70
Mitskaya E.V. № 4
Reflecting on achieving the effectiveness of regulatory legal acts ..... p. 82
Orobets V.M. № 2
The source of law as a legal concept Specifying its content and scope ..... p. 83
Petrunina A.A. № 4
Health information rights ..... P. 92
Prokopovich G.A.
Corruption as a problem on the path of sustainable development № 4
of mankind in the XXI century..... p. 100

Prokofiev K.G., Ivanov D.V.
Ronald Dvorkin's "Theory of Principles" - "The Third Way" in the Theory of Law? ..... № 4 p. 109
Sherkunov S.A.
Science cities of Russia: current state and development prospects ..... № 4 p. 132
Vasiliev G.V.
Financial policy as a tool for ensuring sustainable development of the region ..... № 4 p. 32
Veselov I.G.
Ensuring planning of legislative activities in the federal legislative process ..... № 2 p. 26
Veselov I.G., Zinoviev A.O.
Expert examination of draft laws in legislative (representative) bodies of state power ..... № 2 p. 44
Vinogradov A.S., Romanova I.V.
Reform of the penitentiary system in the Russian Empire (second half of the XIX – beginning of the XX century)..... № 1 p. 29
Vinokurov V.A.
Amendment to the Constitution of the Russian Federation on Public Power: theoretical and legal understanding of the rights, freedoms and duties of man and citizen in Russia..... № 1 p. 44
Weinbaum K.V.
Legal regulation activities of the executive bodies authorities: comparative legal research ..... № 1 p. 14

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Gafurova D.R.
Outsourcing in the system of municipal management..... № 1 p. 104
Bikmaev R.R.
Administrative and legal regime for ensuring public safety during the spread of the new coronavirus infection Covid-19..... № 1 p. 124
Garaeva K.I.
Legal basis of proceedings on cases of administrative offenses in the Russian Federation..... № 1 p. 132

5.1.3. – PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL SCIENCES)

Pogorelova S., Startseva P.
The borderline state of entrepreneurial activity in the field of civil, criminal, administrative legal relations..... № 1 p. 114

5.1.4. CRIMINAL SCIENCES

Gareev M.F.
Legal and criminological analysis of implementation and implementation "Digital biography" of the student ..... № 2 p. 95

Kryukov V. V., Shlegel O. V.
Similarities and differences in methods for investigating officials corruption crimes and crimes against personality ..... № 2 p. 108
Gareev M.F.
Confiscation of property as a criminal punishment ..... № 3 p. 72
Gareev M.F.
State ideology as basis for crime prevention ..... № 3 p. 90
Gareev M.F.
Criminal law impact: concept and legal nature ..... № 4 p. 146
Gareev M.F.
Criminal law impact and criminal liability ..... № 4 p. 162

TO HELP THE LECTURER

Bastrykin A.I.
Evolution of investigation in Russia: history and modernity: Lecture..... № 1 p. 154
Bastrykin A.I.
From the history of origin, development and activity investigative bodies of Russia at the present stage: Lecture ..... № 2 p. 128
Bastrykin A.I.
Issues of increasing the efficiency of organizing the work of investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation: Lecture ..... № 3 p. 111
Bastrykin A.I.
On the means of ensuring security and countering terrorism: Lecture:..... № 4 p. 178

PERSONNEL

Zakhartsev S.I., Komarov S.A., Khabibulin A.G.
Viktor Petrovich Salnikov is 75..... № 3 p. 130
Komarov S.A.
Viktor Vasilyevich Borodin is 65 years old ..... № 4 p. 188
Salnikov V.P., Komarov S.A., Kondrat I.N., Khabibulin A.G.
Sergey Ivanovich Zakhartsev is 45 years old ..... № 4 p. 203

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House "Law Institute" (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip.ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 28.03.2022. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 24,24. Усл. п.л. 14,05. Тираж 100 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru